

A portrait of Peter I, the Great, of Russia. He is shown from the chest up, wearing a dark, fur-trimmed coat and a white cravat. He has dark, wavy hair and a small mustache. The background is dark and textured. The portrait is framed by a double-line border.

ПЕТР I

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
1700-1721

На 1-ой полосе обложки:

Петр I.

Неизвестный художник. Начало XVIII в. Холст, масло. (Фрагмент)

Cover:

Peter the Great.

Anonymous artist. Early 18th c. Oil on canvas. (Fragment)

На 2-ой полосе обложки:

Москва. Вид на Кремль из Замоскворечья.

Художник К. И. Рабус. 1846 г. Холст, масло. (Фрагмент)

Inside cover:

Moscow. View of the Kremlin from Zamoskvorechye.

K.I. Rabus. 1846. Oil on canvas. (Fragment)

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ**

**THE ORDER OF LENIN
STATE HISTORY
MUSEUM**

А.С. КОРХ

**ПЕТР I
СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
1700·1721**

**PETER THE GREAT
NORTHERN WAR OF
1700·1721**

За мое Отечество и людей
живота своего не жалел
и не жалею.

Петр I

Время конца XVII — начала XVIII веков было переломным в истории Российского государства. Это время, когда наша страна огромными усилиями народа была поставлена в ряды могущественнейших мировых держав.

В конце XVII века Русское государство, несмотря на определенные успехи в развитии экономики, лишенное удобных выходов к морю, отставало от быстро развивавшихся западноевропейских стран. Такое положение могло привести в дальнейшем к потере национальной независимости. „Ни одна великая нация никогда не существовала и не могла существовать в таком отдаленном от моря положении, в каком находилось первоначально государство Петра Великого... Самый факт преобразования Московии в Россию был возможен благодаря ее превращению из полуазиатского, континентального государства в наиболее могущественную морскую державу на Балтике“ — отмечал К. Маркс.

Необходимость выхода к Балтийскому и Черному морям была давно осознана Российским государством. Вопрос о возврате берегов Балтийского моря, исконно русских земель, стал традиционным во внешней политике России. По словам академика Е. В. Тарле: „Первая четверть XVIII века была тем периодом истории русского народа, когда на несколько поколений вперед решалась его историческая судьба. Прямые потребности дальнейшего экономического развития, необходимость преодолеть хотя бы отчасти большую экономическую и техническую отсталость, повелительно дававшая себя чувствовать потребность покончить с многими обветшалыми и тормозящими пережитками старины в практике правительственной деятельности — все это поставило еще в допетровском поколении перед прогрессивно и самостоятельно мыслящими людьми грозный вопрос о возможности дальнейшего сохранения государственной безопасности и даже о национальном самосохранении, если остаться при

* К. Маркс. Тайная дипломатия. (Цитируется по книге: Е. И. Порфирьев. Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии. М., 1952, с. 11).

△

Медаль на 200-летие сражения под Полтавой.
1909 г. Серебро, чеканка. Лицевая сторона.

Medal commemorating the 200th anniversary
of the Battle of Poltava. 1909. Silver, chasing.

рутинном быте, политическом и общественном, при консервативной идеологии, при отказе от сколько-нибудь активной внешней политики.“

В конце XVII века перед Российским государством встала острая необходимость проведения ряда важнейших реформ, осуществление которых было осложнено крайне тяжелыми условиями вооруженной борьбы со Швецией за выход к Балтийскому морю.

„В этой гигантской работе русский народ выдвинул на руководящее место личность исключительную по своим гениальным дарованиям, по своей неукротимой энергии, по смелому дерзанию — Петра I. Как одна из крупнейших индивидуальностей мировой истории, личность Петра подвергалась самым разнообразным оценкам. И как человек, и как законодатель, и как администратор, и как дипломат, и как полководец он всегда был в центре внимания всех, изучавших его время. Петр I привлекает к себе наше внимание прежде всего как дипломат, как воин, как организатор победы. Он поставил себе цели, повелительно диктовавшиеся неудовлетворенными экономическими потребностями России в свободном выходе к морю, в возвращении старых, насильственно отнятых чужеземцами в XVI—XVII веках русских балтийских берегов, без чего было бы немислимо думать о сколько-нибудь широком развитии экспортной и импортной торговли и вообще о непосредственных сношениях с Западом.“

Петр умело и дальновидно использовал благоприятную международную обстановку в Европе, занятой борьбой за „испанское наследство“, для успешного осуществления активной внешнеполитической деятельности своего правительства.

„Петр оказался не только талантливым и проницательным дипломатом, но и высокоодаренным полководцем и военным организатором в той тяжелой борьбе, в которой русскому народу пришлось отстаивать свое будущее. Петр правильно понял исторические условия и основную задачу русской внешней политики в момент, когда началось его царствование, и разрешения этой задачи — завоевания выхода России к морю — он неуклонно добивался вплоть до 1721 года, когда задача была, наконец, решена подписанием Ништадского мира и можно было более свободно и продуктивно заняться другими внешнеполитическими, а также громадными внутриполитическими проблемами.“

При Петре I Россия добилась больших успехов в развитии промышленности и торговли, были проведены коренные преобразования высших и центральных органов государственного управления, осуществлена финансовая реформа, реформа церкви, преобразована армия, создан военноморской флот, достигнуты значительные успехи в области культуры, укрепилось международное положение государства. Сподвижниками Петра I в этой грандиозной работе были Б. П. Шереметев, А. Д. Меншиков, Ф. А. Головин, Ф. М. Апраксин, А. И. Репнин, М. М. Голицын, Я. В. Брюс, Г. И. Головкин, П. П. Шафиров, П. А. Толстой, Б. И. Куракин, А. А. Матвеев, П. И. Ягужинский и многие другие представители феодальной знати России, выходцы из рядовой дворянской среды и простых сословий, выдвинувшиеся благодаря своим личным способностям и преданности Петру.

В ходе Северной войны 1700—1721 гг. русская армия и военноморской флот одержали ряд блестящих побед над вооруженными силами шведов, из которых наиболее важные — сражения при Лесной и под Полтавой, морские сражения у мыса Гангут и острова Гренгам. По Ништадскому мирному договору Швеция уступала России „в совершенное непрекословное вечное владение и собственность“ прибалтийские земли по берегам Финского и Рижского заливов, что имело огромное значение для успешного развития страны. „Сложность и противоречивость развития России в этот период определили и противоречивость деятельности Петра и осуществленных им реформ. С одной стороны, они имели огромный исторический смысл, так как шли навстречу общенациональным интересам и

потребностям, способствовали прогрессу страны, были нацелены на ликвидацию ее отсталости. С другой стороны, они осуществлялись крепостниками, крепостническими методами и были направлены на укрепление их господства. Поэтому прогрессивные преобразования петровского времени с самого начала несли в себе консервативные черты, которые в ходе дальнейшего развития страны выступали все сильнее и не могли обеспечить ликвидацию социально-экономической отсталости.

Преобразовательная деятельность Петра I отличалась неукротимой энергией, невиданным размахом и целеустремленностью, смелостью в ломке отживших учреждений, законов, устоев и уклада жизни и быта. Но он же укреплял и закреплял крепостные порядки, обосновал режим самодержавного деспотизма. Действия Петра I отличались не только решительностью, но и крайней жестокостью, «нетерпеливого самовластного помещика». По меткому определению А. С. Пушкина, его указы были «нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом».

Большие успехи в войне и государственном строительстве были достигнуты неимоверными жертвами русского народа, жесточайшей эксплуатацией народных масс, беспощадной расправой с противниками политики Петра I.

Одним из результатов развития России этого времени явилось создание новой формы политического господства феодального класса — абсолютизма, сущность которого В. И. Ленин определил следующим образом: «Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением. Самодержавие есть поэтому самовластие чиновников и полиции и бесправие народа.»

При всех отрицательных сторонах, абсолютизм для своего времени был более прогрессивным явлением по сравнению с сословно-представительной монархией, какой было Русское государство в XVII веке. Возросшее могущество России нашло отражение в принятии Петром I в 1721 году титула императора и превращении Русского государства в Российскую империю.

Исторический музей хранит разнообразные коллекции памятников, отражающие историю России первой четверти XVIII века.

Многочисленные документы и изобразительные материалы рассказывают о важнейших событиях Северной войны, строительстве регулярной армии и военно-морского флота, различных промышленных мануфактур по производству жизненно важной продукции, особенно необходимой для ведения войны, строительстве новой столицы государства — Санкт-Петербурга, раскрывают содержание многих реформ, доносят до нас облик Петра I и его сподвижников, дают возможность показать многостороннюю жизнь страны того времени. Среди них выделяется коллекция гравированных портретов Петра I, исполненных как при его жизни, так и в последующие годы XVIII века, а также портреты-миниатюры, создающие яркий образ великого государственного и военного деятеля России.

Оружие пехоты, конницы, артиллерии, боевые знамена гвардейского Преображенского полка, многочисленные трофеи, захваченные в сражениях Северной войны, напоминают о военной реформе, тяжелой солдатской службе и выдающихся победах, в которых страна отстояла свою независимость и добила выхода к берегам Балтийского моря. Многие из этих материалов являются ценнейшими реликвиями. Среди них личные вещи Петра I: военный мундир и праздничный кафтан европейского покроя, личная печать и различные документы, им подписанные, медальон,

выточенный на токарном станке, и возок, которым Петр пользовался во время поездки в Архангельск, и другие. Серебряное блюдо, пожалованное генерал-адмиралу Ф. Лефорт за участие во втором Азовском походе, напоминает о попытках России в конце XVII века пробиться к берегам Черного моря. Кружка, украшенная чеканкой и позолотой, преподнесенная жителями города Пскова фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, — свидетельство тяжелых боев в первые годы войны, в том числе по защите русских городов от разорения шведами. Серебряная стопа с надписью «Александр Данилович Меншиков» и его портретом напоминает о борьбе со шведами за Прибалтику и выдающейся роли в этой борьбе будущего фельдмаршала, а затем генералиссимуса российских войск. Братина — подарок Петра I гетману И. И. Скоропадскому — воскрешает события, связанные с изменой Русскому государству гетмана Мазепы и героической борьбой украинского народа против нашествия шведской армии Карла XII. Торжество и радость русского народа по случаю разгрома шведов под Полтавой нашли яркое воплощение в пластинах и скульптуре «Триумф Петра I», вырезанных из мамонтовой кости. «Отцу Отечества нашего, царю и воину непобедимому в незабвенную память при славных его над свейскими войсками победы», — сказано в надписи на этих великолепных памятниках прикладного искусства XVIII века. О торжествах в честь победы над шведами под Полтавой напоминает чарка, выточенная Петром и подаренная им М. П. Гагарину — устроителю встречи русской армии в Москве в 1709 году, а также серебряный стакан с надписью «Виват! царь Петр Алексеевич». Роспись цветными эмальями на большой бутылке зеленого стекла рассказывает о жестоком абсордажном бое у мыса Гангут.

В списке 1-й половины XVIII века музей хранит «Историю Петра I» — сочинение П. Н. Крекшина, современника Петра, украшенную многими иллюстрациями-миниатюрами. В собрании музея имеются «Устав воинский» и «Устав морской» Петра I, сыгравшие важную роль в строительстве армии и флота, другие уникальные издания книг петровского времени. Важнейшие события Северной войны — взятие мощных шведских городов-крепостей Нарвы, Нотебурга, Риги, Ревеля, Выборга, разгром войск Карла XII при Лесной и под Полтавой, крупнейшие победы русского флота, основание Санкт-Петербурга, заключение Ништадтского мира и другие события отражают памятные медали.

При Петре I начала складываться новая наградная система, в этой связи большой интерес представляют наградные серебряные медали за Полтаву и Гангут и два первых российских ордена — орден св. Андрея Первозванного, учрежденный в 1698 году в честь церковного покровителя России, первого проповедника христианства на Руси апостола Андрея, и женский орден св. Екатерины, учрежденный в 1713 году, который должен был увековечить заслуги жены Петра I Екатерины во время неудачного Прутского похода 1711 года. Звезда ордена св. Андрея Первозванного Я. В. Брюса — награда за мужество этого видного генерала и ученого в Полтавском сражении. Большую ценность имеет наградной знак с миниатюрным портретом царя в золотой оправе, украшенный бриллиантами. Такие награды жаловались Петром I за особые услуги, в том числе за храбрость, проявленную в битвах со шведами. За заслуги в Северной войне, строительстве армии и флота, успехи в дипломатической службе Петр I награждал своих сторонников землями и крепостными крестьянами. Жалованная грамота канцлеру Г. И. Головкину на земли и угодья в Малороссии — яркий тому пример.

В ряду реликвий исключительную ценность представляют государственные печати Петра I, которыми скреплялись наиболее важные документы. Эти и многие другие материалы, представляющие большую историческую и художественную ценность, бережно сохраняются в музее как свидетельства переломного времени в истории России.

* В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 4, сс. 242—243.

△

Петр I (1672—1725).
Гравюра Гюнста с портрета Г. Кнеллера. 1697 г.

Peter the Great (1672—1725).
Engraving by Günst after the portrait by G. Kneller. 1697.

*Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.*

А. С. Пушкин

Вооруженные силы России в конце XVII века. Азовские походы Петра I 1695 и 1696 гг. „Великое посольство“ в Западную Европу

Во второй половине XVII века вооруженные силы России заметно отставали от вооруженных сил наиболее развитых европейских государств, в том числе Швеции. Они состояли из поместной дворянской конницы, стрелецкой пехоты, полков „иноземного строя“, артиллерии и казаков. В организационном отношении они не представляли единой военной системы.

Дворянское конное ополчение собиралось только в военное время. В походах помещики своих людей и себя содержали на свой счет. Ополченцы были вооружены самыми различными образцами холодного и огнестрельного оружия. Обычно дворяне одной области составляли полк, который делился на более мелкие подразделения. Военную подготовку ополчение не проходило. Помещики, занятые своим хозяйством, на службу шли неохотно. Яркую характеристику поместного дворянского войска дал известный публицист того времени И. Т. Посошков: „А если на конницу посмотреть, то не то что иностранным, но и самим нам на них смотреть зазорно; в начале у них клячи худые, сабли тупые, сами нужны и бездодежны, и ружьем владеть никаким не умелые. Истинно, государь, я видел, что иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то что ему стрелить по цели хорошенько... Попечения о том не имеют, чтоб неприятеля убить, — о том лишь печетца, как бы домой быть; о том еще молятся богу, чтоб рану нажить легкую, чтоб не гораздо от нее поболеть, а от великого государя жалованну за нее быть. И на службе того и смотрят, чтоб где у время боя за кустом притулиться. А иные такие прокураты (защитники) живут, что и целыми ротами притуляются в лес или в долу, да того и смотрят, как пойдут ратные люди с бою, и они такожде будто с бою в табор приедут. А то я у многих дворян слышал: „Дай-де бог великому государю служить, а сабли из ножен не вынимать, и по таким их словам и по всем их поступкам, не воины они...“

Делами поместного дворянского ополчения ведали Разрядный и Поместный приказы. Правительство Алексея Михайловича понимало, что поместное войско отжило свой век и в 1679 году значительно сократило его численность. К концу XVII века поместная конница составляла только 20 процентов от общей численности русского войска.

Важную часть вооруженных сил страны составляла стрелецкая пехота, набиравшаяся из добровольцев среди вольных посадских людей и сельского населения. В конце XVII века боевой единицей стрелецкого войска был полк численностью в тысячу человек, имевший определенную форму. Стрелец был вооружен мушкетом, саблей и бердышом. Его служба была пожизненной и наследственной. Стрелецкий приказ ведал назначением на службу, снабжением оружием, жалованьем, военным обучением. Численность стрелецкого войска составляла около 20 тысяч человек. Как и дворяне, стрельцы после походов возвращались по домам и в свободное от службы время занимались своим хозяйством и торговлей. Совмещение военной службы с „мирными“ занятиями со временем приводило к слиянию стрельцов с посадским населением городов, ослабляло их боеспособность. „А если, государь, прежние службы вспомнать, и те службы, бог весть, как они и управлялись: людей на службу нагонят множество, а если согласишься на них внимательным оком, то ей, кроме зазору, ничего не узришь. У пехоты ружье было плохо и владеть им не умели: только боронились ручным боем, копьями и бердышами, и то тупыми, и на боях меняли своих голов на неприятельскую голову по три и четыре и гораздо больше“, —

писал И. Т. Посошков. Отражая интересы посадского населения, стрельцы часто выходили из повиновения, а во время московских восстаний 1682 и 1698 гг. стали их движущей силой. После подавления восстания 1698 года Петр распустил стрелецкое войско за исключением некоторых наиболее боеспособных полков, которые влились в состав регулярной армии.

Учитывая недостатки поместной дворянской конницы и стрелецкой пехоты, русское правительство, после неудачных войн с Польшей и Швецией, в начале XVII века пошло на создание новых войск — полков „нового строя“. В отличие от старых полков, они имели постоянный офицерский и солдатский состав, регулярное обучение военному делу. Снабжение полков „нового строя“ оружием, боеприпасами и продовольствием взяло на себя государство. Комплектование осуществлялось государственным призывом на военную службу даточных людей. Дворяне служили в рейтарских и копейных полках, крестьяне и посадские люди — в драгунских и солдатских. Вооружение рейтара составляли карабин, палаш и пара пистолетов, копейщика — длинное копье, шпага и пистолеты; драгунские и солдатские полки были вооружены ружьями, пистолетами, палашами, шпагами. Рейтары и копейщики имели предохранительный доспех — кирасу и каску. Обучение новых полков велось по западноевропейским правилам в основном иноземными офицерами, отсюда их распространенное название — „полки иноземного строя“. Полки „нового строя“ были поселены полками. После окончания военных действий часть офицерского и солдатского состава оставалась под знаменами полков, часть распускалась по домам, где в местах поселения, главным образом по границам с Польшей и Швецией, занималась сельским хозяйством. Осенью, обычно после жатвы, и конные, и пешие полки проходили учебные сборы. В конце XVII века общая численность полков „нового строя“ составляла 90 тысяч человек, т.е. они стали основной силой русских полевых войск.

В составе русских вооруженных сил XVII века имела и артиллерия, которую обслуживали пушкары, затинчики, кузнецы и другие. Как и у стрельцов, их служба была наследственной. Артиллерия подразделялась на „городовой наряд“ — осадные крепостные орудия, и „полковой наряд“, состоявший из тяжелых и легких пушек. В это время русские пушкары решили проблему создания нарезных и казнозарядных орудий, что было важным новшеством в военном деле, но общее состояние артиллерии требовало перевооружения унифицированными, более скорострельными и подвижными орудиями, чтобы повысить ее огневую мощь и надежность.

Особое место в вооруженных силах русского государства занимали казаки: на Среднем и Нижнем Дону „Великое войско Донское“ насчитывало к концу XVII века около 14 тысяч сабель; на реке Урал „Яицкое казачье войско“ — около 3 тысяч сабель; по среднему течению реки Северский Донец „слободские казаки“ — до 5 тысяч человек; по левобережью Днепра украинские казаки составляли „Войско Запорожское“, численностью до 50 тысяч человек, во главе которого стоял выборный гетман. Московское правительство поддерживало казаков, т.к., поселившись на южных и юго-восточных окраинах государства, они почти непрерывно вели борьбу с турками и татарами, прикрывая наиболее беспокойные границы. Вооруженные пиками, саблями, пистолетами, ружьями, а многие луками и стрелами, казаки представляли собой нерегулярную легкую конницу, незаменимую в „малой войне“, разведке, внезапных налетах, но мало приспособленную к открытому бою с регулярными войсками. Таким образом, вооруженные силы Русского государства, несмотря на недостатки, в конце XVII века обладали большой мощью и значительно продвинулись на пути к превращению в регулярную армию.

Петр I родился 30 мая 1672 года. Он был сыном царя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны Нарышкиной — второй жены царя.

Первым учителем Петра стал дьяк Никита Моисеевич Зотов. Десятилетним мальчиком Петр и его старший болезненный брат Иван были провозглашены царями. Но фактическая власть в стране принадлежала их сестре царевне

Софье, стремившейся не допустить Петра к управлению государством. Царица Наталья Кирилловна с Петром вынуждена была покинуть царские дворцы Московского Кремля и жить в подмосковных усадьбах: Измайлове, Коломенском, Преображенском, Семеновском. Петр рос подвижным и любознательным ребенком. Вскоре в селе Преображенском из дворцовых слуг он организовал компанию „потешных“ для военных игр. С годами детские забавы стали превращаться в серьезное дело. Количество „потешных“ росло. Они стали изучать военное дело и применять свои знания на практике. В 1687 году Петр создал из „потешных“ два полка — Преображенский и Семеновский, ставшие ядром будущей регулярной армии. В „потешных“ играх вместе с Петром военную науку постигали многие будущие полководцы и государственные деятели России: А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин, А. М. Головин, М. М. Голицын, А. И. Репнин, Я. В. Брюс, Г. И. Головкин и другие.

Интерес к морю и кораблям, мечта о создании военно-морского флота определились у Петра также в юношеские годы. Случайно обнаруженный в Измайлове заброшенный английский бот возбудил большой интерес Петра. На нем он учился управлять парусами, сначала в Измайловских прудах и на речке Яузе, а затем на Плещеевом озере. В записке „О начале кораблестроения в России“ Петр вспоминал: „... Случилось нам быть в Измайлове на льянном дворе, где лежали остатки вещей дому деда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидел я судно иностранное. Спросил вышереченного Франца (Тиммермана), что то за судно? Он сказал, что то бот английский. Я спросил: где его употребляют? Он сказал, что при кораблях для езды и возки. Я паки спросил: какое преимущество имеет перед нашими судами. Он сказал, что бот ходит на парусах не только по ветру, но и против ветру, которое слово меня в великое удивление привело неимоверно... И вышереченный Франц сыскал голландца Карштен Бранта, который оный бот починил и сдelaл машт и паруса, и на Яузе при мне лавировал, что мне паче удивительно и зело любо стало. Потом, когда я часто то употреблял с ним и бот не всегда хорошо ворочался, но более упирался в берега, я спросил: отчего так? Он сказал, что узка вода. Тогда я перевез его на Просяной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от часу более. Того дня я стал проводить, где более воды; то мне объявили Переславское озеро, куды я, под образом обещания в Троицкий монастырь, у матери выпросился.“

В 1687 году военные „потехи“ на некоторое время были прерваны борьбой за власть с царевной Софьей. После падения ее правительства 17-летний Петр стал самостоятельно управлять государством. Занятия военным делом приобрели широкий размах и целеустремленность. Обучение войск проводилось по определенной системе и заканчивалось большими маневрами, из которых наиболее известны Кожуховские 1694 года, продолжавшиеся месяц. В ходе маневров отработывались приемы осады и штурма крепости, специально построенной для этой цели, форсирование Москвы-реки, взаимодействие различных подразделений пехоты и конницы, действия артиллерии. Численность войск, принявших участие в маневрах, достигала 40 тысяч человек. Кожуховские маневры показали высокие боевые качества новых полков и сыграли важную роль в подготовке походов под Азов против Турции.

Первая попытка Петра I овладеть Азовом — мощной турецкой крепостью, запиравшей выход из Дона в Азовское море, т.е. получить удобный морской путь через Черное море в Европу, была предпринята в 1695 году. Кроме этого, Азовские походы преследовали цель защитить южные границы государства от постоянных набегов крымских татар и турок.

Для осады Азова было выделено войско в 31 тысячу человек, разделенное на три „генеральства“ под командованием П. Гордона, Ф. Я. Лефорта и Ф. А. Головина. Петр руководил военными действиями через Военный совет. Осада крепости и два штурма, предпринятые русской армией, потерпели неудачу. Сказались недостаточный боевой опыт войск, а главное — отсутствие флота, который мог бы закрыть доступ к Азову с моря и лишить крепость помощи по

воде. Не добившись успеха, Петр приказал снять осаду Азова и начать отход. Более удачными были действия Б. П. Шереметева, войска которого сражались против турок в устье Днепра. Ему удалось взять штурмом турецкую крепость Кази-Керман и овладеть несколькими более мелкими укреплениями. Но сильная турецкая крепость Очаков попрежнему контролировала выход из Днепровского лимана в Черное море.

Неудачный поход не изменил решения Петра I получить выход к Азовскому, а затем и к Черному морю. Правильно оценив причины неудач, он с еще большей энергией стал готовиться к новому походу. С этой целью на Воронежской верфи было собрано более 25 тысяч крестьян и ремесленников, которые в спешном порядке строили корабли, необходимые для блокады Азова и транспортировки войск, боеприпасов и продовольствия. Петр сам, приехав в Воронеж, с топором в руках принял участие в строительстве галер. Всеми работами по строительству флота руководили Ф. А. Головин и Ф. Я. Лефорт.

Сухопутные войска также готовились к походу. За короткое время была собрана армия в 70 тысяч человек, включая украинских, донских и яицких казаков.

Весной 1696 года начался Второй Азовский поход. 30 крупных судов, множество стругов и плотов спустились по Дону к Азову. Пехота осадила крепость с суши, корабли, выйдя из устья Дона, блокировали ее с моря. Лишенный помощи с моря, гарнизон Азова вынужден был капитулировать. Утром 19 июля 1696 года русские войска заняли крепость.

Взятие Азова было только началом борьбы с Турецкой империей за берега Черного моря. Под стенами этой крепости Петр убедился, что для успешной борьбы с Турцией ему необходимы союзники, сильная регулярная армия и военно-морской флот. 20 октября 1696 года Боярская Дума обсудила предложение Петра о строительстве флота и вынесла решение: „Морским судам быть...“ Эта дата стала днем рождения русского военно-морского флота, хотя такое решение имело многих противников и было непонятным даже некоторым близким к Петру лицам. Так, наставник молодого царя генерал Патрик Гордон спросил Петра: „На что вам корабли, государь? Ведь у вас нет морей“. И получил ответ: „Были бы корабли, а моря я найду!“

В поисках союзников для борьбы против турок в Европу было отправлено „Великое посольство“, в состав которого неофициально входил и Петр под именем Петра Михайлова. Одной из задач посольства было привлечение к войне с Турцией Австрии, Венеции, Дании, Голландии, Пруссии и Англии. Кроме этого, Петр стремился приобрести знания, перенять опыт по строительству боевых кораблей, познакомиться с составом военно-морских флотов стран Западной Европы, особенно Голландии и Англии, с организацией и боевым искусством западноевропейских армий, а также пригласить на русскую службу западноевропейских офицеров, генералов, мастеров корабельного дела и других профессий.

Весной 1697 года Петр с „Великим посольством“ уехал в Западную Европу. Посольство посетило Пруссию, Польшу, Францию, Голландию, Англию, Австрию. Поручив официальным „Великим послам“ — Ф. Я. Лефорту, Ф. А. Головину и П. Б. Возницину вести дипломатические переговоры, Петр занялся изучением кораблестроения и артиллерийского дела. С этой целью в голландском городе Саардаме он работает на корабельной верфи плотником, в Англии изучает теорию кораблестроения, в Кенигсберге — искусство артиллерийской стрельбы. В одном из писем в Москву он сообщал: „Трудимся, что чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути“.

За время пребывания в странах Западной Европы „Великое посольство“ не нашло союзников по борьбе с Турцией. В то же время Петр убедился в возможности создания сильной коалиции европейских государств против Швеции, т.к. захват шведами значительной части южного побережья Балтийского моря восстановил против них континентальных соседей, особенно Польшу и Данию. Выход к берегам Балтийского моря был для России неизмеримо более важен,

чем выход к Черному морю, — он мог открыть стране прямой путь в Западную Европу. Борьбе за выход к Балтийскому морю способствовала и международная обстановка — надвигалась общеевропейская война за „испанское наследство“ (1702—1714 гг.), что отвлекало силы возможных противников России от участия в борьбе на стороне Швеции.

Учитывая благоприятную обстановку, Петр на обратном пути в Россию вступил в переговоры о военном союзе против Швеции с королем Польши Августом II, продолженные затем в Москве и закончившиеся договором о совместной борьбе против Швеции. После возвращения в Москву, в 1698—1699 гг., продолжались секретные переговоры между Россией, Данией и Бранденбургом, в результате которых был заключен тройственный союз против Швеции. Цель союзников в готовившейся войне — уничтожение господства Швеции в южной и восточной Прибалтике.

Понимая, что борьба со Швецией будет тяжелой, Петр начал усиленно готовить армию к войне. Еще в начале 1697 года для обучения офицерских кадров в страны Западной Европы было отправлено 150 молодых дворян. Западноевропейское военное искусство, морское, артиллерийское, инженерное дело изучали многие сподвижники Петра, входившие в состав „Великого посольства“. Находясь за границей, Петр вербовал на русскую службу генералов и офицеров, мастеров и матросов, надеясь, что они будут способствовать скорейшему обучению войск, строительству военно-морского флота. Была закуплена большая партия оружия: 10 тысяч мушкетов, 5 тысяч фузей, 3200 багинетов, палаши, шпаги, пистолеты и другое военное имущество. Вскоре после возвращения из-за границы подготовительные работы по реорганизации армии были завершены.

В 1699 году указом Петра от 8 ноября стали „набирать прямое регулярное войско из всяких вольных людей“. 17 ноября был издан указ о наборе в армию даточных людей — рекрутов. Тем самым в вооруженных силах России был установлен новый, более прогрессивный порядок комплектования армии и флота. На службу брали молодых мужчин не старше 32 лет с определенного количества дворов, один или несколько раз в году, если того требовали обстоятельства. Крестьяне и посадские люди служили солдатами и матросами, дворяне — офицерами, тем самым поддерживался классовый характер армии. Войска получали униформу. Различные роды войск и их подразделения имели свои отличительные мундиры. Вооружение солдата-пехотинца состояло из кремнево-ударного гладкоствольного ружья — фузеи с багинетом, замененным в 1709 году штыком, и шпаги. Уже через несколько месяцев после опубликования царских указов о наборе „прямого регулярного войска“ были сформированы три пехотных дивизии. Служба в армии стала пожизненной. Одновременно формировались и кавалерийские полки драгунского типа. Драгуны вооружались укороченным ружьем без штыка, палашом и пистолетами. Такое вооружение позволяло им вести бой против всех родов войск противника. К началу Северной войны было сформировано только два драгунских полка, основную массу кавалерии пока еще составляла дворянская конница.

Регулярные войска обучались уже по новому строевому уставу 1699 года, в создании которого важную роль сыграл А. А. Вейде, хорошо изучивший достижения военного искусства европейских армий. Так началась военная реформа, превратившая вооруженные силы России в одни из наиболее мощных в Европе.

Царь Алексей Михайлович (1629—1676).
Неизвестный художник. 1670-е гг. Холст, масло.

Tsar Alexei Mikhailovich (1629—1676).
Anonymous artist. 1670s. Oil on canvas.

Набедренник.
2-я половина XVII в. Бархат, декоративное шитье
жемчугом и драгоценными камнями.

Girdle.
Second half of the 17th c. Velvet,
ornamental needlework employing pearls and gems.

◁ **А. С. Матвеев (1625—1682).**
Известный дипломат. Начальник Малороссийского и
Посольского приказов. Сторонник Петра I.
Был убит во время стрелецкого восстания 1682 г.
Художник И. Фоллевенс. Конец XVII в. Холст, масло.

A. S. Matveyev (1625—1682).
Well-known diplomat. Head of Malorossiyski and Posolsky Prikaz
(Departments). Associate of Peter the Great.
Was killed during the Streltsi revolt in 1682.
J. Vollevens. Late 17th c. Oil on canvas.

Дьяк Н. М. Зотов
обучает царевича Петра
Алексеевича различным
наукам.
Миниатюра из книги
П. Н. Крекшина „История
Петра I“.

1-я половина
XVIII в. Бумага, акварель.

The scribe N. M. Zotov
teaching prince
Pyotr Alexeyevich
a variety of subjects.
Miniature from "History
of Peter the Great" by
P. N. Krekshin.
First half of the 18th c.
Watercolour on paper.

Царевичи
Петр Алексеевич
и Иван Алексеевич у
патриарха Иоакима.
Миниатюра из книги
П. Н. Крекшина „История
Петра I“. 1-я половина
XVIII в. Бумага, акварель.

The Princes
Pyotr Alexeyevich
and Ivan Alexeyevich
with Patriarch Joachim.
Miniature from "History
of Peter the Great"
by P. N. Krekshin.
First half of the 18th c.
Watercolour on paper.

Оружие поместной
конницы — сабли,
топорики, кинжалы.
Конец XVII в. Сталь,
серебро, позолота.

Weapons of local cavalry:
sabres, axes, daggers.
Late 17th c.
Steel, silver, gilding.

△
Дворец Алексея Михайловича в усадьбе Коломенское под Москвой.
Литография В. Тимма 1859 г. с гравюры по рисунку
Гильфердинга конца 1760-х гг.

Palace of Alexei Mikhailovich in Kolomenskoye Estate near Moscow.
Lithograph by V. Timm, 1859, from engraving after the drawing by Gilferding,
late 1760s.

Петр I.
Неизвестный художник (Версальский тип).
1-я половина XVIII в.
Холст, масло.

Peter the Great.
Anonymous artist (Versailles type).
First half of the 18 c. Oil on canvas.

Пистолеты колесцовые.
Конец XVII в. Сталь, дерево, позолота.

Wheel-lock pistols.
Late 17th c. Steel, wood, gilding.

▲ Пороховница.
2-я половина XVII в.
Дерево, медь.

Powder-flask.
Second half of the 17th c.
Wood, copper.

Модель пушки XVII в.
Дерево, бронза, раскраска.

Model of 17th-century gun.
Wood, bronze, colouring.

Учения „потешных“ полков в селе Преображенском. Осада и штурм крепости Пресбург. Миниатюра из книги П. Н. Крекшина „История Петра I“. 1-я половина XVIII в. Бумага, акварель.

Exercises of "potesny" regiments in Preobrazhenskoye village. Siege and storming of Fort Presburg. Miniature from "History of Peter the Great" by P. N. Krekshin. First half of the 18th c. Watercolour on paper.

Учения „потешных“ полков в селе Преображенском под командою Петра Алексеевича. Миниатюра из книги П. Н. Крекшина „История Петра I“. 1-я половина XVIII в. Бумага, акварель.

Exercises of "potesny" regiments in Preobrazhenskoye village under the command of Pyotr Alexeyevich. Miniature from "History of Peter the Great" by P. N. Krekshin. First half of the 18th c. Watercolour on paper.

△ Вид на въездную башню и Покровский собор в усадьбе Измайлово.
Художник К.-Ф. Бодри. 1832 г. Холст, масло.

View of the entrance tower and the Cathedral of the Intercession in Izmailovo estate.
Artist C. F. Baudri. 1832. Oil on canvas.

△ Ручная мортирка.
Начало XVIII в. Дерево, сталь, бронза.

Hand mortar.
Early 18th c. Wood, steel, bronze.

△
Царевна Софья Алексеевна (1657—1704).
Фототипия с гравюры Блотелинга 1687 г.

Princess Sophia Alexeyevna (1657—1704).
Phototype from engraving by Bloteling, 1687.

Бердыши и артиллерийский пальник. ▸
Конец XVII в. Сталь, дерево.

Pole-axes and artillery linstock.
Late 17th c. Steel, wood.

Стрельцы.
Литография середины XIX в.

Streltsi.
Lithograph. Mid-19th c.

Русский боярин.
Литография середины XIX в.

Russian boyar.
Lithograph. Mid-19th c.

Модель скампавеи — одного из типов парусно-весельных кораблей петровского флота. Дерево, ткань, раскраска.

Model of a "scampaway", a type of sail-and-oar ship from the fleet of Peter the Great. Wood, textile, colouring.

VERONIS.

Вид города Воронежа и корабельной верфи.
Гравюра начала XVIII в.

View of the town of Voronezh and the shipyard.
Engraving. Early 18th c.

Медаль, посвященная Ф. А. Головину.
Начало XVIII в. Бронза, чеканка.

Medal in honour of F. A. Golovin.
Early 18th c. Bronze, chasing.

△
Ф. А. Головин (1650—1706).
Генерал-адмирал. Сподвижник Петра I. Участник Азовских походов.
Гравюра П. Шенка. 1706 г.

F. A. Golovin (1650—1706).
General-Admiral. Associate of Peter the Great.
Participant in the Azov campaigns.
Engraving by P. Schenk. 1706.

△ П. Н. Крекшин. „История Петра I“.
Миниатюры посвящены 1-му Азовскому походу.
Слева — осада Азова;
справа — взятие турецкой крепости Кази-Керман.
1-я половина XVIII в. Бумага, акварель.

116

◀ Ф. Я. Лефорт (1656—1699).
Адмирал русского флота.
Сподвижник Петра I.
Участник Азовских походов.
Гравюра П. Шенка.
1698 г.

F. J. Lefort (1656—1699).
Admiral of the Russian Navy. Associate of Peter the Great. Participant in the Azov campaigns.
Engraving by P. Schenk.
1698.

Блюдо, пожалованное Петром I Ф. Я. Лефорту за участие во 2-ом Азовском походе.
Конец XVII в. Серебро, чеканка, позолота.

Plate presented by Peter the Great to F. J. Lefort for taking part in the Second Azov Campaign.
Late 17th c.

▼ Silver, chasing, gilding.

▶ P. N. Kreshin. "History of Peter the Great".
Miniatures dedicated to the First Azov Campaign.
On the left—the siege of Azov;
on the right—the taking of the Turkish Fortress Kasi-Kerman.
First half of the 18th c. Watercolour on paper.

△
 Домик в Саардаме, в котором жил Петр I
 во время посещения Голландии в 1697 г.
 Гравюра Х. Мешеля, 1794 г.

House in Saardam where Peter the Great lived during
 his visit to Holland in 1697.
 Engraving by C. Mechel. 1794.

▷
 Вид комнаты Петра I в саардамском доме.
 Гравюра Д. Шлютера. Конец XVIII в.

View of the room occupied by Peter the Great
 in the Saardam house.
 Engraving by D. Schlüter. Late 18th c.

Петр I.
 Миниатюра художника Ж. Мюссара. 1714 г.
 Эмаль на меди.

Peter the Great.
 Miniature by G. Mussar. 1714. Enamel on copper.

△
Петр I беседует с мастерами корабельного дела в Саардаме.
Гравюра И.-Б. Мишеля с оригинала Г. Ваппера. 1858 г.

Peter the Great with shipbuilders in Saardam.
Engraving by J. B. Michel, 1858, after the original by G. Vapper.

Аудиенции боярину
Б. П. Шереметеву у
австрийского императора
Леопольда I в Вене и папы
римского Иннокентия XII в
Риме во время пребывания
„Великого посольства“
в Западной Европе в 1697 и
1698 гг.
Гравюры неизвестного
мастера. 1774 г.

Boyar B. P. Sheremetev having
an audience with Emperor
Leopold I of Austria in
Vienna and with Pope
Innocent XII in Rome during
the Great Embassy's stay in
Western Europe in 1697—1698.
Engravings by an anonymous
master. 1774.

Аудиенция боярину
Б. П. Шереметеву
у польского
короля Августа II в Кракове в
1697 г.
Гравюра неизвестного
мастера. 1774 г.

Boyar B. P. Sheremetev being
received in audience by King
Augustus II of Poland
in Kraków in 1697.
Engraving by an anonymous
master. 1774.

△
Звезда и крест польского ордена
Белого Орла.
XVIII в. Золото, эмаль, шитье.

Star and cross of the Polish Order
of the White Eagle.
18th c. Gold, enamel, embroidery.

◀
 Август II (1670—1733).
 Король польский и курфюрст саксонский —
 союзник России в войне со Швецией.
 Неизвестный художник. Начало XVIII в. Холст, масло.

Augustus II (1670—1733).
 King of Poland and Elector of Saxony,
 Russia's ally in the Russo-Swedish war.
 Anonymous artist. Early 18th c. Oil on canvas.

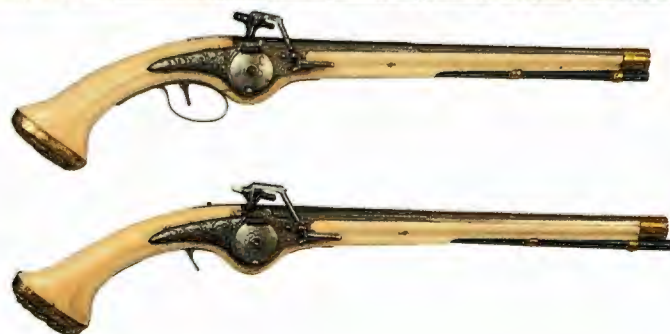

Вид города Варшавы — столицы Польши.
Гравюра Г. Перелля. 1656 г.

View of Warsaw, capital of Poland.
Engraving by G. Perell. 1656.

Пистолеты колесцовые.
Конец XVII в. Сталь,
слоновая кость, позолота.

Wheel-lock pistols.
Late 17th c.
Steel, ivory, gilding.

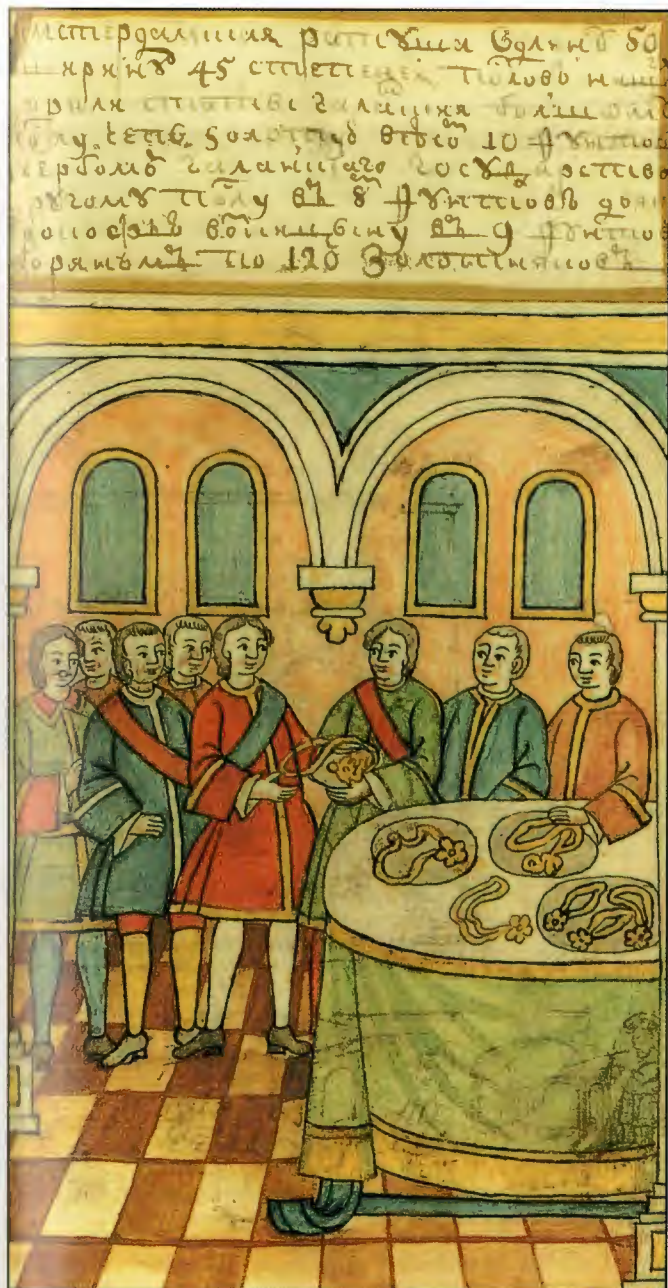
△ А. А. Матвеев (1659—1728). Видный дипломат петровского времени. Сенатор и президент Юстиц-коллегии. Посол в Голландии и при австрийском дворе. Гравюра Н. Колпакова 1766 г. с оригинала Г. Риго.

A. A. Matveyev (1659—1728). A prominent diplomat of the Petrine age. Senator and President of the Justice Collegium. Ambassador to Holland and the Austrian Court. Engraving by N. Kolpakov, 1766, after the original by H. Rigaud.

△ Б. И. Куракин (1678—1727). Видный дипломат петровского времени. Полномочный посол в Лондоне, Париже, Гааге. Гравюра Гюнста с оригинала Г. Кнеллера. 1710-е гг.

B. I. Kurakin (1678—1727). A prominent diplomat of the Petrine age. Ambassador Plenipotentiary in London, Paris, the Hague. Engraving by Günst after the original by G. Kneller. 1710s.

◀ Вручение в ратуше Амстердама наград русским дипломатам, в том числе П. Б. Возницыну — одному из „великих послов“ во время поездки Петра I за границу в 1697—1698 гг.

Миниатюра из книги П. Н. Крекшина „История Петра I“, 1-я половина XVIII в. Бумага, акварель.

Presentation of awards to Russian diplomats in the Town Hall in Amsterdam.

One of the recipients is P. B. Voznitsyn, one of the “great Ambassadors” during Peter the Great’s visit abroad in 1697—1698.

Miniature from “History of Peter the Great” by P. N. Krekshin. First half of the 18th c.

Watercolour on paper.

◀ Возвращение Петра I в Москву из заграничной поездки 1697—1698 гг. в составе „Великого посольства“. Миниатюра из книги П. Н. Крекшина „История Петра I“. 1-я половина XVIII в. Бумага, акварель.

Return of Peter the Great to Moscow from his journey abroad in 1697—1698 with his “Great Embassy”. Miniature from “History of Peter the Great” by P. N. Krekshin. First half of the 18th c. Watercolour on paper.

*О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?*

А. С. Пушкин

Петр I.
Скульптор Шредер.
1784 г.
Бронза, литье.

Peter the Great.
Sculptor Schröder. 1784.
Bronze, casting.

Начало Северной войны. Боевые действия в Прибалтике и Польше в 1700—1706 гг. Военная реформа

Еще задолго до Петра Прибалтика играла важную роль в жизни Руси. Через нее проходили торговые пути новгородских и псковских купцов в западноевропейские страны. Через нее лежал путь „из варяг в греки“. Еще при киевском князе Ярославле Мудром в 1030 году в эстонских землях был zaloжен город Юрьев, ныне Тарту. Прибалтийские племена были тесно связаны с Русью, особенно с Новгородом, Псковом и Полоцком.

В XIII веке, воспользовавшись нашествием монголо-татар на русские земли, в Прибалтику вторглись скандинавские норманны, затем датчане и шведы. Немецкие рыцари Ливонского ордена захватили земли латышей и эстонцев. Новгородский князь Александр Ярославич Невский разгромил шведов на Неве в 1240 году и нанес первое крупное поражение немецким „псам-рыцарям“ на льду Чудского озера в 1242 году. Но борьба с агрессией Ордена затянулась на долгое время, и только Иван IV Грозный в ходе длительной Ливонской войны (1558—1583) разгромил Орден. В XVI—начале XVII вв. Русскому государству пришлось вести борьбу за „ливонское наследство“ со Швецией, Литвой и Польшей. В ходе многолетней борьбы шведам удалось продвинуться на восток, захватить старинные русские города Ям, Копорье, Карелу, Орешек, Ивангород и лишить Русское государство выходов к Балтийскому морю. „Тяжелее всего для русских быть отрезанными от Балтийского моря, а допустить их утвердиться на этом море с целями торговыми или другими было бы крупнейшей политической ошибкой, — говорил шведский король Густав-Адольф после заключения Столбовского мира в 1617 году. Без нашей воли русские купцы не могут показаться на Балтийском море ни с одною лодкою. . . . Вся богатая русская торговля прибалтийского бассейна теперь должна проходить через наши руки.“

К началу XVIII века Швеция была одной из сильнейших европейских держав. Она завладела почти всем побережьем Балтийского моря, Норвегией, Финляндией, частью территории Дании, Северной Германии и Польши. Шведская армия считалась лучшей в Европе и достигала 140 тысяч человек. Флот насчитывал 42 линейных корабля и 12 фрегатов, не считая более мелких кораблей, на вооружении которых имелось около 3 тысяч орудий. Во главе вооруженных сил Швеции стоял талантливый полководец король Карл XII.

В конце XVII века отношения между Россией и Швецией вновь обострились, и Швеция, готовясь к войне, заключила союзные договоры с Голландией, Англией и Францией — странами, также не желавшими допустить Россию к берегам Балтийского моря.

Северная война началась нападением саксонского войска Августа II на Лифляндию, взятием шведской крепости Динамюнде и осадой Риги. Дания развернула наступление в Голштинии. Между союзниками существовала договоренность, что Россия вступит в войну после заключения мира с Турцией.

Начало войны для союзников было неудачным. Первый удар шведский король нанес по Дании. Высадив десант на ее территорию с помощью английских и голландских кораблей, он напал на столицу, Копенгаген, и вынудил Данию выйти из войны. Затем, погрузив войска на корабли, Карл XII направился в Лифляндию на помощь осажденной Риге. Август II, узнав об этом, снял осаду города и отступил в пределы Польши.

8 августа 1700 года Петр получил наконец известие о заключении мира с Турцией, по которому за Россией сохранились завоевания по берегам Азовского моря. На следующий день Швеции была объявлена война „за многие их свейские неправды и нашим царского величества подданным за учиненные обиды“. Русские войска были двинуты из Москвы через Новгород к Нарве — первоклассной шведской крепости, овладение которой считалось первоочередной задачей.

Анализируя внешнюю политику России и причины войны, Карл Маркс писал: „ . . . ни одна нация не мирилась с тем, чтобы все ее побережья и устья рек были

от нее оторваны... Россия не могла оставить устья Невы, этого естественного выхода для продукции Северной России, в руках шведов, так же, как устья Дона и Буга и Керченский пролив в руках кочевых татарских разбойников...

В начале октября 1700 года русские войска в количестве 25 пехотных полков и дворянской конницы (всего 34 тысячи человек) при 180 орудиях подошли к Нарве и приступили к осаде крепости. Кроме гвардейских полков Семеновского и Преображенского и Лефортовского полка, имевших боевой опыт, остальные полки состояли из слабо обученных и плохо вооруженных новобранцев, поэтому осада велась вяло, артиллерийский обстрел не давал нужного результата.

Между тем Карл XII, высадившись в Пернове (Пярну) с 23-тысячной армией, устремился к Нарве. Утром 19 ноября шведские войска подошли к русским позициям и внезапно атаковали их. Растянутая широким фронтом пехота не выдержала удара, была опрокинута и шведы ворвались в лагерь. Начался рукопашный бой. В этот решительный момент фельдмаршал де Круа, приглашенный на русскую службу и назначенный накануне главнокомандующим войсками, воспользовавшись отъездом Петра в Новгород за подкреплениями, изменил долгу и перешел к шведам вместе с сорока иностранными генералами и офицерами. Несмотря на яростное сопротивление, покинутые главнокомандующим русские полки не смогли отбить атаки шведов, дрогнули и в беспорядке стали отступать к единственному мосту через реку Нарву. Под огромной тяжестью бегущих мост рухнул, началась паника, в которой многие утонули или были убиты преследовавшими шведами. Только несколько полков русской армии не дрогнули в этой обстановке — и в первую очередь гвардейские полки. Огордившись артиллерийскими повозками, они оказали решительное сопротивление. На левом фланге дивизия генерала А. А. Вейде и дивизия И. Ю. Трубецкого на центральных позициях также отразили все атаки шведов. Сражение прекратилось с наступлением темноты, хотя его исход не был ясен. Шведская армия находилась между флангами устоявших русских полков и подвергалась серьезной опасности. Однако, русские силы были разобщены, не знали общей обстановки, их командиры не проявили необходимой инициативы и приняли решение капитулировать, согласившись на почетные условия отступления войск с оружием и знаменами, но без артиллерии. «Я позволю русским солдатам сохранить оружие за храбрость, с какой они защищались», — заявил Карл XII во время переговоров, но не сдержал своего слова — только гвардейским полкам и дивизии А. М. Головина удалось беспрепятственно переправиться через реку. Остальные полки были разоружены и ограблены. Под Нарвой русские войска потеряли убитыми, утонувшими и погибшими от болезни более 7 тысяч человек. Потери шведов составили около 3 тысяч солдат и офицеров.

Сражение под Нарвой показало слабую подготовку русских войск. Отсутствие боевого опыта было главной причиной поражения. «И тако шведы над нашим войском викторию получили, что есть бесспорно, — отмечено в „Журнале или поденной записке Петра Великого“. — Но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили? Ибо только один старый полк Лефортовский, два полка гвардии были на двух атаках у Азова. Полевых боев, а наипаче с регулярными войсками, никогда не видали... Прочие же полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые, сами были рекруты... К тому ж за поздним временем великий голод был, понеже за великими грязями провианта привозить было невозможно, и единым словом сказать, все то дело, яко младенческое играющее было, а искусства ниже вида; то какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над таким неискусным сыскать викторию?»

Тяжелое поражение под Нарвой заставило Петра с еще большей настойчивостью и целеустремленностью вести работу по строительству новой регуляр-

ной армии и созданию военно-морского флота. По словам К. Маркса: «Нарва была первой большой неудачей поднимающейся нации, умевшей даже поражение превращать в орудие победы».

Преобразования вооруженных сил осуществлялись в течение всего царствования Петра и охватили все стороны жизни русской армии. Были изменены способы комплектования армии солдатским и офицерским составом, организационная структура войск, порядок материального обеспечения солдат и офицеров, вооружение, снабжение армии, методы обучения и воспитания войск, правовое положение солдат и офицеров. Изменились стратегия и тактика боевых действий. Был создан сильный военно-морской флот. По своему составу армия была национальной. Ее делами ведала Военная коллегия, делами военно-морского флота — Адмиралтейств-коллегия. Вооруженные силы перешли на полное содержание государства. Все роды войск получили стройную организацию. Высшим соединением в пехоте и коннице стала дивизия или генеральство. В артиллерии также произошли большие перемены. Петр ввел три типа орудий — пушки, гаубицы и мортиры с единой шкалой калибров для каждого типа. Артиллерия получила четкое подразделение на полковую, полевую, осадную и крепостную. Была создана конная артиллерия. Это обеспечивало более широкие возможности ее тактического применения.

В русской армии, как и в армиях западноевропейских государств, был принят линейный боевой порядок. Главную задачу действующей армии Петр видел в том, что она должна «упреждать и всячески искать неприятеля опровергнуть». В отношении тактики Петр стремился создать превосходство сил на главном направлении удара и предпочитал для боя пересеченную местность, на которой русские солдаты могли действовать более свободно и более широко проявить боевую инициативу. Так, после сражения при Лесной Петр советовал Апраксину вступать в сражение со шведами, «чтобы не гораздо на чистом поле, но при лесах, в чем превеликая есть польза, как я сам видел».

Петр придавал большое значение обучению и воспитанию войск. От офицеров он требовал быть во всем примером для солдат, подчеркивая, что авторитет офицера определяется хорошим знанием своего дела, заботой о подчиненных, храбростью в бою, строгой дисциплиной. В «Уставе воинском» 1716 года, обобщившем опыт боев со шведами, солдатскому званию дано высокое и почетное определение: «Имя — солдат содержит в себе всех людей, которые в войске суть, от высшего генерала, даже до последнего мушкетера, конного или пешего».

Командный состав для пехотных и драгунских полков готовился в гвардейских полках, Преображенском и Семеновском. В Москве, а позже в Петербурге были созданы школы для подготовки военных специалистов. В 1701 году в Москве открылась Навигацкая школа, в 1715 году в Петербурге — Морская академия, готовившие офицерский состав для флота. В 1712 году в Москве и в 1719 году в Петербурге стали функционировать инженерные школы. В 1712 году была создана Артиллерийская школа и др.

Первый раз Петр увидел море летом 1693 года в Архангельске. «Знакомство с морем окончательно выявило настоящую страсть Петра к морской стихии — иначе трудно определить всю интенсивность и глубину того влечения к морю, к морскому делу, к морскому обиходу, которое не оставляло царя до смерти. Истинно государственная широкая мысль о настоятельной необходимости и для экономики и для политики России обладать сильным и дееспособным флотом встретила в душевной жизни Петра с самой пылкой готовностью — как можно скорее, не считаясь ни с какими жертвами и препятствиями, сделать абсолютно все, что в человеческих силах, для создания военного и торгового флота», — писал Е. В. Тарле, один из известных исследователей эпохи Петра.

Строительству военно-морского флота Петр уделял исключительное внимание. Особенно интенсивно оно велось после выхода русских войск к берегам

¹ К. Маркс. Секретная дипломатия. (Цит. по кн. История Северной войны 1700—1721 гг. М., 1987, с. 9).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, с. 227.

Финского залива. Основными классами кораблей того времени были: 100-пушечные — первого ранга; 90-пушечные — второго ранга; 70—80-пушечные — третьего ранга; 50—60-пушечные — четвертого ранга; 30—40-пушечные — пятого ранга; 20-пушечные — шестого ранга. Корабли первых трех рангов назывались линейными, четвертого и пятого рангов — фрегатами, шестого ранга — посыльными.

Основным типом боевых кораблей петровского флота на первом этапе строительства были гребные суда, главным образом галеры и полугалеры — скампаеи. Они были вооружены небольшим количеством пушек, имели экипажи и десант до 260 человек. Галеры могли ходить под парусами, но основным средством передвижения были весла. Петр выбрал этот тип кораблей потому, что берега Балтики, особенно Финляндии, изобиловали шхерами с узкими проходами, островами, подводными камнями, мелями, крайне затруднявшими маневрирование на парусах большим кораблям. Корабельный флот — флот открытого моря — развивался и рос медленно. Темпы его строительства возрастали по мере накопления опыта в судостроении и необходимости борьбы со шведским флотом на просторах Балтийского моря.

Один из иностранцев, Ф. Берхгольц, осмотрев корабли Балтийского флота в 1723 году, писал, что он „состоял из двадцати с лишком линейных кораблей: которые все, за исключением двух или трех, никак не старше 8 и 9 лет. Офицеры уверяли, что они так превосходно сделаны, как нигде в свете, и что такого корабля, как „Екатерина“, на котором в нынешнем году плывал император, если рассматривать его со стороны устройства и красоты, даже нет ни в Англии, ни в других государствах“.

Качество русских кораблей было настолько высоко, что французское правительство хотело купить у России линейный 92-пушечный корабль. Правда, покупка не состоялась, потому что цена в 92 000 рублей показалась французам слишком большой.

Один из английских офицеров, служивший в русском флоте при Петре, так характеризовал его: „Если какие-нибудь суда в мире могут нанести нам (англичанам) вред, то особенно стоят в таких условиях российские, выстроенные в Петербурге, которые без сомнения, раз их снабдят достаточными командами, обладают отличными качествами, как парусные суда.“

Основными базами русского флота на Балтике в ходе Северной войны стали Петербург, Выборг, Ревель. С формированием флота, накоплением большого опыта, в 1710 году лично Петром был составлен „Устав Морской“, в 1720 году вышел в свет более полный его вариант. В предисловии к нему Петр, определяя роль флота в вооруженных силах государства, писал: „Всякий potentat (правитель), который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет“.

Огромную роль в осуществлении военных преобразований сыграла русская промышленность. Особое внимание Петра было направлено на строительство и развитие верфей, железоделательных и оружейных мануфактур. После поражения под Нарвой из-за нехватки металла в дело пошли даже колокола с церквей: „Со всего государства, с знатных городов от церквей и монастырей, собрать часть колоколов на пушки и мортиры“, — требовал Петр. Местом сосредоточения железоделательной промышленности стал Урал, где бывшему тульскому кузнецу Никите Демидову принадлежали Невьянский, Тагильский и другие заводы. На уральских заводах, а также Тульском, Брянском, Липецком, Сестрорецком, Петровском русские мастера Маторин, Леонтьев, Жихарев и другие умельцы лили пушки и ядра, ковали палаши и шпаги, делали ружья и пистолеты.

Решение задач по снабжению вооруженных сил всем необходимым стало возможным в результате настойчивости Петра, не останавливавшегося перед крутыми мерами в борьбе с отсталостью. Для строительства вооруженных сил потребовались огромные усилия и средства. Особенно сложным и дорогостоящим было строительство кораблей. Петр взвалил всю тяжесть этого строи-

тельства на плечи народа, используя одновременно любые способы экономии денег. Например, он дарил новый корабль на содержание кому-либо из своих вельмож. По этому поводу Д. Мэкензи, английский посол, присутствовавший при спуске на воду в 1714 году нового линейного корабля „Шлиссельбург“, пишет: „Как только корабль сел на воду, его величеству угодно было объявить, что он дарит его князю Меншикову, который хорошо понял смысл такого подарка: его светлость, как я слышал, чтобы отблагодарить за оказанную милость, тут же обещал не жалеть издержек на снабжение корабля и экипажем, и украшениями и заявил, что постарается сделать его лучшим из 54-пушечных кораблей русского флота“.

„Таким образом в результате успешного осуществления военных реформ в конце XVII—начале XVIII вв. в России была создана большая регулярная армия и военно-морской флот. К концу первой четверти XVIII века русская армия состояла из 105 пехотных и 37 драгунских полков, в которых насчитывалось 170 тысяч человек, а с нестроевыми — 198 500 человек. Военно-морской флот России насчитывал 48 линейных кораблей, 800 скампаеи и галер и других мелких судов с общим экипажем в 28 тысяч человек. Русский флот стал одним из сильнейших в Европе“.

После деблокады Нарвы Карл XII был уверен, что русской армии понадобится немало времени, чтобы оправиться от поражения. Поэтому все усилия своих войск он направил на борьбу с Августом II. Перезимовав в районе Дерпта, летом 1701 года шведские войска подошли к Риге, разбили армию Августа II и через Литву вступили на территорию Польши, где, во выражению Петра, шведский король „увяз“ надолго. В то же время шведы направили отряд кораблей к Архангельску. Попытка внезапного нападения оказалась неудачной и закончилась поражением шведов: на подступах к Архангельску два вражеских корабля были разбиты огнем пушек Новодинской крепости, остальные вынуждены были отступить.

После ухода Карла XII из Прибалтики там осталось до 15 тысяч шведских войск, которые пытались вторгнуться на русскую территорию. В пограничных районах происходили постоянные стычки шведов с русскими войсками, оборонявшими Псков, Новгород и другие города. Постепенно, накапливая опыт войны, русское командование переходит к более широкому и решительному действию. Так, в конце 1701 года войска под командованием Б. П. Шереметева (15 тысяч) атаковали 8-тысячный шведский корпус у Эрестфера, в 50 километрах от Дерпта, и нанесли ему тяжелое поражение. В бою только убитыми шведы потеряли до трех тысяч человек. Это сражение стало первой большой победой русских войск над шведами. Радуюсь победе, Петр говорил: „Мы дошли до того, что шведов побеждать можем, пока сражаясь два против одного, но скоро начнем побеждать их и равным числом“.

Летом 1702 года войска Б. П. Шереметева и Ф. М. Апраксина перешли в наступление и разгромили шведов при мызе Гуммельсгоф (в Эстонии) и на реке Ижоре, где противник был разбит наголову. Почти одновременно с этими победами русские флотилии разгромили шведские силы на Ладожском и Чудском озерах.

Следующей задачей, поставленной Петром перед войсками, была задача выйти к берегам Невы и Финскому заливу. Для этого необходимо было взять две шведские крепости — Нотебург, стоявшую у истоков Невы, и Ниеншанц, защищавшую ее устье. С этой целью войска Б. П. Шереметева и А. И. Репнина были сосредоточены в районе Ладоги. Сюда же из Архангельска, где он руководил строительством кораблей, приехал и Петр. На Военном Совете было решено первоначально штурмовать Нотебург — мощную крепость, стоявшую на острове посредине полноводной Невы. Окруженная толстыми каменными стенами, крепость имела на вооружении 142 орудия и гарнизон в 450 человек. Блокировав Нотебург со всех сторон, Петр предложил шведам капитулировать, но комендант отклонил предложение о почетной сдаче. Тогда сорок осадных орудий начали бомбардировку крепости. 11 октября, после десятидневного

обстрела, когда в крепости начались пожары и часть стены была разрушена, русские пошли на штурм. Преодолев Неву на лодках и высадившись на острове под стенами крепости, солдаты отталкивали лодки от берега. „Обратного пути нам нет!“ — заявил их командир М. М. Голицын. Гарнизон Нотебурга мужественно оборонялся и отбил первый приступ. На помощь атакующим Петр послал большой отряд во главе с А. Д. Меншиковым. Тринадцать часов русские солдаты штурмовали Нотебург, и когда они, преодолев огонь защитников, взойшли на стены крепости, ее комендант, понимая бесполезность дальнейшего сопротивления, приказал поднять белый флаг. Нотебург — древний русский Орешек — снова стал русским городом. „Правда, что zelo жесток сей орех был, однако ж, слава богу, счастливо разгрызен“, — писал Петр. Он приказал прикрепить к западной башне ключ, поднесенный ему комендантом павшей крепости и переименовать ее в Шлиссельбург — ключ-город, тем самым подчеркивая, что падение Нотебурга открывало России выход к устью Невы.

В 1703 году боевые действия начались борьбой за овладение крепостью Ниеншанц, расположенной при впадении реки Охты в Неву и закрывавшей выход из Невы в Финский залив. Гарнизон Ниеншанца состоял из 600 человек при 78 орудиях. Б. П. Шереметев с 20-тысячным войском подошел к крепости и получил отказ коменданта сдаться без боя, стал готовиться к штурму. В течение нескольких часов крепость обстреливалась осадной артиллерией. Затем последовал штурм. 1 мая Ниеншанц капитулировал. Русские войска вышли к Финскому заливу. 5 мая два шведских судна, не зная о падении крепости, вошли в устье Невы. Воспользовавшись оплошностью противника, Петр и Меншиков, посадив гвардейцев на 30 лодок в ночь на 7 мая внезапно атаковали шведские корабли и взяли их на бордаж. В честь победы царь приказал изготовить памятную медаль с надписью „Небываемое бывает“. За личное участие и мужество, проявленное в этой необычной операции, Петр и Меншиков были награждены орденами св. Андрея Первозванного. Завоевав выход к Финскому заливу, необходимо было закрепить достигнутый успех. В „Журнале“ Петра есть запись: „По взятии Канец (Ниеншанца), отправлен военный совет, тот ли шанец крепить или иное место удобным искать (понеже оный мал, далеко от моря, и место не гораздо крепко от натуры), положено искать нового места, и по нескольких днях найдено к тому удобное место — остров, который назывался Люст Еланд, где в 16 день мая... крепость заложена и именована Санктпетербург.“

Создавая образ Петра и обращаясь к этим событиям, А. С. Пушкин писал:

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,

И думал он:

Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назлом надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море,
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Так было начато строительство новой столицы будущей Российской империи. Петропавловская крепость и город возводились в труднейших условиях усилиями многих тысяч крестян и ремесленников, под постоянной угрозой нападения шведов. „Петр воздвиг новую столицу на первом завоеванном клочке Балтийского побережья почти на расстоянии одного пушечного выстрела от границы, умышленно дав своим владениям эксцентрический центр. Перенести царский трон из Москвы в Петербург значило поместить его в такие условия,

в которых он не мог быть обеспечен от нападения до тех пор, пока все побережье от Ливавы до Торнео не будет покорено“,* — писал К. Маркс.

Для защиты города с моря около острова Котлин, расположенного в восточной части Финского залива, была построена крепость Кроншлот — „коронный замок“ (позднее Кронштадт). Мимо этой крепости не мог пройти ни один корабль неприятеля, не подвергнувшись обстрелу дальнбойных батарей. Важность этой крепости подчеркивалась приказом Петра ее коменданту: „Содержать сию цитадель... еще случится, хотя до последнего человека...“

В ответ на основание Петербурга Карл XII заявил: „Пускай сосед Петр строит города, которые будут взяты шведами.“ Этому самоуверенному заявлению шведского короля не суждено было сбыться. Уже к концу царствования Петра Петербург превратился в большой и красивый город, привольно раскинувшийся на берегах Невы. В местах, где, по словам А. С. Пушкина, „по мшистым топким берегам чернели избы здесь и там, приют убогого чухонца...“, поднялись грозные бастионы Петропавловской крепости, были сооружены верфи для строительства кораблей Балтийского флота, проложены проспекты, выросли многочисленные дворцы российских вельмож, были разбиты сады, построены пристани. Новый город укрепил позиции России на Балтике и стал активно помогать стране „ногою твердой стать при море“. Вскоре в Финском заливе появились паруса первого торгового корабля. Это было голландское судно, команду которого Петр принял с почетом во дворце А. Д. Меншикова — генерал-губернатора Петербурга.

Окрепшая русская армия продолжала успешную борьбу со шведами. В 1703 году были взяты крепости Ям и Копорье. В 1704 году пали две самые сильные крепости шведов в Прибалтике — Дерпт и Нарва. Особенно ожесточенная борьба шла за Нарву, гарнизон которой насчитывал свыше 4,5 тысяч человек при 432 орудиях. В Ивангороде, находящемся на противоположном берегу реки Нарвы, имелось еще 128 орудий. Комендантом крепости был полковник Горн, возглавлявший ее оборону еще в 1700 году. Когда он отказался сдать крепость на почетных условиях, Нарва была подвергнута десятидневной бомбардировке. 9 августа в результате ожесточенного штурма крепость была взята. Во время штурма русские потеряли 359 человек убитыми и 1340 ранеными. Шведы только убитыми потеряли 1800 человек. В „Журнале“ Петра имеется яркое описание борьбы за крепость: „И того же числа (9 августа) по полудни о двух часах тот приступ начался по данному лозунгу из пяти мортиров: к бастиону Виктории, где был учинен бреш, к бастиону Гонору, у которого фас обвалился, к равелину против бастиона Глории... В три четверти часа наши на бастионы взойшли, и неприятеля огнем своим ко уступлению с стен принудили. Потом на бреш и на третий бастион через равелин взойшли и тако за ними гнались, даже до старого каменного города... и на стену того города немедленно взойшли и в ворота вломились, и в замок вошли, где немалое число шведов побито, и едва ивангородский комендант ворота Иван-города, от жестокого устремления наших, затворить взмог“. Понимая бесполезность сопротивления, „августа по 16 день ивангородский комендант сдался на договор, и выпущен был гарнизон без знамен и барабанов, с ружьем“. С чувством глубокого удовлетворения Петр писал об этом событии: „Где перед четырьмя летами господь оскорбил, тут ныне веселыми победителями учинил, ибо сию преславную крепость через лестницы шагою в три четверти часа получили.“

После падения Нарвы шведы были отброшены на линию Ревель—Пернов—Рига. Русская армия очистила от войск противника Ингерманландию, Эстляндию и Лифляндию. Победы русского оружия в Прибалтике были торжественно отпразднованы в Москве.

Во время этих событий Карл XII с главными силами находился в Польше, стремясь разгромить Августа II. Шведам удалось нанести польско-саксонским

* К. Маркс. История секретной дипломатии XVIII в., гл. IV. (Цит. по кн. В. М. Мавродин. Петр I. Л., 1948, с. 176).

войскам ряд поражений и занять многие жизненно важные районы страны, в том числе Варшаву. В 1704 году Варшавский сейм, под нажимом Карла XII, лишил Августа II польского престола. Вместо него королем был избран ставленник шведов Станислав Лещинский. Однако большинство польских дворян, крестьян и горожан остались верными Августу II. Собранный в городе Сандомире сейм признал Августа II законным королем, а решение Варшавского сейма недействительным. Сандомирская конфедерация от имени Речи Посполитой объявила войну Швеции. Правительство Петра всячески поддерживало Августа II и оказывало большую помощь войсками, снабжало оружием, боеприпасами, деньгами. Летом 1704 года объединенные силы союзников — русские, саксонские и польские войска овладели Варшавой. Но, несмотря на отдельные успехи, положение Августа II продолжало оставаться тяжёлым. Шведы преследовали польского короля по всей стране. Учитывая сложившуюся обстановку, Петр решил направить основные силы армии — до 40 тысяч пехоты и 20 тысяч конницы — на помощь Августу II. В ходе боев 1705 года русские войска и войска польского короля очистили от шведов значительную часть Польши и Литвы. К зиме армия Карла XII располагалась в районе Варшавы, войска союзников — в Гродно. Предполагая, что в зимнее время шведский король не будет вести активных боевых действий, Петр уехал в Москву, оставив командующим Августом II. Но король, передав командование войсками фельдмаршалу Г. Б. Огильви, с саксонскими войсками и четырьмя полками русских драгун покинул Гродно и направился в Саксонию, чтобы пополнить свои силы новыми полками. В это время Карл XII неожиданно двинулся к Гродно и в середине января 1706 года осадил город, который защищали 35 тысяч русских войск. Попытка шведов взять хорошо укрепленный город штурмом закончилась неудачей. Но положение осажденных оказалось тяжелым из-за нехватки продовольствия и фуража. Петр принял решение вывести армию из Гродно. „Мой совет, — писал Петр осажденным, — когда Неман вскрыется (а до тех пор изготовить мост), тотчас не мешкая перейти Неман, и идти по той стороне, и ежели, как скоро учините при пловучем льду, то неприятелю за льдом не возможно будет нигде перейти, а вам zelo будет в тот час выйтись свободно.“

24 марта, воспользовавшись половодьем, русская армия вырвалась из окружения и, разрушив единственный мост через Неман, двинулась к Киеву. Гродненский маневр русской армии стал важным тактическим успехом Петра.

После неудачи под Гродно шведская армия, упустив русских, разорила Волынь и двинулась в Саксонию — наследственное владение Августа II. Не надеясь на свои силы и боясь потерять Саксонию, польский король пошел на тайные переговоры с Карлом XII и неподалеку от Лейпцига, в замке Альтранштадт, подписал унижительный договор, продиктованный ему шведами, согласно которому Август II отказывался от польской короны в пользу Станислава Лещинского и разрывал союз с Россией.

Петр, выполняя союзнические обязательства и еще не зная о договоре между Августом II и Карлом XII, направил в Саксонию 20-тысячный отряд во главе с А. Д. Меншиковым. 18 октября 1706 года под Калишем русские войска встретились со шведским корпусом генерала Мардефельда, в состав которого входили 8 тысяч шведов и 20 тысяч поляков — сторонников Лещинского. Произошел ожесточенный трехчасовой бой, принесший победу русским войскам. В реляции об этой победе сообщалось: „Наши неприятеля сломили и полную викторию получили; только часть конницы шведской ушла, а пехота вся побита и взята так, что на месте неприятелей положено с четыре тысячи или более человек шведов, да с тысячу поляков.“ Генерал Мардефельд сдался в плен вместе с 5 тысячами своих солдат. В Петербурге весть о победе была встречена торжествами с фейерверком и стрельбой из пушек. А. Д. Меншиков получил фельдмаршальский жезл. Все участники были награждены медалями и отмечены подарками.

Сражение под Калишем показало возросшее боевое мастерство русской армии и стало крупным достижением русского военного искусства.

△
Вид города Архангельска.
Гравюра начала XVIII в.

View of the town of Arkhangelsk.
Engraving. Early 18th c.

Петр I.
Миниатюра монограммиста
„YL“ (тип Ш. Буата по
оригиналу Г. Кнеллера).
1700-е гг. Эмаль на меди.

Peter the Great.
Miniature by monogrammist
“YL” (type of C. Boit after
the original by G. Kneller),
1700s. Enamel on copper.

△
Ново-Двинская крепость.
Построена по указанию Петра
для защиты Архангельска.
Гравюра из книги Корнелия де Брюйна
„Путешествие через Московию“. 1714 г.

Novo-Dvin Fortress.
Built on Peter the Great's orders
for the defence of Arkhangelsk.
Engraving from "Travels Across
Muscovy" by Corneli de Bruin. 1714.

Кружка.
По венцу надпись: „Фельдмаршалу
Борису Петровичу Шереметеву
от жителей города Пскова
за избавление оног
от нападения шведов“.
2-я половина XVII в.
Серебро, чеканка, позолота.

Mug.
The inscription along the rim reads:
"To Field-Marshal Boris Petrovich
Sheremetev from the people of Pskov
for its liberation from the Swedes".
Second half of the 17th c.
Silver, chasing, gilding.

△ Б. П. Шереметев (1652—1719). Первый генерал-фельдмаршал и командующий русской армией. Один из ближайших сподвижников Петра I. Гравюра П. Антипьева с оригинала Г. Аргунова. 1774 г.

В. П. Шереметев (1652—1719). First General-Field-Marshal and Commander of the Russian Army. One of Peter the Great's closest associates. Engraving by P. Antipyev after the original by G. Argunov. 1774.

△ Штурм шведской крепости Нотебург 11 октября 1702 г.
Гравюра А. Зубова из „Книги Марсовой“. 1713 г.

Storm of the Swedish fortress Noteburg on October 11, 1702.
Engraving by A. Zubov from "The Book of Mars". 1713.

Вид на Иван-город и Нарву.
Неизвестный художник. 1-я четверть XIX в. Бумага,
гуашь.

View of Ivan-gorod and Narva.
Anonymous artist. First quarter of the 19th c. Gouache,
paper.

◁ Петр I.
Неизвестный художник. Начало XVIII в. Холст, масло.

Peter the Great.
Anonymous artist. Early 18th c. Oil on canvas.

△ Пистолеты кремнево-ударные.
Начало XVIII в. Сталь, дерево, позолота.

Flint-lock pistols.
Early 18th c. Steel, wood, gilding.

Офицер лейб-гвардии Семеновского полка с 1700 по 1720 гг. △
Литография середины XIX в.

An officer of the Life-Guards
of the Semyonovsky Regiment between 1700 and 1720.
Lithograph. Mid-19th c.

△ Фузелер пехотного армейского полка с 1720 по 1732 гг.
Литография середины XIX в.

Rifleman of the Infantry Regiment between 1720 and 1732.
Lithograph. Mid-19th c.

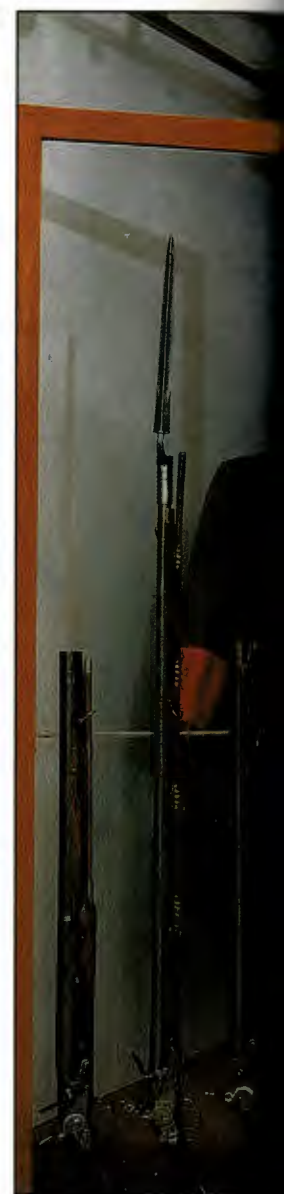
△
С. Л. Бухвостов (1659—1728).
По словам Петра I, „первый российский солдат“.
Неизвестный художник. XVIII в. Холст, масло.

S. L. Bukhvostov (1659—1728).
Called by Peter the Great “the first Russian soldier”.
Anonymous artist. 18th. c. Oil on canvas.

△
Н. Д. Демидов (1656—1725).
Уральский промышленник.
Один из основных поставщиков оружия для русской армии.
Современная копия с портрета неизвестного художника
начала XVIII в. Холст, масло.

N. D. Demidov (1656—1725).
An Urals industrialist. One of the chief suppliers of arms to the
Russian army. Present-day copy from portrait by an anonymous
artist.
Early 18th c. Oil on canvas.

△
Вид экспозиции „Русская регулярная армия“ на выставке „Русское оружие“.

View of exposition “Russian Regular Army” at the exhibition “Russian Arms”.

Холодное оружие офицеров русской армии:
палаши, эспантон, шпаги.
Начало XVIII в. Сталь, позолота, дерево.

Side-arms of Russian Army officers: ▷
broadswords, backsword, swords.
Early 18th c. Steel, gilding, wood.

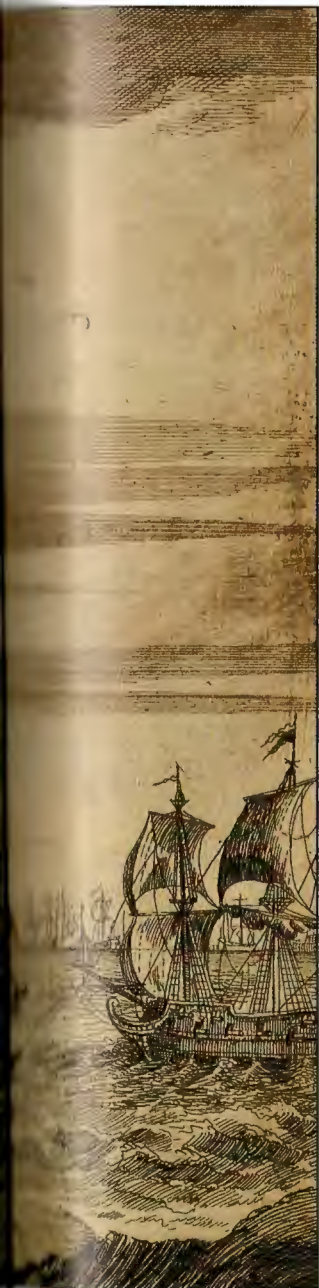
△
Памятная медаль
на основание
С.-Петербурга. 1703 г.
Серебро, чеканка.

Medal in commemoration
of the foundation
of St. Petersburg. 1703.
Chased silver.

Корабли
Балтийского флота.
Гравюра П. Пикарта
из книги „Куншты
корабельные“. 1718 г.

Vessels of the Baltic
Navy.
Engraving by P. Picart
from the book
"Kunshty Korabelniye".
1718.

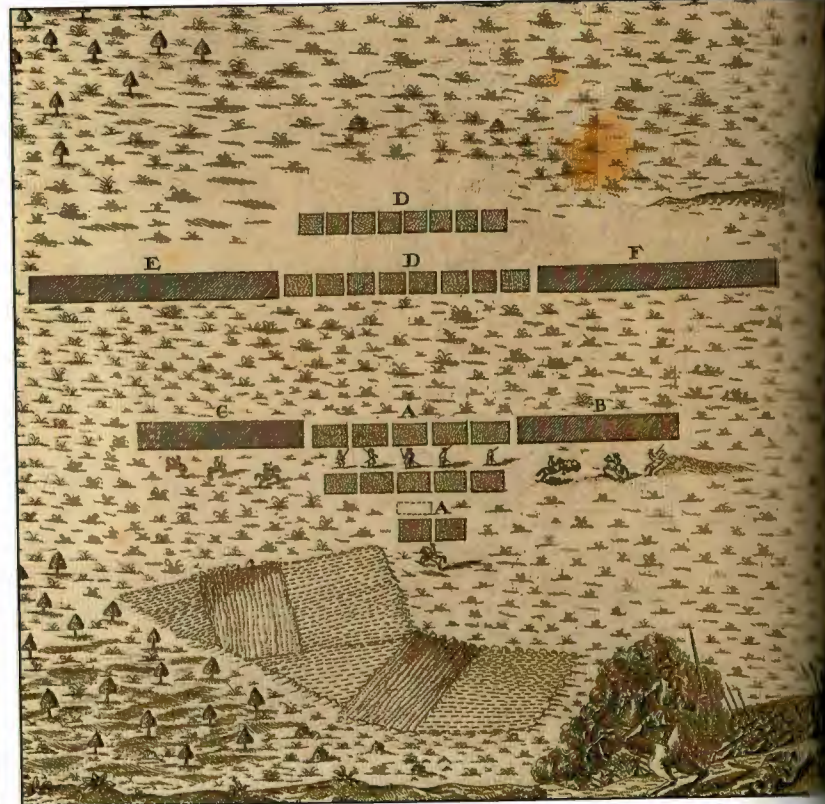
◀ Петр I.
Гравюра Б. Фогеля
с оригинала
Я. Купецкого. 1711 г.

Peter the Great.
Engraving by B. Fogel
after the original by J. Kupetsky.
1711.

Стопа с портретом
А. Д. Меншикова и
надписью
„Александр Данилович
Меншиков“.
Начало XVIII в. Серебро,
позолота, чеканка.

Winebowl with portrait
of A. D. Menshikov and the
inscription "Alexandr
Danilovich Menshikov".
Early 18th c.
Silver, gilding, chasing.

△
План расположения русских и шведских войск
в сражении при Калише 18 октября 1706 г.
Оттиск с гравюры А. Зубова из „Книги Марсовой“. 1766 г.

Plan showing dislocation of Russian and Swedish troops in the Battle
of Kalisz. October 18, 1706.
Print from engraving by A. Zubov from "The Book of Mars". 1766.

◁
А. Д. Меншиков (1670—1729).
Неизвестный художник. 1-я половина XVIII в. Холст, масло.

A. D. Menshikov (1670—1729).
Anonymous artist. First half of the 18th c. Oil on canvas.

◀ Наградная медаль за битву при Калише.
1706 г. Серебро, чеканка.

Medal awarded for the Battle of Kalisz.
1706. Silver, chasing.

△ А. Д. Меншиков в битве при Калише.
Гравюра П. Пикарта (?) Начало XVIII в.

A. D. Menshikov in the Battle of Kalisz.
Engraving by P. Picart (?). Early 18th c.

*Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гиутся шведы.
О славный час! О славный вид!
Еще напор — и враг бежит.*

А. С. Пушкин

Шведское нашествие на Россию. Разгром Карла XII под Полтавой

После заключения Альтранштадтского мира между Августом II и Карлом XII Россия осталась без союзников. . . . Сия война, — писал Петр А. Ф. Апраксину, — над нами одними осталась: того ради ничто так не надлежит хранить, яко границы. . . . Готовя страну к обороне, Петр не исключал возможность заключить мир со Швецией. Он обратился к правительствам Англии, Франции, Австрии, Голландии с просьбами о посредничестве, соглашаясь уступить часть завоеванных земель в Прибалтике, но не нашел поддержки, т.к. западноевропейские страны не хотели допустить Россию к берегам Балтийского моря. Занятые борьбой за „испанское наследство“, они считали выгодной для себя войну между Россией и Швецией, т.к. она отвлекала эти государства от вмешательства в европейские дела. Швеция также не хотела идти на мир. А. С. Пушкин писал: „Петр, желая мира, предлагал оный Карлу. На сие Карл ответил: о мире с царем буду говорить в Москве, взыскав с него 30 миллионов за издержки войны. Министры шведские объявили намерение короля свергнуть Петра с престола, уничтожить регулярное войско и разделить Россию на малые княжества.“ По замыслу шведов русский Север, Новгород и Псков должны были отойти к Швеции, Украина и Смоленск — к Польше, которая после свержения Августа II становилась зависимой от Швеции.

Стратегический план дальнейшей борьбы со Швецией был выработан на Военном совете в Жолкве (теперь город Нестеров в Львовской области) в конце декабря 1706 года. Было решено не давать сражения в Польше, а дать на собственной территории, измотав противника в оборонительных боях. В „Журнале“ Петра I сказано: „Тут же в Жолкве был Генеральный совет, давать ли с неприятелем баталии в Польше или при своих границах, . . . понеже, ежели б какое несчастье учинилось, то бы трудно иметь ретираду; и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет; а в Польше на переправах, и партиями, так же оголошеньем провианта и фуража, томить неприятеля, к чему и польские сенаторы многие в том согласились“. После вторжения шведов на территорию России важным фактором борьбы должна была стать народная партизанская война, к чему призывали петровские универсалы. В 1707 году Петр много внимания уделял укреплению пограничных крепостей и городов. Была построена линия укреплений и лесных засек от Пскова на Смоленск, Брянск и далее к украинским городам. Укреплялся Киев. Большие работы оборонительного характера велись в Москве под руководством талантливого русского инженера В. К. Корчмина.

В конце декабря 1707 года главные силы армии Карла XII, насчитывавшие до 44 500 человек, начали поход на Россию с территории Польши. Преодолевав леса и болота Белоруссии, шведы в конце января 1708 года вступили в Гродно.

„Замысел Карла XII заключался в том, чтобы главными силами вести наступление на Москву через Смоленск. Корпусу генерала Либекера (14 тысяч чело-

▶ **Петр I.**
Неизвестный скульптор (тип М. Колло).
1783 г. Бронза, литье, мрамор.

Peter the Great.
Anonymous sculptor (M. Collot type).
1783. Bronze, casting, marble.

век), расположенному в районе Выборга, ставилась задача овладеть Петербургом, корпус Левенгаупта (16 тысяч человек) должен был идти от Риги на соединение с главными силами и принять участие в наступлении на московском направлении. Это был авантюристический план. Он основывался на переоценке сил и возможностей шведской армии и явной недооценке способности русской армии и всего населения страны дать отпор агрессору. Как писал Е. В. Тарле, «Карл XII всегда сидел азартный игрок, в нем, законном монархе, жила душа искателя приключений, авантюриста широчайшего масштаба... Отсутствие чего бы то ни было похожего на чувство ответственности, беспечная трата человеческих жизней, постановка перед собой несбыточных грандиозных целей и непостижимое упорство в погоне за достижением их, не знающая пределов самонадеянность, полнейшее неумение разбираться в сложных вопросах внешней политики — эти и другие черты характера „национального героя“ Швеции, нового „Александра Македонского“ сыграли решающую роль в организации похода на Россию и в его печальных результатах, как для самого Карла XII, так и для его королевства.»

Главные силы русских войск (57 тысяч человек) под командованием Б. П. Шереметева стали на пути наступавших шведов. Корпус Р. Х. Боура (16 тысяч человек) был сосредоточен у Пскова; корпус Ф. М. Апраксина (24 тысяч человек) находился в Ингрии, под Петербургом. Такое расположение русских сил широким фронтом объясняется тем, что Петр не знал, в каком направлении — на Москву или на Петербург — шведы нанесут удар.

В июне 1708 года шведы перешли в наступление. Заняв Минск, они форсировали Березину и двинулись на восток. „Венчанный славой бесполезной отвагой Карл скользил над бездной. Он шел на древнюю Москву“ (А. С. Пушкин). Первое столкновение русской армии со шведами у села Головчино 3 июля закончилось поражением дивизии А. И. Репнина и вступлением Карла XII в Могилев, где шведы в течение месяца ждали корпус Левенгаупта. Не дождавшись подкреплений, Карл XII переправил армию через Днепр и двинулся к Смоленску. У села Доброе 30 августа авангард шведской армии был атакован отрядом генерала М. М. Голицына и разгромлен. Шведы потеряли до 3 тысяч убитыми. О напряженности и ожесточении боя Петр писал Апраксину: „Я как начал служить, такова огня и порядочного действия от наших солдат не слыхал и не видал... И такова еще в сей войне король шведской ни от кого сам не видел.“ Битва у села Доброе произвела большое впечатление не только на Петра; один из дипломатов-иностранцев на русской службе, Урбих, прозорливо писал известному философу Лейбницу после этого сражения: „Вы правы, что война между царем и шведом не кончится, пока не погибнет тот или другой. Правдоподобнее, что это случится скорее с Карлом XII, чем с царем; у нас есть и всегда будет возможность оправиться, если же шведы будут побиты, то они не оправятся и в сто лет. Поэтому шведскому королю следовало бы заблаговременно подумывать о мире, возвратив царю то, что прежде ему принадлежало... Если король шведский не сделает этого, то я опасуюсь, что ни его армия, ни он никогда не возвратятся живыми в Швецию.“

Несмотря на неудачу, главные силы шведов продолжали наступление. 9 сентября у села Раевки произошел следующий бой, в котором шведы потеряли до 2 тысяч убитыми и столько же ранеными. Сам Карл XII чуть не оказался в числе пленных. 10 сентября шведы вышли на русскую границу у деревни Стариши. Дальнейшие наступательные возможности шведской армии иссякли. Карл XII остановился в одном переходе от главных сил русской армии. Таким образом, селу Стариши суждено было стать самым северным и в то же время самым восточным пунктом, до которого дошло шведское нашествие.

Отступая, русские уничтожали все, чем мог бы воспользоваться враг. Большую помощь армии оказывали партизанские отряды из местного населения. Отряды литовских и белорусских крестьян упорно сопротивлялись шведским захватчикам. По всему пути следования шведских войск они сооружали завалы и засеки, устраивали засады, совершали нападения на отдельные отряды врага,

уничтожали запасы продовольствия и фуража. Это привело к тому, что „голод увеличивался в (шведской) армии со дня на день, — писал французский поверенный в Польше своему правительству. — Там уже совсем не знают, что такое хлеб, полки живут только кашей, вина нет ни в погребе, ни за столом короля: король, офицер и солдат одинаково пьют воду, о пиве вспоминают только в пожеланиях, простой, даже самой зловонной водки у нас нет вовсе, и как-будто разгневанное небо согласилось с нашими врагами лишить нас всего, что могло бы служить нам пищей. Нельзя найти ни одной штуки дичи, и это в стране и лесах, где раньше все кишело дичью для охоты. Царь приказал, чтобы при нашем приближении была выжжена вся местность от границы до мест в двух милях от Смоленска.“

Встретив упорное сопротивление, понеся большие потери в живой силе, Карл XII вынужден был отказаться от попытки пробиться к Москве через Смоленск и решил идти на Украину.

Но время шло! Москва напрасно
К себе гостей ждала всечасно,
Средь старых вражеских могил,
Готовя шведам тризну тайну.
Незаметно Карл поворотил
И перенес войну в Украину.

А. С. Пушкин

Там он рассчитывал соединиться с корпусом Левенгаупта, укрепить свои силы войсками изменника украинского народа гетмана Мазепы и отрядами польской шляхты, верных шведскому ставленнику Станиславу Лещинскому, привлечь на свою сторону Крымское ханство и Турцию, перезимовать в богатых продовольствием районах Северной Украины, а затем нанести удар по Москве со стороны Брянска и Калуги.

Пресечение попытки Карла XII вести наступление на Москву через Смоленск стало большим успехом Петра I. Продолжая выполнять стратегический замысел борьбы со шведами, принятый в Жолкве, русская армия с большим мастерством организовала параллельное движение вслед уходящему на юг противнику, решительно отражая все попытки шведов пробиться в сторону Москвы.

Между тем, Петру стало известно, что корпус Левенгаупта, спешивший на соединение с Карлом XII, форсировал Днепр и направился в сторону Пропойска. Корпус, насчитывавший 16 тысяч солдат, имел огромный обоз из 7 тысяч повозок с боеприпасами и продовольствием для главной шведской армии. Петр решил разгромить Левенгаупта. С этой целью был организован летучий отряд — корволант — из пехоты, посаженной на лошадей, драгун и артиллерию в 11 500 тысяч человек, командование которыми принял сам Петр. Преследуя шведов, корволант настиг противника в районе Пропойска. Левенгаупт, чтобы спасти огромный обоз, отправил его вперед под прикрытием трехтысячного отряда и целый день 27 сентября сдерживал натиск русских войск, а затем отошел к деревне Лесная.

Бой между главными силами Левенгаупта и отрядом Петра произошел на следующий день. Построившись в две линии с пехотными полками в центре и драгунами на флангах, русские атаковали шведов. Противник не выдержал натиска, перешедшего в штыковой бой, и укрылся в укрепленном лагере. Во второй половине дня и шведы, и русские получили подкрепления: шведы — свой трехтысячный авангард, который вернулся от Пропойска, русские — 4 тысячи драгун отряда генерала Боура, спешившего на помощь Петру из Кричева. „И потом... привеликой жестокой был бой, на котором... неприятеля совсем с поля сбили, и достальные пушки и обоз взяли, и совершенную викторию получили, где неприятелей на боевом месте с 8000 побито, а за бегущим неприятелем послали генерал-лейтенанта Флюка с несколькими полками драгун и несколько сот казаков и калмыков, которых оный генерал-лейтенант догнал у Пропойска, и больше пятисот человек побил, и несколько сот в полон

взял, где и достальную обоз больше двух тысяч фурманов взял, так же по дороге и по лесам бегущих неприятелей казаки и калмыки много побили. "Так описывает сражение „Книга Марсова“.

Ожесточение боя при Лесной хорошо передают слова участника этого сражения генерала М. М. Голицына: „Целый день находились мы тогда под огнем неприятеля, но в наших рядах не произошло ни малейшего беспорядка, и мы не уступили противнику ни пяди земли. Четыре раза наши ружья настолько накаливались от усиленной стрельбы, что их невозможно было держать в руках. Четыре раза мы наполняли вновь наши опустевшие сумки и карманы патронами. . . А позади нашего строя падало столько неприятельских пуль, что от поднимаемой ими пыли нельзя было даже разглядеть землю. . .“

Сражение при Лесной закончилось полной победой русских войск. Левенгаупт потерял 8500 убитыми, всю артиллерию и почти весь обоз. Потери русских войск составили убитыми более тысячи и ранеными около трех тысяч человек.

В сражении при Лесной русские войска одержали победу над численно превосходящим противником, показали большое искусство действий на пересеченной лесистой местности, что было новым словом в тактике при господстве линейного строя.

Победа при Лесной в значительной мере повлияла на дальнейший ход войны. По оценке Петра: „Сия у нас победа может первая называться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому же еще гораздо меньшим числом. . . и поистине она виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдата была, и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталии.“

В это же время войска Ф. М. Апраксина, защищавшие Петербург, нанесли тяжелое поражение 14-тысячному корпусу генерала Либекера, попытавшемуся захватить город и уничтожить Балтийский флот.

Направляясь в Северскую Украину, Карл XII стремился перехватить пути, по которым русские войска могли придти туда первыми. Ближайшей задачей шведской армии был захват города Стародуба — важного стратегического пункта, где были сосредоточены большие запасы продовольствия и боеприпасов, административного центра Стародубского казачьего полка. С этой целью Карл XII выдвинул вперед четырехтысячный авангард генерала Лагеркрана, которому „окончательной целью ставилось занятие Мглина и прохода у Почеп, через который русские от Смоленска могли проникнуть в Северскую землю раньше шведов или одновременно с ними.“

Шведское нашествие стало тяжелейшим испытанием для народов России. Солдаты Карла XII в поисках продовольствия и фуража грабили крестьян, пытками пытались узнать, где спрятан хлеб. При малейшем сопротивлении убивали всех поголовно, выполняя приказы своего короля. В одном из них говорилось: „Жители, которые хоть сколько нибудь находятся в подозрении, что оказывались нам не верны, должны быть повешены тотчас, хотя улики были бы и не полны, для того чтобы все убедились со страхом и ужасом, что мы не щадим даже ребенка в колыбели. . .“ Несмотря на жестокость шведов, народная война ширилась и углублялась. С первых же дней вступления шведов на территорию Северской Украины местное население поднялось на борьбу с врагом, организуя партизанские отряды, ведя разведку численности и местоположения шведов, героически защищая свой край. Ярким эпизодом в этой борьбе была оборона Мглина небольшим гарнизоном и жителями. „Господин полковник, — писал Петру его адъютант Ф. О. Бартенев, — неприятельские люди пришли на границу (Северской Украины) конницею, полков с восемь, к местечку Млыну (Мглину) к реке Ипуту и через реку казаки по ним стреляли; а неприятель уговаривал казаков: мы де у вас брать не будем ничего, только за деньги будем покупать; а казаки им на то ответствовали: мы де вам будем пули продавать. . . Неприятельские люди перебрались через реку Ипуту и приходили штурмовать городок Млын сентября 24 на заре. И городок не взяли, и отступили с уроном, который я видел и считал пятьдесят тел у стены городской, да у ворот городских

убиты из пушки два офицера. . . А в городе сидит сотник млынский и с ним казаков сто человек того города и мужики из деревень.“

В донесении Меншикову Бартенев сообщал: „сей народ зело твердо стоит, сами бегут в города и леса, а деревни жгут. . . а по лесам, собравшись конными, ходят на шведов, зело много бьют и в лесах дороги зарубают.“

Авангарду шведской армии не удалось выполнить свою задачу — занять Стародуб раньше русских. Проводники из местных крестьян завели шведов в леса, и пока они отыскивали дорогу на Стародуб, город был занят русскими отрядами генерала Инфланта. Попытки шведов захватить город были отбиты. Главные русские силы под командованием фельдмаршала Шереметева шли параллельно направлению, каким двигался Карл XII. 25 сентября шведы подошли к Мглину. 3 октября Шереметев достиг Почеп, т.е. такого места, как говорил приказ Петра, „чтобы неприятеля смотреть: к Стародубу ль или Рославлю обратится.“

Вступив на территорию Северской Украины, Шереметев издал обращение к украинскому населению, в котором говорилось: „По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича самодержца всероссийского и прочая, объявляется чрез сие всем малороссийского народу жителям, дабы и городов, сел и деревень, на которые идет войско царского величества, никто не выбегал, понеже жителям никаких обид и прочего своеволия чинено не будет, и приказано о том в войске под смертной казнью. . .“

В Почепе русская армия получила радостное известие о разгроме шведов при Лесной, здесь отпраздновала победу. Отсюда весть о славной победе распространялась по всей Европе. „О сей, государь, преславной виктории, — писал Г. И. Головкин Петру, — ко всем нашим министрам, обретающимся в Европе, также к Петру Толстому (посол в Турции) вашего величества письмо (где Петр сообщал о победе) с нарочным послали и по указу вашему в пути оглашать о том велели.“ Обширная переписка, многочисленные гонцы, которые везли известие о поражении шведов, салюты в Москве, в Петербурге и других городах страны способствовали широкому распространению известия о победе при Лесной. По этому поводу посол в Копенгагене В. Л. Долгорукий писал Г. И. Головкину: „Помянутую победу так здесь ставят, что не чают, что король шведский мог поправиться до конца сей войны, потеряв такой корпус. И чают, что вскоре заговорит о мире. . . Пребывание его царского величества особю своею при той акции, мудрые указы и храбрость неописанно славятся.“

В это же время под Мглином Карл XII получил сведения о разгроме корпуса Левенгаупта. Потрясенный известием, он двинул свою армию мимо Почеп, где его поджидали главные силы Шереметева, и Стародуб, гарнизон которого к этому времени был усилен, на юг к Новгород-Северскому.

Осторожный Шереметев заподозрил здесь военную хитрость, но шведы не хитрили, они не имели достаточных сил, чтобы одновременно вести борьбу на двух направлениях — в Северской Украине, которую они покидали, и в центре гетманщины, куда они направлялись. Один из доверенных людей Карла XII Норберг говорил по этому поводу: „Мы лишились превосходных зимних квартир, где армия могла бы в изобилии найти средства существования: все деревни были полны фуража, а города были снабжены всем, что только можно было себе пожелать. Мы видим, что Карл XII, понимая и не пренебрегая прискорбного значения своей неудачи, уходил на юг, не решаясь принять бой с главными силами русской армии, т.к. занятие Стародуба русскими было прямым вызовом шведам.“

Авангард русской армии под командованием генерала Инфланта и на этот раз „упреждал“ шведов, первым заняв Новгород-Северский. Убедившись, что город хорошо укреплен, Карл XII не решился его штурмовать. Река Десна, на которую вышла шведская армия, стала важным водным рубежом. Петр приказал войскам Шереметева перейти на ее левый берег и держать все переправы через реку. „Господин фельдмаршал, — писал царь из Брянска 24 октября, — понеже по всему возможно видеть, что неприятель хочет Десну переходить

того ради надлежит вам заранее оно пережить и неприятеля до последней мины конницей и пехотою держать. А я сего часу отсель еду к вам."

От Новгород-Северского Карл XII повернул на юг и правым берегом Десны пошел к Батурину — резиденции гетмана Украины И. С. Мазепы.

27 октября Петр приехал в главную квартиру армии, где ему стало известно об измене гетмана, человека, долгие годы пользовавшегося доверием царя. Крупнейший феодал на Украине, "старик надменный", Мазепа уже давно имел "преступны виды", давно мечтал отторгнуть левобережную Украину от России, чтобы стать полновластным ее господином. В течение ряда лет он ждал удобного момента, чтобы перейти на сторону шведов. В 1708 году колебания кончились. Мазепа решил на измену потому, что сделал ставку на победу Карла XII, которая сулила ему положение "князя Украины". В этом решении он глубоко ошибся — поставив все на карту шведской "непобедимости", он все и проиграл, т.к. украинский народ остался верен России и общей борьбе против шведского нашествия". Вместо обещанных 20 тысяч украинского войска Мазепа смог привести в шведский лагерь около двух тысяч казаков, да и то многих из них обманым путем. "Изменник в сем народе ни малого приступа не имеет, ибо все стоят весьма твердо при его царском величестве и привозят повседневно от неприятелей многих изменников. И из тех малых казаков, которых он, изменник Мазепа, к неприятелю обманом увез, купами к нам приходят сами", — писал Головкин.

Переход Мазепы на сторону шведов был полной неожиданностью для Петра и сразу же вызвал ответные решительные меры для ликвидации последствий измены, в первую очередь — захват столицы изменника, города Батурина, и избрание нового гетмана Украины.

В это время Карлу XII удалось с боем форсировать Десну у деревни Мезин и его армия быстро приближалась к Батурину, где шведов ждали огромные запасы продовольствия, боеприпасов, около 300 пушек, а также верные Мазепе казаки.

Учитывая важное значение Батурина для шведов, созданный Петром Военный совет постановил: "князю Меншикову с частью войска идти добывать Батурин, где Мазепины единомышленники Чечель да генеральный есаул Книжон с черкасами засели." Во исполнение приказа Меншиков стремительно двинулся к Батурину, чтобы опередить Карла XII, и 31 октября подступил к стенам города. На предложение сдаться сторонники Мазепы ответили отказом, и Меншиков приказал штурмовать город. Через два часа русские войска овладели им, и уже 2 ноября Петр получил "зело радостные писания" о взятии, полном разгроме и сожжении Батурина и о колоссальной добыче, доставшейся русским. Петр приказал трофеи, особенно артиллерию, переправить в Глухов, куда направлялся сам, чтобы решить вопрос об избрании нового гетмана. Таким образом, благодаря упреждающим решительным действиям Меншикова шведы, так рассчитывавшие на запасы Батурина, оказались в тяжелейших условиях, без теплых зимних квартир, продовольствия и боеприпасов перед лицом надвигающейся зимы.

Об измене гетмана население Украины было широко оповещено манифестами Петра, в которых раскрывалась цель Мазепы — оторвать Украину от России. Население призывалось к верности русскому народу и к активному участию в совместной борьбе с оккупантами. Примером такого документа может служить указ Петра "К старшине города Почеп и народу" от 31 октября 1708 года: "... объявляем города Почеп верным нашим подданным, сотнику, атаману, войту и бурмистрам, и казакам, и всему посольству. Известно нам, великому государю, что гетман Мазепа, забыв страх божий и крестное свое к нам, великому государю, целование, изменил и переехал к неприятелю нашему, королю шведскому, обманув с собою старшину и трех полковников и отдав их в руки неприятелю, ради особливого интересу своего, с таким умыслом, дабы народ Малороссийский передать в порабощение и под владение Польское и церкви Южии и святые монастыри во осквернение и во унию. Что ради посланы нами,

великого государя, указы к преосвященному Киевскому митрополиту и архиепископу Черниговскому и епископу Переславскому, к генеральной старшине и полковникам, и сотникам, и атаманам, и прочим чинам, дабы на обращение нового гетмана, по правам и вольностям своим вольными голосами, съезжались в Глухов. И вам, верным нашим подданным, города Почеп сотнику и атаману, и войту, и бурмистрам, и казакам и всему посольству повелеваем, дабы к воровству того изменника, бывшего гетмана, не приставали и его ни в чем не слушали, но служили попрежнему нам верно. И во знак той неперменной верности своей к нам, великому государю, сами и войску казацкому велели целовать крест в том, что служить вам попрежнему, как отцу нашему, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу, так и нам, при прежних вольностях своих непоколебимо, со всякою усердною верностью. Да нам же известно учинилось, что помянутый изменник, гетман Мазепа, хитростию своею, без нашего указа, аренды и иные многие поборы наложил на Малороссийский народ, будто на плату войску, а в самом деле ради обогащения своего. И сии тягости повелеваем мы ныне с Малороссийскому народу отставить."

6 ноября 1708 года, новым гетманом Украины стал стародубский полковник И. И. Скоропадский. Яркое описание обряда проклятия Мазепы и выборов нового гетмана дает Головкин в письме к Толстому: "... Мы с его царским величеством сюда в Глухов прибыли, где знатнейшие полковники и старшина казаков по выданным указам его царского величества собрались, дабы нового гетмана по своим обыкновениям избрать, которое сего ноября в 6 день учинилось. И пред тем обычаем над персоною (чучелом) бывшего гетмана Мазепы следующим образом уничтожение учинено. Вначале его диплом от его царского величества изодран; от его светлости князя Меншикова и от меня... обоих нас ордена святого Андрея кавалеров... ему (Мазепе), наперед сего всемирно-стивейше данный орден снят... И та его персона напоследи ногами с лестницы столкнута и потом от ката взята и до виселицы, которая на рынке обреталась, на веревке тащена, а там уже его, Мазепина, измена... явственно всему народу объявлена. Герб его от ката изодран и истоптан, его сабля от того же ката переломлена, и по персоне теми обломками ударена, и напоследи помянутая его персона на виселицу повешена. Между тем чины и старшина сего народа в соборную церковь собрались, из которой оные, по отправленному молебному пению... вышли пред ту соборную церковь на площадь, где все, и казаки, и жители, стояли, и по своему обыкновению во избрание нового гетмана вступили по своим древним правилам и вольностям. От них, с общим позволением всего народа, полковник стародубский господин Скоропадский в новые гетманы избран и от его царского величества всемирно-стивейше подтвержден. Царского величества грамоту читал во весь народ дяк Михайло Родостамов, которую полковники и старшина, и все войско, и посольство слушали с прилежанием. Затем ближний стольник вручил новому гетману только что зачитанную грамоту вместе с знаками гетманского достоинства: бунчуком, знаменем, булавой и печатью Малороссийского края. И все сие дело изрядным веселием при пушечном стрельянии окончилось."

В конце 1708 года шведская армия расположилась на зимние квартиры в районе Ромны, Лохвица, Гадяч, Прилуки, где вынуждена была вести непрерывную борьбу с партизанскими отрядами и частями русской регулярной армии, в результате чего Карл XII потерял Ромны и ряд других населенных пунктов. Ярким примером такой борьбы стала попытка шведов овладеть местечком Веприк. Около 50 дней гарнизон Веприка (1100 русских солдат и несколько сотен местных казаков) сдерживал натиск трехтысячного отряда шведов. Во время штурма и осады этого городка шведы потеряли до двух тысяч человек, в том числе много офицеров. Один из шведских историков писал: "Потери при штурме Веприка можно сравнить с потерями в большом сражении. Особенно печально для шведов было, что они потеряли при этом цвет офицерства." Взятие Веприка не улучшило положение шведов. Их попытки наступать в

сторону Харькова, а затем, в случае успеха, пойти на Москву, также потерпели провал. Русские войска и украинские партизаны защищали каждый населенный пункт. В одной из таких стычек партизаны убили генерала Ленорта — личного адъютанта Карла XII и уничтожили его отряд.

Весной 1709 года Карл XII решил овладеть Полтавой — важным стратегическим пунктом на Украине, где он надеялся дожидаться подкреплений из Турции и Крыма, а также польских войск Лещинского. Гарнизон Полтавы насчитывал 4 тысячи солдат и 2600 вооруженных жителей города и его окрестностей. Комендантом Полтавы был командир Тверского пехотного полка А. С. Келин. К этому времени шведская армия имела 35 тысяч человек. Карл XII рассчитывал внезапным ударом захватить город. Однако героическая оборона Полтавы продолжалась почти 2 месяца, с 30 апреля по 27 июня. За это время шведы двадцать раз штурмовали укрепления Полтавы. Потеряв более 6 тысяч убитыми, они так и не добились решения поставленной задачи. Мужество защитников Полтавы ослабило силы врага, дало возможность выиграть время и сосредоточить главные силы русской армии для генерального сражения. В июне 1709 года под Полтавой были сосредоточены войска Шереметева, Меншикова, казацкие полки нового гетмана Украины Скоропадского. 4 июня в лагерь русских войск, расположенный на левом берегу реки Ворсклы, прибыл Петр. К моменту сражения русская армия насчитывала 42 тысячи человек.

25 июня главные силы русских перешли на правый берег реки в лагерь неподалеку от села Яковцы в 5 км от Полтавы. Обширная поляна перед лагерем ограничивалась Будищенским и Яковецким лесами. Разрыв между ними был единственным проходом между русскими войсками и шведской армией. Петр, уверенный в том, что Карл XII двинет свои силы этим единственным коридором, приказал перекрыть проход между лесами десятью редутами, поставленными друг от друга на расстоянии ружейного выстрела (300 м), из них шесть перекрывали проход между лесами, а четыре были выдвинуты в сторону шведов. Задача защитников редутов состояла в том, чтобы нанести противнику максимальный урон и расстроить его боевые порядки на подступах к русскому укрепленному лагерю. Перед началом сражения конница Меншикова была расположена за редутами в две линии. Ее правый фланг прикрывали казацкие полки, пехота и артиллерия находились в укрепленном лагере — траншее. Общее командование русской армией осуществлял фельдмаршал Шереметев.

Карл XII, раненный в ногу за десять дней до Полтавского сражения, поручил командование своей пехотой фельдмаршалу Реншильду, конницей — генералу Шлиппенбаху.

Ранним утром 27 июня шведы, оставив небольшой заслон у Полтавы, перешли в наступление. Встретив на пути редуты, они попытались взять их штурмом. В тяжелом бою им удалось овладеть двумя недостроенными редутами. Но остальные, открыв по шведам ружейный и артиллерийский огонь, выдержали натиск атакующих. Попытка шведов частью пехоты и конницы обойти редуты с фланга была пресечена конницей Меншикова. Генерал Шлиппенбах попал в плен. Трофеями русских драгун стали 14 шведских знамен и штандартов.

И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там,
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлиппенбах.

Так описывает А. С. Пушкин начало Полтавского сражения.

Тем временем, понеся большие потери, основные силы шведов прорвались сквозь редуты и устремились к русскому лагерю, где были встречены мощным артиллерийским огнем и отброшены к Будищенскому лесу.

Приближался решительный этап Полтавского сражения. Отразив натиск шведов, «его величество повелел тотчас двум линиям от нашей инфантерии из траншементу (лагеря) выступить, а третью во оном позади оставил, и тако ту армию в строй поставил, что инфантерия всреде, кавалерия же на обоих крылах поставлена, и с нашей стороны правым крылом кавалерии командовал генерал-лейтенант Боур, . . . левым же крылом командовал его светлость князь Меншиков, а корпус-баталию командовал сам его царское величество, и притом господин генерал-фельдмаршал Шереметев, а також господа генералы от инфантерии князь Репнин и Апарт. . . » Артиллерией командовал генерал Брюс. Первая линия русской армии насчитывала до 10 тысяч солдат.

Приготовив войска к решительному сражению, Петр обращается к ним со словами: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должна вас так же смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказывали. . . . А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего.»

В девятом часу утра обе армии двинулись навстречу друг другу. Сближившись на дистанцию выстрела, войска вступили в огневой бой. Русская артиллерия с близкого расстояния открыла губительный огонь по врагу, нанося шведской пехоте огромный урон. Шведы, преодолев огонь, бросились в штыковую атаку. Завязалось ожесточенное рукопашное сражение:

Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

А. С. Пушкин

В этой беспощадной схватке шведам удалось потеснить батальон Новгородского полка. Петр, заметив опасное положение, сам повел второй батальон новгородцев в контратаку и опрокинул противника. Могучая фигура Петра на поле боя привлекала внимание вражеских солдат — одна пуля пробила шляпу царя, другая попала в натальный крест, и это спасло Петра от смерти. Ожесточенное сражение шло по всему фронту. Кавалерия Меншикова стала обходить шведов с фланга, опрокинув вражескую конницу.

Наконец, шведы не выдержали натиска, дрогнули и начали отступать по всему фронту. Под ударами русских войск отступление превратилось в паническое бегство: «И как войско наше, в ордер-баталии, на неприятеля пошло, и когда в 9 часу пред полуднем атака и жестокий огонь с обеих сторон начался, атака от наших войск с такою храбростью учинена, что вся неприятельская армия по получасному бою . . . как кавалерия, так и инфантерия весьма опровергнута была, так что шведская инфантерия ни единожды потом не остановилась, но от наших шпагами, багинетами и пиками колота, и до обретающего в близи лесу, яко скот, гнана и бита. Притом в начале генерал-майор Шлиппенбах, потом же генерал-майор Гамельтон, тако ж после и фельдмаршал Рейншильд и принц Виртембергский, купно со многими полковниками и иными офицерами, и несколько тысяч рядовых отдались, и в полон взяты и стадами от наших гнаты. . . »

И тако, милостию всевышнего совершенная виктория, которой подобно мало слыחנו и видано, с легким трудом против гордого неприятеля чрез его царского величества славное оружие и персональную храбрый и мудрой приво- одержана. Ибо его величество в том воистину свою храбрость, мудрое великое душе и воинское искусство, не опасаясь никакого страха своей царской высокой особе, в высшем градусе показал, и при том шляпа на нем пулею пробита. Под его светлостью князем Меншиковым, который також мужество свое при том довольно показал, три лошади ранены. При сем же, и сие ведати надлежит,

что из нашей пехоты токмо одна линия, в которой с десять тысяч обреталось, с неприятелем в бою была, а другая до того бою не дошла; ибо неприятели, будучи от нашей первой линии опровергнуты, побежали и тако биты."

К 11 часам Полтавская баталия закончилась полным разгромом шведской армии. Остатки войска Карла XII бежали к Днепру, преследуемые русской конницей и казаками. Через три дня они достигли реки у Переволочны. Переправиться на правый берег Днепра удалось только Карлу XII с небольшим отрядом, а также Мазепе. Спасаясь от преследования, беглецы смогли укрыться в турецких владениях. Остатки шведской армии под командованием Левенгаупта в количестве 16 тысяч человек вынуждены были сдаться в плен девяти тысячному отряду Меншикова, настигшего шведов на переправе. "Таким образом, — писал английский посол Витворт, — вся вражеская армия, столь прославленная молвой на весь свет, стала добычей его царского величества; ничего от нее не спаслось, кроме одной тысячи приблизительно кавалеристов, которые бежали вместе с королем. Может быть в истории не было еще примера такой многочисленной регулярной армии, покорно подчинившейся подобной участи."

Весть о разгроме шведов под Полтавой быстро распространилась по стране и в Западной Европе. Для многих на Западе она была большой неожиданностью и произвела огромное впечатление.

В руки русских попало много пленных и богатые трофеи. Победная реляция, которая дает картину пленения огромной армии Карла XII и перечисляет, "что от неприятеля артиллерии, штандартов, знамен, такожу и прочего в добычу на баталии Полтавской, а потом при Переволочне получено, сколько людей в полон взято", занимает 20 страниц. Всего русская армия захватила 18766 человек пленных, 32 артиллерийских орудия, 264 штандарта и знамени.

Потери русских войск составили — убитыми 1345, ранеными 3290 человек.

Полтавская битва стала кульминационной точкой в Северной войне. Мощество Швеции и ее армии было навсегда подорвано. Победа под Полтавой стала поворотным моментом в войне и предопределила ее победоносный исход для России. "Сия баталия, — говорил Петр, — счастье наше; она решила судьбу обоих государств." В. Г. Белинский, отмечая ее значение, писал: "Полтавская битва была не просто сражение, замечательное по огромности военных сил, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови; нет, это была битва за существование целого народа, за будущность целого государства." Полтавская битва сыграла огромную роль в истории Европы. Вольтер назвал ее единственной во всемирной истории битвой, которая не разрушала, но созидала, приобщая к культуре столь многочисленный народ. — "результатом дня Полтавы было счастье обширнейшей империи." По словам А. С. Пушкина: "Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы." Фридрих Энгельс, характеризуя события Северной войны, писал: "... Карл XII сделал попытку проникнуть вглубь России; этим он погубил Швецию и показал всем неуязвимость России..."

Полтавская баталия показала возросшее боевое мастерство русской армии. В этом сражении Карл XII увидел:

Уж не расстроенные тучи
Несчастных нарвских беглецов,
А нить полков, блестящих, стройных,
Послушных, быстрых и спокойных,
И ряд незыблемых штыков.

А. С. Пушкин

В Полтавском сражении Петр показал себя блестящим тактиком-новатором: выбор для генерального сражения пересеченной местности, укрепление своих позиций редутами, глубина боевых порядков войск, созданное второй линией

батальонов, обеспечение атакующих резервами, умелое использование конницы и артиллерии во многом предопределили успех Полтавского сражения.

"Победу, — говорил Петр, — решает воинское искусство, храбрость полководцев и неустрашимость солдат. Труд их — защита и крепость Отечеству."

После сражения Петр устроил смотр своим войскам. Проезжая вдоль фронта, он обратился к солдатам: "Здравствуйте, сыны Отечества! Никто не в состоянии совершить подвига, какой совершили вы, смело смотревшие в лицо смерти... Храбрые дела ваши никогда не будут забыты у потомства."

Полтавская победа была торжественно отпразднована в Москве в конце декабря 1709 года. Во время торжеств победители прошли через несколько триумфальных ворот. Впереди шествовала гвардия. В середине — 22 тысячи пленных шведов. К ногам Петра были брошены многочисленные шведские знамена и другие трофеи. Участники битвы были награждены орденами и медалями. Многие генералы и офицеры в награду получили земли и крепостных крестьян. Г. И. Головкин, руководитель русской дипломатии, стал канцлером. Петр, бывший до Полтавы полковником гвардейского Преображенского полка, получил чин генерал-лейтенанта русской армии и контр-адмирала русского флота. Высоко был отмечен подвиг защитников Полтавы. Команданта города А. С. Келина Петр произвел в генералы. Участники обороны получили годовое жалованье, золотые и серебряные медали. Жители Полтавы на год были освобождены от всех налогов и повинностей.

ИЗОБРАЖЕНІЕ БАТАЛІИ МЕЖДУ ЧАСТІО ВОЙСКЪ РОСІЙСКИХЪ КОТОРЫЯ БЫЛИ ТОГДА ВЪ ПРИСУДСТВІИ КОМАНДЫ
ЕГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ІСВѢДСКІХЪ ПОКОМАНДОМЪ ГЕНЕРАЛА ГРАФА ЛЕВЕНГОУПТА ПРИДЕРЕВНѢ ЛЕСНОЙ
КОТОРАЯ ОТЪ ПРОПОЙСКА ВЪ ДВУХЪ ЧАСАХЪ СЕНТЯБРЯ ВЪ 28. ДЕНЬ 1708.

Сражение при Лесной 28 сентября 1708 г.
Гравюра Лармессена с оригинала П.-Д. Мартена Младшего.
Первая четверть XVIII в.

Battle at Lesnaya. September 28, 1708.
Engraving by Larmessain after the original by P. D. Martin the Younger.
First quarter of the 18th c.

Петр I.
Гравюра Шрейера с оригинала Леруа. Конец XVIII в.

Peter the Great.
Engraving by Schreier after the original by Leroi.
Late 18th c.

▷

Наградная медаль за сражение при Лесной.
1708 г. Серебро, чеканка.

Medal awarded for the Battle at Lesnaya.
1708. Silver, chasing.

Украинский казак в начале XVIII в.
Литография середины XIX в.

Ukrainian Cossak in the early 18th c.
Lithograph. Mid-19th c.

Офицер, бомбардир и фузелер
артиллерийского полка с 1712
по 1720 гг.
Литография середины XIX в.

Officer, bombardier and rifleman
of the artillery regiment between 1712
and 1720.
Lithograph. Mid-19th c.

Гренадер пехотного полка с 1700 по 1732 гг.
Литография середины XIX в.

Grenadier of the Infantry regiment between
1700 and 1732. Lithograph. Mid-19th c.

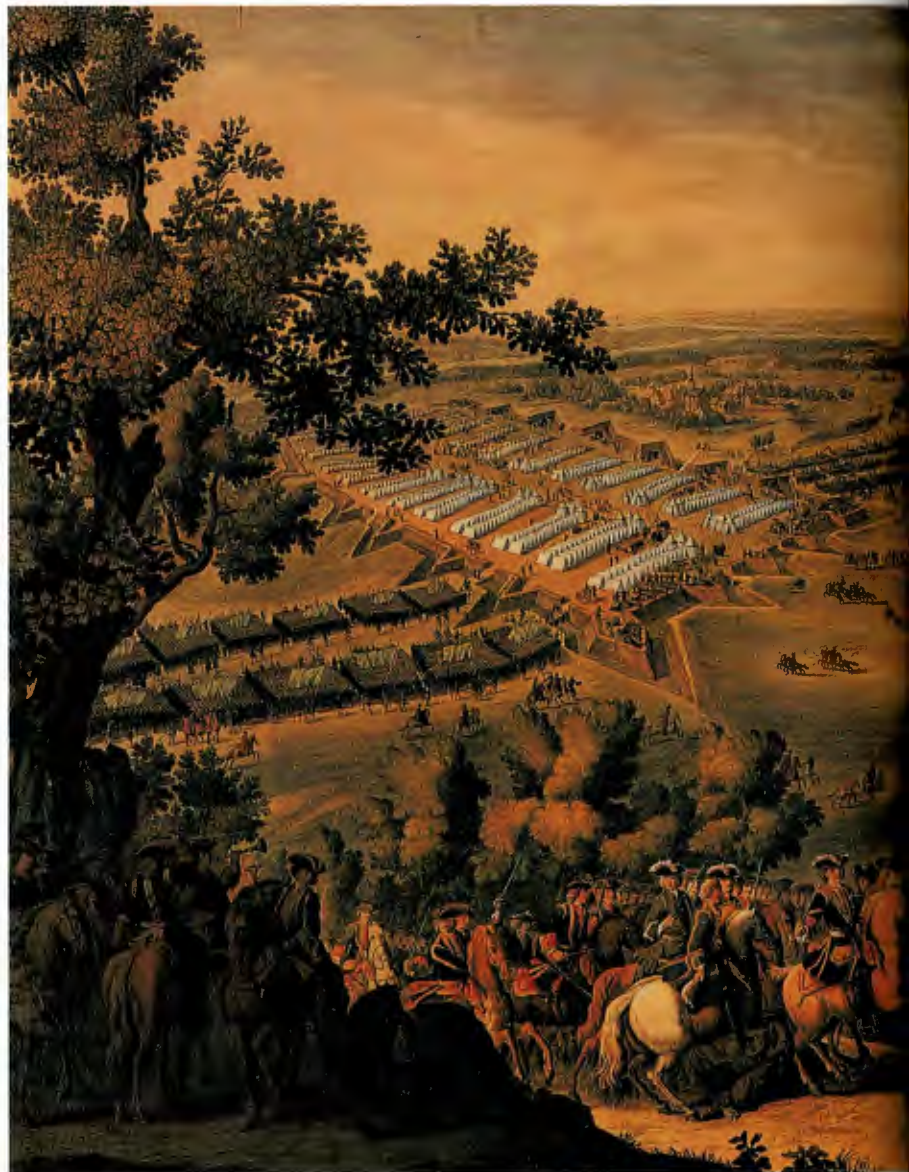
△
Солдатское оружие русской армии:
шпага, мушкеты, ручная мортирка,
палаш, штык, багинет.
Начало XVIII в. Сталь, дерево.

Soldier's arms in the Russian army: sword,
muskets, hand mortar, broadsword, bayonet.
Early 18th c. Steel, wood.

△ А. Д. Меншиков.
Генерал-фельдмаршал русских войск. Один из ближайших сподвижников Петра I. Отличился во многих сражениях Северной войны. Петром II был произведен в генералиссимусы. Неизвестный художник. 1710-е—1720-е гг. Холст, масло.

A. D. Menshikov.
General-Field-Marshal of the Russian Army.
One of Peter the Great's closest associates.
Distinguished himself in many battles of the Northern War.
Peter II conferred upon him the title of generalissimo.
Anonymous artist. 1710s—1720s. Oil on canvas.

△ Полтавская баталия 27 июня 1709 г. Первый этап.
Гравюра Лармессена с оригинала П.-Д. Мартена Младшего.
1-я четверть XVIII в.

The Battle of Poltava. June 27, 1709. First stage.
Engraving by Larmessain after the original by P. D. Martin the Younger. First quarter of the 18th c.

△ **М. М. Голицын (1675—1730).**
Генерал-фельдмаршал русских войск. Участник многих сражений Северной войны. В Полтавской битве командовал гвардией.
Неизвестный художник. 1-я четверть XVIII в. Холст, масло.

M. M. Golitsyn (1675—1730).
General-Field-Marshal of the Russian Army.
Participant in many battles of the Northern War.
Had command of the Guards in the Battle of Poltava.
Anonymous artist. First quarter of the 18th c. Oil on canvas.

△
Петр I.
Миниатюра неизвестного художника. 1710-е—1720-е гг.
Эмаль на меди.

Peter the Great.
Miniature by anonymous artist. 1710s—1720s.
Enamel on copper.

◁ Полтавская баталия 27 июня 1709 г. Второй этап.
Гравюра Лармессена с оригинала П.-Д. Мартена Младшего.
1-я четверть XVIII в.

The Battle of Poltava. June 27, 1709. Second stage.
Engraving by Larmessain after the original by P. D. Martin the
Younger. First quarter of the 18th c.

Шведские ружья и пистолеты — трофеи русской армии.
Начало XVIII в. Сталь, дерево.

Swedish rifles and pistols—Russian Army trophies.
Early 18th c. Steel, wood.

Карл XII (1682—1718) — король Швеции.
Гравюра Е.-С. Хейфса. Начало XVIII в.

Karl XII (1682—1718)—King of Sweden.
Engraving by J. S. Helfs. Early 18th c.

Карлу XII делают перевязку после ранения.
Статуэтка.
Середина XIX в. Бронза, литье, позолота.

Karl XII. Dressing of wound.
Statuette.
Mid-19th c. Bronze, casting, gilding.

Шведские шпаги —
трофеи русской армии.
Начало XVIII в. Сталь.

Swedish swords—
Russian
Army trophies.
Early 18th c. Steel.

△ Петр I.
Неизвестный художник. 1-я четверть XVIII в. Холст, масло.

Peter the Great.
Anonymous artist. First quarter of the 18th c. Oil on canvas.

◁ Петр I в Полтавском сражении.
Рисунок и гравюра М. Мартена (сына). 1-я четверть XVIII в.

Peter the Great in the Battle of Poltava.
Drawing and engraving by M. Martin (son). First quarter of the 18th c.

Князь Кирилл Иванович
Репнинъ,

Генералъ-фельдмаршалъ, Военной Коллегіи
Президентъ, Княжества Лифляндскаго Генералъ
Губернаторъ и Орденовъ, Св. Апостола Андрея,
Св. Александра Невскаго, Датскаго Слона
и Польскаго Бѣлаго Орла Кавалеръ

◀ А. И. Репнин (1668—1726).
Генерал-фельдмаршал русской армии. Отличился во многих
сражениях Северной войны, в том числе под Полтавой.
Гравюра А. Афанасьева с рисунка Я. Аргунова. Начало XIX в.

A. I. Repnin (1668—1726).
General-Field-Marshal of the Russian Army. Distinguished himself in
many battles of the Northern War, among them the Battle of Poltava.
Engraving by A. Afanasyev after the drawing by Ya. Argunov. Early 19th c.

◀ Наградная медаль
за Полтавское сражение.
1709 г.
Серебро, чеканка, муар.

Medal awarded for the Battle
of Poltava.
1709. Silver, chasing, moire.

*J. D. Bruce,
Moscovitischer General Feldzeug-
meister, Ritter der Orden von S. Andrea
und Weißen Adler.*

△

Звезда ордена св. Андрея Первозванного. Принадлежала Я. В. Брюсу.
Начало XVIII в. Золотное шитье.

Star from the Order of St. Andrew the First-Called.
Belonged to J. W. Bruce.
Early 18th c. Gold embroidery.

◁ Я. В. Брюс (1670—1735).
Генерал-фельдцейхмейстер. В Полтавском сражении командовал
артиллерией. Президент Берг- и Мануфактур-коллегий.
Гравюра неизвестного мастера. 1710-е гг.

J. W. Bruce (1670—1735).
General Fieldzeugmeister. Had command of the artillery in the Battle
of Poltava. President of the Berg and Manufacture collegia.
Engraving by an anonymous artist. 1710s.

△
Петр I.
Миниатюра неизвестного художника
на крышке табакерки.
1-я половина XVIII в.
Эмаль на меди, золото, кость.

Peter the Great.
Miniature by anonymous artist
on a snuff-box lid.
First half of the 18th c.
Enamel on copper, gold, bone.

Б. П. Шереметев. ◇
Художник И. П. Аргунов. 1753 г. Холст,
масло.
(Из собрания Музея керамики —
„Усадьба Кусково XVIII в.“).

B. P. Sheremetev.
Artist I. P. Argunov. 1753. Oil on canvas.
(From the Museum of Ceramics and the
Kuskovo Estate of the 18th c.)

◀ Петр I — победитель.
Гравюра Вагнера 1730-х гг. с оригинала Амикони.

Peter the Great the Victorious.
Engraving by Wagner, 1730s, after the original by Amiconi.

Братина гетмана Украины И. И. Скоропадского.
По венцу текст: „Сия братина пожалована царем Петром
Алексеевичем вельможному его милости пану Иоанну
Ильичу Скоропадскому войск запорожских и
обоих сторон Днепра“.
1-я четверть XVIII в. Серебро, чеканка, позолота.

Bratina loving-cup of I. I. Skoropadsky, Hetman of the Ukraine.
The inscription along the rim runs: "This *bratina* was presented
by Tsar Pyotr Alexeyevich to one worthy of
his sovereign grace Ioann Ilyich Skoropadsky
of Zaporozhye troops and both banks of the Dnieper".
First quarter of the 18th c. Silver, chasing, gilding.

△ **Петр I.**
Неизвестный художник (тип К. Моора).
2-я половина XVIII в. Холст, масло.

Peter the Great.
Anonymous artist (K. Moor type).
Second half of the 18th c. Oil on canvas.

Вид на Большой Каменный мост в Москве. ▸
Гравюра П. Пикарта. 1708 г.

View of Big Stone Bridge in Moscow.
Engraving by P. Picart. 1708.

Стакан с надписью:
„Виват,
царь Петр Алексеевич!“
Начало XVIII в. Серебро,
позолота, гравировка.

Tumbler with inscription:
“Vivat, Tsar Pyotr
Alexeyevich!”
Early 18th c. Silver,
gilding, engraving. ▷

„Передача“ — сосуд для
охлаждения вина.
Принадлежала барону
А. Г. Строганову.
Начало XVIII в. Серебро, чеканка.

Peredacha vessel for cooling wine.
Belonged to Baron A. G. Stroganov.
▽ Early 18th c. Silver, chasing.

Чарка.
Выточена Петром I и
пожалована М. П. Гагарину
за устройство праздника
в Москве в честь победы
над шведами под Полтавой.
1709 г. Золото,
бриллианты, рубин,
дерево.

Small cup.
Made by Peter the Great
and presented to
M. P. Gagarin for organizing
festivities in Moscow in
honour of the victory over
the Swedes at Poltava.
1709. Gold, diamonds,
ruby, wood.

Кружка и стаканы.
Москва. Конец XVII—
начало XVIII вв. Серебро,
чернь, позолота.

Mug and glasses.
Moscow.
Late 17th—early 18th cc.
Silver, niello, gilding.

△ Петр I.
Гравюра Е. Чемесова 1759 г. с оригинала Ж.-М. Натье. 1717 г.

Peter the Great.
Engraving by Ye. Chemesov, 1759, after the original by J. M. Natier, 1717.

**В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.**

А. С. Пушкин

Освобождение Прибалтики и Финляндии. Прутский поход 1711 года

Хотя Полтавская битва и стала переломным моментом в ходе Северной войны, но потребовалось еще двенадцать лет упорной борьбы, чтобы заставить шведов пойти на мир.

Одним из важных результатов разгрома шведов под Полтавой стал выход России из изоляции на внешнеполитической арене. Саксония разорвала навязанный ей союз со Швецией, и Август II снова стал королем Польши. Союзный договор между Польшей и Россией был возобновлен. Дания снова стала союзницей России. Вскоре к Северному союзу присоединились Пруссия и Ганновер.

Попытки морских держав Англии, Франции и Голландии, боявшихся укрепления России, расколоть Северный союз потерпели провал. Планируя боевые действия, союзники решили: Августу II вести борьбу со шведами в Померании, где находился шведский корпус генерала Кроссау и куда бежал ставленник Карла XII на польском престоле Станислав Лещинский; датчане должны были высадить в Швеции десант со стороны Норвегии; русские направляли основные силы своей армии (40 тысяч человек) для завоевания Балтийского побережья и в первую очередь для осады Риги — одной из самых неприступных шведских крепостей в Лифляндии. К середине ноября 1709 года войска Б. П. Шереметева подошли к Риге. Первые три выстрела по осажденному городу произвел сам Петр: «Сегодня в пятом часу по полуночи началось бомбардирование Риги, и первые три бомбы своими руками в город отправлены.»

Осада продолжалась всю зиму. Имея гарнизон в 13 тысяч человек, мощную и многочисленную артиллерию (563 пушки, 66 мортир и 12 гаубиц), шведы упорно сопротивлялись. Петр, оценив обстановку, принял решение блокировать город, «сего города формальною атакою не добывать», отрезать Ригу со стороны моря, чтобы исключить помощь шведского флота осажденным и усиленно бомбардировать. Одновременно была блокирована крепость Динамюнде, стоявшая в устье Западной Двины. Бомбардировка нанесла Риге большой ущерб. Многие здания были разрушены, в городе вспыхивали пожары. В декабре загорелась и взорвалась башня, в которой хранился запас пороха. При взрыве погибли более тысячи защитников города, были уничтожены мастерские для изготовления артиллерийских бомб. Весной шведский флот пытался оказать помощь осажденным, но все попытки высадить десант были отбиты огнем русской артиллерии, и шведская эскадра в составе 24 кораблей вынуждена была уйти в море.

С приходом тепла Шереметев активизировал подготовку к штурму. Русские войска овладели предместьем Риги и подвели окопы к стенам крепости. В разгар подготовки к штурму в русском лагере вспыхнула эпидемия чумы, уже давно свирепствовавшая в осажденном городе. Желая избежать кровопролития, учитывая большие потери от «моровой язвы», русское командование предложило коменданту Риги сдать город. Под нажимом бюргерства и населения

◀ **Петр I.**
Скульптор А. Опекушин (?). 1880-е гг. Бронза, литье.

Peter the Great.
Sculptor A. Opekushin (?). 1880s. Bronze, casting.

гарнизон крепости капитулировал. 4 июля 1710 года русские войска вступили в Ригу. Сообщая об этом радостном событии в Москву, Шереметев писал: „С божьей милостью мне удалось с главным лифляндским городом Ригой, который до сего времени никогда и никакими средствами не был взят и во всей Европе неприступный девственницей считался, обручиться и привести его, как невесту, к честному соглашению.“ Победителям досталась вся артиллерия, 24 корабля, большое количество различного оружия. В плен сдались остатки гарнизона в количестве 5132 человек. Крепость Динамонде еще больше месяца оказывала сопротивление. Но положение ее становилось все безнадежнее. Отрезанная с моря и суши кольцом русских войск и флотом, не получая подкрепления, потеряв половину гарнизона умершими от чумы, крепость капитулировала.

Вслед за Ригой и Динамонде, после непродолжительной блокады капитулировал Пернов. Затем русские овладели островом Эзель с крепостью Аренсбург. Дальнейшей задачей русской армии стало взятие города Ревеля, занимавшего важное стратегическое положение на южном побережье Финского залива. Еще в декабре 1709 года русские войска, базировавшиеся в Нарве, подступили к Ревелю и обложили город. Перекрыв канал, по которому осажденные получали воду, они лишили гарнизон крепости и жителей пресной воды. Артиллерийский обстрел, а также чума, охватившая город, вынудили городские власти и шведского коменданта пойти на капитуляцию. 29 сентября войска генерала Боура заняли Ревель. С падением Риги и Ревеля господство шведов в Лифляндии и Эстляндии кончилось. Россия прочно встала на балтийских берегах.

Овладев южным берегом Финского залива, Петр развернул боевые действия в Финляндии в районе Карельского перешейка. Еще в феврале 1710 года он приказал Апраксину начать боевые действия против Выборга, чтобы обезопасить Петербург со стороны Финляндии. Расположенный на полуострове и окруженный с трех сторон водой, Выборг был самой сильной шведской крепостью в Финляндии. Укрепления, делавшие его почти неприступным, включали замок с высокой башней, средневековый город, обнесенный каменной стеной, и новый город, защищенный земляными валами. Гарнизон крепости имел 141 орудие и насчитывал 4 тысячи человек. С моря Выборг поддерживался кораблями и получал подкрепления живой силой, продовольствием и боеприпасами.

Петр тщательно готовился к боевой операции силами армии и флота. В марте 1710 года русский осадный корпус, насчитывавший 13 тысяч человек, во главе с генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным был сосредоточен на острове Котлин и 16 марта выступил в поход. За 6 дней отряд совершил 150-километровый переход по льду Финского залива и подошел к Выборгу. По словам датского посланника при русском дворе, переход проходил „в самый ужасный мороз, какие бывають только в русские зимы. . . Всякая другая европейская армия, наверное, погибла бы при подобном переходе. Но где предводителем является само счастье, там все удается. И то сказать, русские так выносливы, что с ними можно совершить то, что для солдат всех прочих наций казалось бы невыполнимым.“

Первый удар по городу русские нанесли с северо-запада, где шведы не ждали нападения. Не выдержав натиска, они сдали предместье и укрывшись в крепости, для штурма которой сил у Апраксина оказалось недостаточно, и он вынужден был перейти к осаде. Артиллерийский обстрел крепостных укреплений шел без особого успеха, т.к. русская армия не имела осадных орудий. „Шанцами к неприступным крепостям приблизились ближе оружейной стрельбы и трудим бомбами, сколько можем, а пушки наши нам мало помогают, понеже орудия малы и легки; когда мы начнем стрелять, то неприятель противу одной из десяти стреляет“, — доносил Апраксин царю. На помощь осадному корпусу, так только позволила ледовая обстановка в Финском заливе, Петр направляет 250 судов Балтийского флота различных классов с осадной артиллерией, боеприпасами, продовольствием, живой силой. Командование экспедицией взял на себя сам царь под именем шайбейнахта (контр-адмирала) Петра Михайлова. В сложной обстановке, когда Финский залив еще не очистился от льда, потеряв

три корабля, русский флот через десять дней после выхода из Петербурга появился перед Выборгом, опередив шведскую эскадру, спешившую на помощь осажденному городу. С новыми силами Апраксин стал готовиться к штурму крепости. Потеряв надежду на помощь извне, жестоко страдая от огня осадной артиллерии, шведы были вынуждены пойти на капитуляцию. 13 июня 1710 года гвардейский Преображенский полк во главе с Петром вступил в Выборг. Победителям досталась вся крепостная артиллерия — 150 пушек, 2000 пудов пороха, много различного оружия. После взятия Выборга была ликвидирована угроза Петербургу и Балтийскому флоту. „И тако чрез взятие сего города Санкт-Петербургу конечное безопасение получено“, — писал Петр. С потерей Выборга Швеция лишилась крупнейшей военно-морской и сухопутной базы. Россия получила необходимый плацдарм для дальнейших боевых действий в Финляндии и нападения на территорию Швеции.

Подводя итоги боевых действий в 1710 году, датский посланник при русском дворе Юст Юль писал: „Летняя кампания закончена блистательно, о большем успехе нельзя было и мечтать. В самом деле, в одно лето царь взял восемь сильнейших крепостей — Эльбинг, Ригу, Динамонде, Пернов, Аренсбург, Ревель, Выборг и Кексгольм и стал господином всей Лифляндии, Карелии и Кексгольмского округа. Ему больше нечего было завоевывать. Успех был тем беспримернее, что при взятии названных крепостей было меньше расстреляно пороха, чем в ознаменование радости по случаю всех этих побед и при чашах в их честь.“

Победа на Карельском перешейке были торжественно отпразднованы. Многие участники боев под Выборгом и Кексгольмом получили награды. Ф. М. Апраксин стал кавалером ордена св. Андрея Первозванного.

В ходе Северной войны Петр I старался поддерживать с Турцией мирные отношения, и это благоприятно сказывалось на борьбе в Прибалтике. Стремление к миру турецкие власти стали расценивать как признак слабости России. Они не могли примириться с потерей Азова и присутствием русского флота в Азовском море. На юге становилось все более беспокойно. В войне России с Турцией, кроме Карла XII, были заинтересованы Англия, Франция и Австрия. Подстрекаемые западными странами, а также Карлом XII, продолжавшим оставаться в Бендерах, турки решили начать войну с Россией. „Наскоро доношу, — писал П. А. Толстой в декабре 1710 года, — что турки . . . утвердили короля шведского отпустить вскоре со многими татарами чрез Польшу и войну с нами начать ныне через татар, а весною всеми турецкими силами. . .“

Вступление Турции в Северную войну на стороне Швеции резко обострило военно-политическую обстановку и заставило Петра перебросить главные силы армии на юг. Наиболее удобным направлением для наступления русских войск были Правобережная Украина и территория Молдавии и Валахии. Вступая в войну, Петр рассчитывал на поддержку народов, страдавших под гнетом Турецкой империи, — сербов, болгар, хорватов, черногорцев, греков, молдаван, валахов. В грамоте Петра черногорцам говорилось, что Россия ставит целью войны не только „против басурмана отпор чинить, но и сильным оружием в середину владения его вступить и православных христиан, аще бог попустит, от поганого ига освободить.“ В 1711 году Петр заключил договор с молдавским князем Кантемиром и валашским князем Бранкованом, по которому они должны были оказывать помощь русской армии продовольствием и войсками.

22 февраля 1711 года Петр обнародовал манифест о войне с Турцией. Основные силы русской армии (44 тысячи человек) во главе с Шереметевым двинулись из Прибалтики на юг, имея перед собой задачу первыми выйти к Дунаю, чтобы помешать туркам занять Валахию и Молдавию. Стремясь к укреплению дружеских чувств молдаван к России, Петр приказал Шереметеву: „При входе в Молдавию заказать под смертной казнью в войске, чтобы никто ничего у христиан, ни живности, ни хлеба, без указу и без денег не брали, а жителей ни в чем не озлобляли, ни поступали приятельски.“

В июне русские войска вышли в район Ясс, где были восторженно встречены

жителями города. „Тотчас по прибытии русских, — писал очевидец событий, — молдавانه, верные своему обычаю. . . начали убивать турок: одни по приказу, другие без приказа, как в Яссах, так и по остальным городам страны.“ Валахский же князь Бранкован перешел на сторону турок и передал им все продовольственные запасы, собранные для русской армии. Несмотря на недостаток продовольствия и фуража, русская армия в условиях знойного лета продолжала движение на юг по выжженной солнцем и опустошенной саранчей местности. 7 июля она подошла к деревне Станилешти на правом берегу реки Прут. К этому времени турецкая армия успела переправиться через Дунай и шла навстречу русским силам. Вместе с татарской конницей она насчитывала 200 тысяч человек при 444 орудиях. Обнаружив огромную турецкую армию, учитывая большое численное превосходство противника, Военный совет, созданный Петром, принял решение отходить на север вдоль реки Прут и „в удобном месте дать баталию“. Вынужденные отступить на семь верст, русские стали укрепленным лагерем возле урочища Новые Станилешты. Турецкая армия, следовавшая по пятам за русскими войсками, окружила лагерь и атаковала его. 9 июля более трех часов янычары безуспешно штурмовали русские позиции. Сосредоточив артиллерию против атакующих, солдаты дивизии Аларта остановили нападавших и обратили их в бегство. В бесплодных атаках к концу сражения янычары потеряли только убитыми около 8 тысяч человек. Несмотря на успех, Петр отказался от контратаки: „Сие не могли учинить для того, что обозы окопаты не было время, а ежели б не окопав итти на них, то б конница их ворватца могла, и все б могли потерять пропитание, которого и так мало было.“ Окруженная противником, в несколько раз большим по численности, русская армия оказалась в тяжелом положении. „Люди и лошади, — писал в дневнике генерал Аларт, — не отдыхали более трех суток кряду. К тому же всюду испытывался недостаток в боевых припасах и провианте.“ Положение оказалось настолько серьезным, что Петр не исключал возможность турецкого плена. В письме, направленном в Сенат, он сообщил: „Извещаю Вас, что я со всем своим войском без вины или погрешности нашей, но единственно только по полученным ложным известиям, в четыре крата сильнейшею турецкою силою так окружен, что все пути к получению провианта пересечены и что я без особливой Божия помощи ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения, или что я впаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы не должны меня почитать своим царем и государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственному ручному повелению, от вас было требуемо, покамест я сам не явлюсь между вами в лице моем. Но если я погибну и верные известия получат о моей смерти, то выберите между собой достойнейшего мне в наследники“.

На следующий день великий визирь попытался возобновить атаки, но янычары, деморализованные ожесточенным сопротивлением и огромными потерями, понесенными накануне, отказались штурмовать укрепленный русский лагерь. Турецкий главнокомандующий вынужден был перейти к осаде и начать переговоры о перемирии, предложенные Петром. На такие переговоры турки пошли под впечатлением стойкости русских солдат, их высокого морального духа, понимая, что разбить русскую регулярную армию дело крайне трудное и будет стоить турецким войскам огромных жертв. Один из офицеров-иностранцев, участвовавший в этом походе, вспоминая беседу с турецким пашой, писал: „Твердость наша их изумила, они не думали найти в нас столько ужасных противников. . . Судя по положению, в котором мы находились, и по отступлению, нами совершенному, они видели, что жизнь наша дорого будет им стоить, и решились, не упуская времени, принять наше предложение о перемирии, дабы нас удалить.“ Помимо этого, туркам стало известно, что отряд русских войск под командованием генерала Ренне вышел им в тыл и захватил Браилов — базу снабжения турецких войск. Учитывая сложившуюся обстановку, турки решили добиться своих целей дипломатическим путем и как можно скорее.

Ведение переговоров Петр поручил вице-канцлеру барону П. П. Шафирову.

Благодаря его дипломатическому искусству, а также подкупу пашей, на что пошли драгоценности Екатерины, сопровождавшей Петра в походе, 12 июля между Россией и Турцией был заключен мир, по которому русские возвращали туркам Азов и все побережье Азовского моря. Крепости, построенные Петром — Таганрог, Каменный Затон, Самара — подлежали уничтожению, так же как и флот на Азовском море. Мирный договор не затрагивал завоеваний России в Прибалтике, чем был крайне недоволен Карл XII. Прискакав в турецкий лагерь, он потребовал разорвать договор или дать в его распоряжение турецкий войска для преследования русских, на что визирь ответил: „Ты де их уже отведаль, и мы их видели: и буде хочешь, то атакуй их своими людьми, а он (визирь) миру, с ними постановленного, не нарушит.“

Русские войска, получив от турок необходимое продовольствие, покинули свой лагерь и направились в обратный путь. Оценивая неудачу Прутского похода, Петр писал: „Сие дело есть хотя и не без печали, лишиться тех мест (Азова) где столько труда и убытков положено, но однако ж, чаю сим лишением другой стороне (Прибалтике) великое укрепление, которое несравнительно больше нам есть.“

Главная причина неудачи Петра в Прутском походе — ограниченные возможности линейного боевого строя регулярных войск перед огромным численным превосходством войск противника, уязвимость флангов при линейном построении перед атакой турецкой конницы. Тактика того времени еще не выработала более гибкого боевого порядка, как дивизионные каре П. А. Румянцева, полковые и батальонные каре А. В. Суворова, позволявшие при огромном численном превосходстве турецких войск наносить им сокрушительные поражения. Кроме этого, русская армия задержалась с выходом на Дунай, что позволило туркам переправиться на левый берег и захватить продовольственные запасы в Браилове, собранные там для русской армии.

Отрицательную роль сыграла и плохо поставленная разведка, неточная информация о продвижении и нахождении турецких войск.

В дипломатическом отношении Прутский поход завершился определенным успехом, хотя и дорогой ценой: была сохранена армия для дальнейших боевых действий в Прибалтике, Швеция лишилась ценного союзника в борьбе против России.

Неудача Петра в Прутском походе тяжело сказалась на восстании в Сербии и Черногории. Не получив помощи оружием и боеприпасами, 30-тысячное войско повстанцев оказалось изолированным и, несмотря на героическую борьбу, потерпело поражение. Многие сербы и черногорцы, в том числе и руководители восстания М. Милорадович, спасаясь от преследования турок, переселились в Россию.

Во время Прутского похода союзники России — Дания, Польша и Саксония — воевали в Померании. Вялость и несогласованность действий датчан и саксонцев мешали им взять важные опорные пункты шведов — города Штеттин, Штральзунд, Висмар и другие.

С прибытием 20-тысячного русского войска армия генерала Стенбока была разбита. Отряд Меншикова взял Штеттин. Значительная часть южного побережья Балтики была очищена от шведов. В 1713 году основным театром боевых действий стала Финляндия. Разрабатывая план действий в этом районе, Петр писал Апраксину: „главное дело, чтобы в будущую компанию как возможно сильные действия показать. Хотя она (Финляндия) нам не нужна вовсе, удерживать ради причин главнейших: первое, было бы что при мире уступить. . . , другое ежели бог допустит летом до Абова, то шведская шея легче гнуться станет. Основной удар русская армия наносила вдоль северного побережья Финского залива. Боевые действия пехоты успешно поддерживались кораблями Балтийского флота, главным образом отрядами галер. Летом 1713 года был взят Гельсингфорс. Затем сдались Або, в то время столица Финляндии, Борго, Таммерфорс.

Окончательное поражение шведский корпус генерала Армфельдта потерпел

пел 6 октября 1713 года в бою у деревни Пелкино, а затем у деревни Лаппола 19 февраля 1714 года. В этих боях войска Апраксина и Голицына вынуждены были действовать в сложных условиях пересеченной местности с множеством озер и рек, где показали замечательные примеры творческого решения тактических задач. «В сражениях у Пелкино и особенно у Лаппола линейный боевой порядок сохранялся только как форма построения. Содержание же его становится иным. Ставка в бою на залповый огонь как параллельное огневое составление сражающихся уже не является основой русского боевого порядка. В обоих случаях русские предпринимали обход противника и дают бой с перевёрнутым фронтом. Победа достигается в результате смелого маневра, удара резерва и массовой штыковой атаки, завершающей огневую подготовку.»

После этих побед, чтобы полностью очистить южную Финляндию от шведов, оставалось взять еще одну сильную крепость — Нейшлот. Крепость имела мощные каменные стены, упиравшиеся своими концами в озеро. При штурме они представляли труднопреодолимую преграду. Поэтому Петр дал приказ И. Шувалову, выборгскому коменданту, штурмовать крепость в крайнем случае. Выполняя приказ Петра, отряд Шувалова блокировал крепость и огнем осадных батарей вынудил гарнизон капитулировать.

Таким образом, в результате боевых операций 1713 — начала 1714 года, совместными усилиями армии и флота боевая мощь Швеции на суше была окончательно сломлена.

В кампанию 1714 года главный удар русской армии и флота наносился в районе города Або и Аландских островов. К этому времени Балтийский флот насчитывал 186 галер, имевших на вооружении 870 пушек, 17 линейных кораблей, 4 фрегата, 5 шняв при 902 орудиях.

Шведский флот открытого моря имел линейных кораблей в два раза больше, но значительно уступал русскому галерному флоту. Он состоял из двух эскадр. Одна действовала против датчан на юге Балтики, другая, под командованием адмирала Ватранга — против русского флота.

Весной 1714 года эскадра Ватранга в составе 17 линейных кораблей, 5 фрегатов, 2 бомбардирских судов, 2 бригантины, 6 галер и одного брандера была сосредоточена у мыса Гангут, блокируя русскому флоту выход из Финского залива. В ходе войны возникла необходимость послать подкрепление войскам М. М. Голицына, действовавшим в районе Або. С этой целью весной 1714 года русский гребной флот в составе 89 галер и скампов с 15 000 солдат под командованием Апраксина направился в финские шхеры. Но, достигнув Гангутского полуострова, который глубоко вдавался в море, встретил основные силы эскадры Ватранга. Перевес сил оказался на стороне шведов. 18 июля в расположение русского флота прибыл Петр. Ознакомившись с разведывательными данными, он принимает дерзкое решение — перетянуть через узкий перешеек полуострова часть галер, чтобы их действия отвлекли силы шведского флота.

Командующий шведской эскадрой вице-адмирал Ватранг, узнав о строительстве «переволоки», направил к месту, где она должна была кончиться, отряд контр-адмирала Эреншельда в составе 10 судов, с задачей уничтожить русские галеры артиллерийским огнем, когда их будут спускать с берега на воду. Одновременно часть эскадры во главе с вице-адмиралом Лиллье направляется к главным силам русского флота, стоявшим у Тверминде, с целью атаковать его. В результате этих действий силы шведов были раздроблены, чем не замедлило воспользоваться командование русского флота. Используя безветренную погоду, когда шведские парусные корабли были лишены возможности маневрировать, авангард русской эскадры в составе 20 скампов пошел на прорыв и успешно осуществил его, пройдя мористее шведской эскадры, вне досягаемости ее корабельной артиллерии. Шведы, чтобы исправить положение, отвели корабли дальше в море, надеясь преградить путь остальным галерам. Между берегом и линией шведских кораблей образовался достаточно широкий проход. На рассвете 27 июля основные силы русской эскадры, прижимаясь ближе к берегу, прорвались на запад, потеряв только одну скамповую. В результате

этого дерзкого маневра отряд контр-адмирала Эреншельда оказался прочно заблокирован в шхерах Рилакс-Фиорда русскими галерами. На предложение сдаться в плен шведы ответили отказом и заняли боевую позицию, построив свои корабли в две линии, в центре которой находился флагманский фрегат „Элефант“. Русским пришлось действовать в неблагоприятных условиях, т.к. теснота в шхерах не позволяла ввести в бой все силы, т.е. использовать численное превосходство своего отряда. Шведы оказали упорное сопротивление — две первые атаки русских галер были отбиты и только третья увенчалась успехом. В результате жаркого боя, продолжавшегося около трех часов, все десять шведских кораблей были пленены. Кульминационным моментом боя стал abordаж галерами шведского флагмана — фрегата „Элефант“. Артиллерийский обстрел причинил ему большие повреждения. На корабле начался пожар, раненный в рукопашной схватке адмирал Эреншельд, защищаясь, упал в воду, но был спасен русским офицером и попал в плен вместе с командами своих кораблей.

В победной реляции о мужестве русских моряков и солдат говорится: „И хотя неприятель несравненную артиллерию имел перед нашими, однакож по зело жестокому сопротивлению перво галеры одна по одной, а потом и фрегат флаги опустили. Однакож так крепко оборонялись, что ни единое судно без абординирования от наших не отдалось. Шаудбейнахт опустил флаг скочил в шлюпку с своими гренадерами и хотел уйтить, но от наших пойман... Сею атакою командовал шаутбейнахт корабельного флоту (Петр) и генерал господин Вейд. Воистину нельзя описать мужество наших, как начальных так и рядовых, понеже абординирование так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым от пушек разорваны.“

Победа при Гангуте произвела огромное впечатление в Европе. Этому в большой степени способствовала русская дипломатия. Радуюсь победе, Петр писал своему послу в Голландии Б. И. Куракину: „Объявляем вам, коим образом всемогущий господь бог России прославил изволил, ибо по многим дарованным победам на земле, ныне и на море, венчати благословил: ибо сего месяца (июля) в 27 день шведского шаутбейнахта Нильсона Эреншельда с одним фрегатом и шестью галерами, и двумя шхерботами, по многому и зело жестоком огне у Гангута взяли.“

Это была первая победа молодого Балтийского флота на море. Десять плененных кораблей были отведены в Петербург. Столица торжественно отпраздновала Гангутскую викторию. В ее честь была выбита медаль с надписью: „Русский флот впервые“ — награда всем участникам сражения. За командование в сражении Петр получил чин вице-адмирала русского флота.

К концу 1714 года восточное побережье Ботнического залива было освобождено от шведских войск. Вся Финляндия, за исключением северных районов, находилась под властью русских. Аландский архипелаг был занят галерным флотом Апраксина. Тем самым были созданы благоприятные условия для нападения десантов на территорию Швеции. Петр не замедлил этим воспользоваться — в сентябре отряд генерал-лейтенанта Н. Ф. Головина в составе 9 скампов с десантом в 1000 человек пересек Ботнический залив и высадился на побережье Швеции. Охваченные паникой, шведы почти не оказали сопротивления. Отряд Головина занял город Умео и в течение месяца действовал в его окрестностях. Разрушив ряд железоделательных и оружейных заводов и захватив военную добычу, отряд благополучно вернулся на свою базу. Таким образом, гангутская победа открыла путь русскому флоту в Ботнический залив, поставила Швецию перед угрозой вторжения русских войск на ее территорию и захвата столицы государства — Стокгольма.

Кампания 1712—1714 годов служит примером взаимодействия сухопутной армии и флота, во время которой Петр, особенно в Гангутском бою, проявил себя таким же выдающимся флотоводцем-новатором, каким не раз проявлял себя, будучи полководцем сухопутной армии. Совместные действия армии и

флота для достижения общих целей было новым словом в военном искусстве того времени.

„Победа русского флота при Гангуте показала превосходство русского военно-морского искусства над военно-морским искусством шведов. Русское командование полностью использовало маневренные преимущества своего гребного флота перед линейным флотом противника в шхерном районе. Оно с исключительным мастерством организовало прорыв флота по частям с последующим блокированием и полным разгромом отряда Эреншельда.

Гангутская победа имела огромное военно-политическое значение. Она явилась таким же переломным моментом в ходе борьбы на море, как и победа при Полтаве на суше. Инициатива боевых действий на Балтике полностью перешла к русскому флоту.“

Ф. М. Апраксин (1661—1728).

Генерал-адмирал. Один из ближайших сподвижников Петра I. Отличился в боях за Выборг, Гельсингфорс, Борго, у мыса Гангут. Президент Адмиралтейств-коллегии. Неизвестный художник. 1-я половина XVIII в. Холст, масло.

F. M. Apraksin (1661—1728).

General-Admiral. One of Peter the Great's closest associates. Distinguished himself in the Battles of Vyborg, Helsingfors, Borga and Cape Hanko. President of the Admiralties Collegium. Anonymous artist. First half of the 18th c. Oil on canvas.

- △ Медаль, посвященная Ф. М. Апраксину.
1708 г. Серебро, чеканка.

Medal dedicated to F. M. Apraksin.
1708. Silver, chasing.

План шведской крепости Выборг.
Гравюра неизвестного мастера из „Книги Марсовой“. 1713 г.

- Plan of Swedish Fortress Vyborg.
▽ Engraving by anonymous master from “The Book of Mars”. 1713.

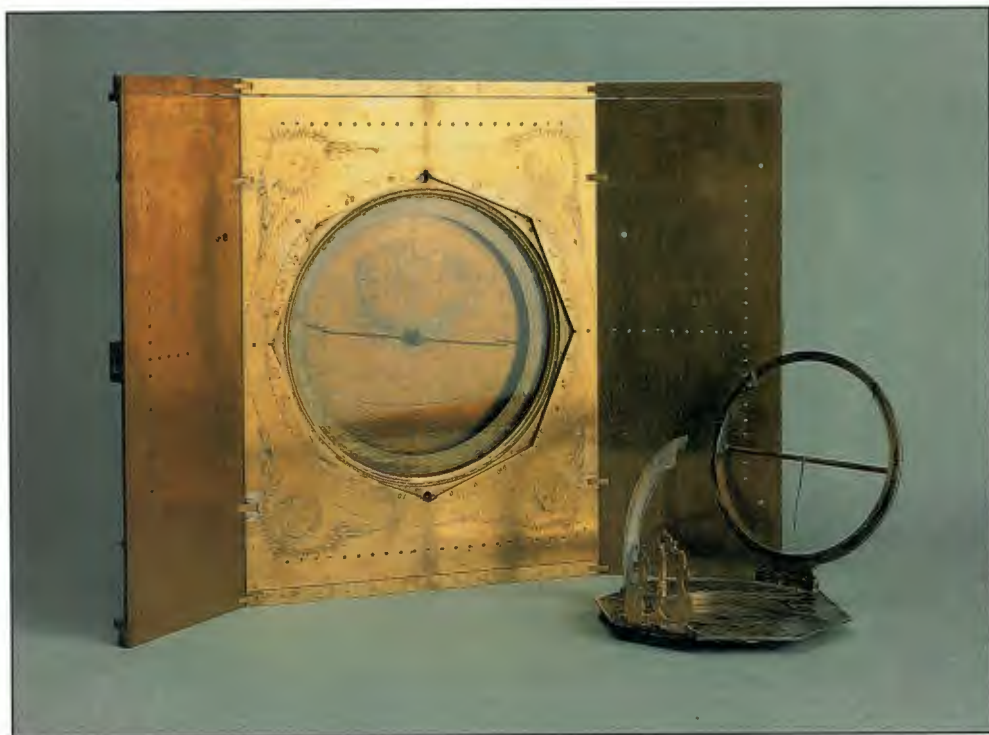

- △ Петр I.
Миниатюра художника П. Г. Жаркова (тип К. Моора —
А. Матвеева).
1796 г. Эмаль на меди.

Peter the Great.
Miniature by painter P. G. Zharkov (K. Moor—A. Matveyev type).
1796. Enamel on copper.

Морской компас и компас с солнечными часами.
Конец XVII—начало XVIII в. Медь, сталь, гравировка.

Navigation compass and compass with sun-dial.
Late 17th—early 18th cc. Copper, steel, engraving.

◀
Панорама Санкт-
Петербурга —
новой столицы России.
Гравюра А. Зубова. 1716 г.

View of St. Petersburg,
the new capital of Russia.
Engraving by A. Zubov. 1716.

△
Б. П. Шереметев.
 Неизвестный художник. Начало XVIII в. Холст, масло.
 (Из собрания Музея керамики —
 „Усадьба Кусково XVIII в.“).

B. P. Sheremetev.
 Anonymous artist. Early 18th c. Oil on canvas (From
 the Museum of Ceramics and the Kuskovo
 Estate of the 18th c.)

Вид города Риги.
Гравюра П. Шенка. Начало XVIII в.

View of Riga.
Engraving by P. Schenk. Early 18th c.

План крепости Рига, взятой
русскими войсками 4 июля 1710 г.
Гравюра неизвестного мастера
из „Книги Марсовой“. 1766 г.

Plan of the fortress of Riga,
captured by the Russian troops on
July 4, 1710.
Engraving by an anonymous master
from "The Book of Mars". 1766.

„Устав воинский“. 1716 г.

▽ Army Manual. 1716.

План крепости Динамюнде,
взятой русскими войсками 9 августа 1710 г.
Гравюра неизвестного мастера из „Книги
Марсовой“. 1766 г.

Plan of the fortress of Dünamünde, captured
by the Russian troops on August 9, 1710.
Engraving by an anonymous master
from "The Book of Mars". 1766.

Стволы и ядра русских пушек.
Начало XVIII в. Чугун, бронза, литье.

Barrels and cannon-balls of Russian guns.
Early 18th c. Cast-iron, bronze, casting.

ДИНАМЕНТЬ

План крепости Перново,
взятой русскими войсками 14 августа 1710 г.
Гравюра неизвестного мастера из „Книги Марсовой“. 1766 г.

Plan of the fortress of Pernau,
captured by the Russian troops on August 14, 1710.
Engraving by an anonymous master from “The Book of Mars”. 1766.

▷

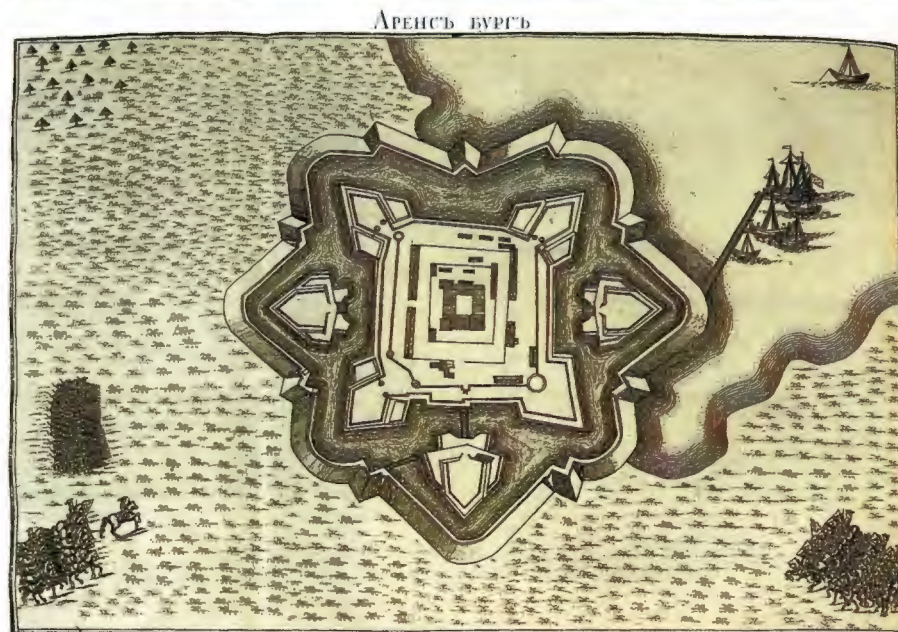
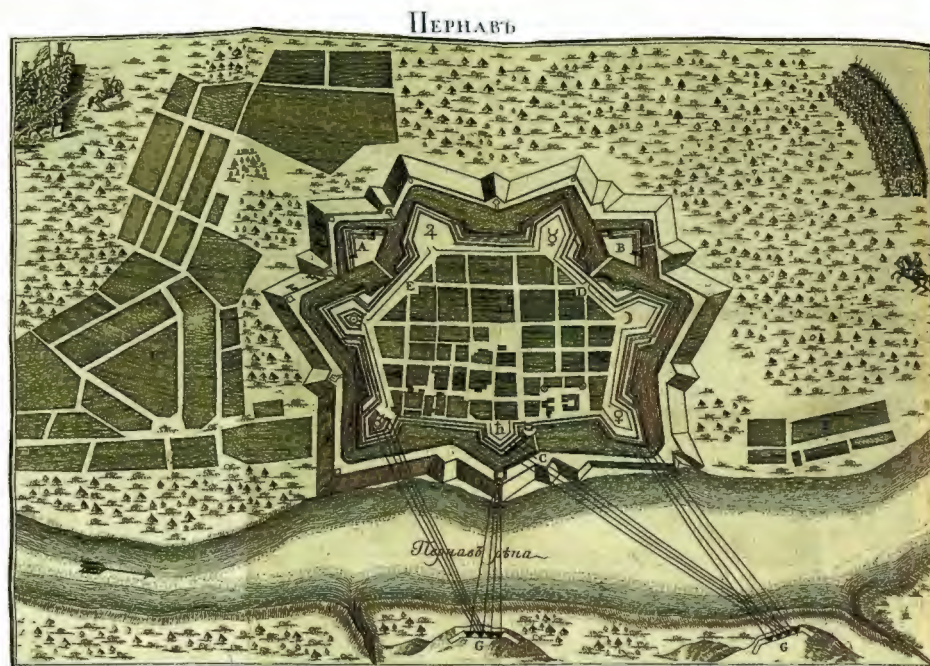
△
Петр I.
Миниатюра неизвестного художника.
1710-е гг. Эмаль на меди.

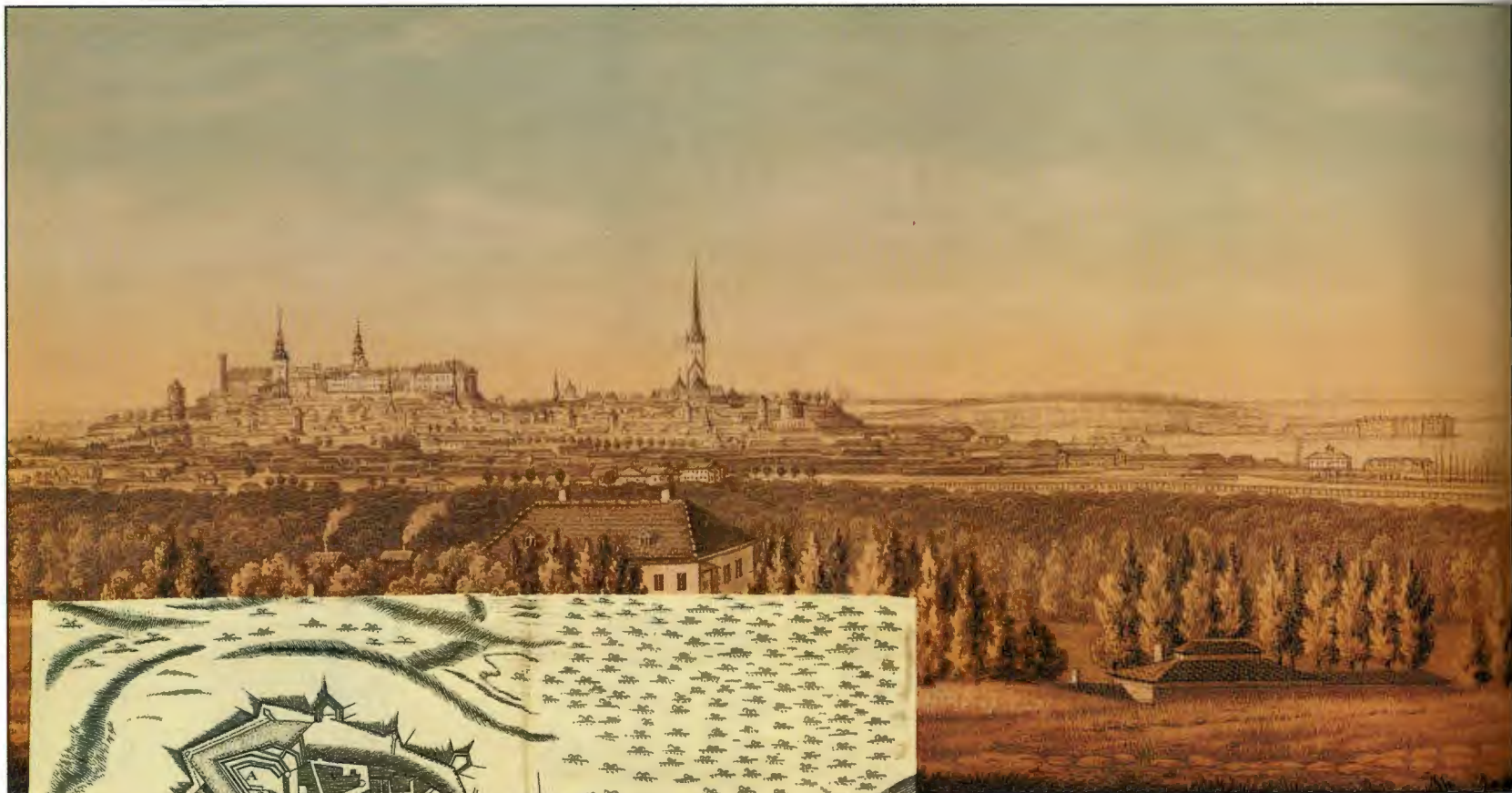
Peter the Great.
Miniature by anonymous artist. 1710s. Enamel on copper.

План крепости Аренсбург, взятой русскими войсками
12 сентября 1710 г.
Гравюра неизвестного мастера из „Книги Марсовой“. 1766 г.

Plan of the fortress of Arensburg,
captured by the Russian troops on September 12, 1710.
Engraving by an anonymous master from “The Book of Mars”. 1766.

▷

△ Вид на город Ревель. Хромофотография. Середина XIX в.

View of Reval. Coloured lithography. Mid-19th c.

◁ План крепости Ревель.
Гравюра неизвестного мастера из „Книги Марсовой“.
1766 г.

Layout of the fortress of Reval.
Engraving by anonymous master from “The Book of Mars”,
1766.

Баталия близ мыса Гангут. Гравюра А. Зубова. 1715 г.

Battle at Cape Hanko. Engraving by A. Zubov. 1715.

△ Петр I.
Гравюра И.-Ф. Баузе 1786 г. с оригинала Леруа 1717 г.
Peter the Great.
Engraving by J. F. Bauze, 1786, after the original by Leroi, 1717.

**Наградная медаль за победу у мыса
Гангут.
1714 г. Серебро, чеканка, муар.**

**Medal awarded for the victory
at Cape Hanko.
1714. Silver, chasing, moire.**

◁ **Сражение у мыса Гангут 27 июля 1714 г.
Гравюра М. Бакуа с оригинала
П.-Д. Мартена Младшего.
1-я четверть XVIII в.**

**Battle at Cape Hanko on July 27, 1714.
Engraving by M. Bakoit after the original
by P. D. Martin the Younger.
First quarter of the 18th c.**

△
Петр I.
Неизвестный скульптор (тип К. Растрелли).
1734 г. Бронза, литье.

Peter the Great.
Anonymous sculptor (C. Rastrelli type).
1734. Bronze, casting.

*Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!*

А. С. Пушкин

Окончание Северной войны. Ништадский мир

После Гангута Швеция попрежнему не хотела идти на мир, и Россия вынуждена была продолжать борьбу как на море, так и на суше. Английский посол Д. Мэкензи доносил в Лондон в декабре 1714 года о беседе с Петром: „... слова царя всегда сводились к тому, что он сам стоит за мир, но если ему нельзя будет заключить хороший мир, то он постоянно будет пускать в ход все усилия, чтобы сделать войну утомительной для его противника.“

К этому времени военно-политическая обстановка в Европе претерпела большие изменения. В 1713 году Англия и Франция подписали Утрехтский мир, положивший конец 13-летней войне за „испанское наследство“. Европейская дипломатия стала уделять больше внимания Северной войне. В конце 1714 года Карл XII под чужим именем и с небольшим конвоем пересек австрийские владения и появился в Померании, в крепости Штральзунд, которую осаждал 36-тысячная армия датчан, саксонцев и пруссаков. Однако, несмотря на появление короля среди осажденного 9-тысячного гарнизона, крепость пала, и Карлу XII пришлось бежать в Швецию. В 1716 году под ударами союзных войск капитулировал город Висмар. Южное побережье Балтийского моря было очищено от противника. Встал вопрос о десанте союзных войск на территорию Швеции. Англия и Голландия, преследовавшие свои цели, стали поддерживать Северный союз, т.к. шведский флот сильно вредил их торговле на Балтике. Обе страны испытывали большие трудности из-за нехватки различных материалов для кораблестроения, особенно первоклассной русской древесины. Помимо этого, английский король Георг I боялся потерять Ганновер, свое наследственное владение на континенте, тем более, что Карл XII вознамерился свергнуть его с престола и восстановить в Англии старую династию Стюартов. В 1716 году Петр решил воспользоваться благоприятной обстановкой, чтобы высадить свои войска в южной Швеции и продиктовать ей условия мира. С этой целью он направляет в район Копенгагена 22 корабля, не считая галерного флота, туда же подошли английская и голландская эскадры. На Военном совете адмиралы, командующие союзными эскадрами, выбрали верховным командующим Петра. Таким образом, он стал первым флагом огромного флота из 83 кораблей. В этом решении нашло признание его заслуг как создателя русского военно-морского флота и выдающегося флотоводца. Шафиров в письме к Меншикову от 7 августа 1716 года писал: „Такой чести никакой монарх от начала света не имел, что изволит ныне командовать четырех народов флотами, а именно: английским, русским, датским и голландским, чем вашу светлость поздравлю.“ Говоря о намерении Петра вступить в сражение с шведским флотом, он добавляет: „Мочно за счастье принять, ежели б короля шведского флот отважился дать с соединенным (флотом) баталию, то б мочно такой виктории на море, как и под Полтавою на сухом пути, уповать, но сказывают будто оный уже убрался заранею в гавань свой Карлскрон.“

5 августа 1716 года союзный флот под командованием Петра вышел из Копенгагена к Борнгольму. Петр поднял свой флаг на одном из лучших кораблей Балтийского флота „Ингерманландия“. „Итак, сын „тишайшего“ Алексея Михайловича, еще не столь давно лишь по наслышке знавшего, что на свете есть море, ныне командовал четырьмя флотами, а своим собственным флотом держал в страхе врагов и оказывал могущественное давление на все прибрежные страны Балтики. Россия наглядно для всех становилась в ряд великих евро-

пейских морских держав. " В честь этого события была выбита медаль с надписью: „Владычествует четвермя. При Бернгольме“.

8 августа флот подошел к месту назначения. Убедившись, что шведский флот укрылся под защиту батарей в гавани Карлскрона, Петр отправил в русские порты 250 торговых судов под охраной нескольких кораблей, а сам вернулся в Копенгаген, чтобы подготовить высадку десанта на шведском побережье. Однако, несмотря на то, что союзники имели 52 тысячи войск, высадка десанта не состоялась. Этому помешали разногласия между союзниками, а также боязнь растущего русского влияния на Балтике. Они медлили с выполнением своих обязательств, несмотря на все усилия Петра: „Бог ведает, что за мученье с ними, — писал он Апраксину, — самое надобное время упускают и как будто чужое дело делают.“ Тем временем шведы стягивали войска к месту предполагаемого десанта, строили укрепления. Приближалась зима, по вине датчан перевозка 26 тысяч русских войск к Копенгагену затянулась до поздней осени, продовольствие для десанта датчане не запасли, и Петр вынужден был отложить высадку на берега Швеции до следующего года. Русские войска временно разместились в Дании и Мекленбурге, флот вернулся на свою базу в Ревель. Такое решение Петра послужило поводом для антирусской кампании, развернувшейся по инициативе Англии, где „ревность к могуществу Петра быстро возрастала, так как русское владычество на Балтике угрожало стать для британской торговли хуже, чем было шведское,“ — так оценивал обстановку в 1716 году один из английских историков. В 1717 году английские представители в Голландии сообщали в Лондон: „Штаты (Голландия) с каждым днем все более и более ревниво относятся к увеличению могущества и к планам царя, и они обеспокоены продолжением северных смут, влияние которых они на себе очень тяжело чувствуют.“ Английские дипломаты разжигали вражду среди союзников России, распространяли слухи, что Петр стремится стать хозяином всего побережья Балтики и даже захватить Копенгаген, чтобы контролировать вход в Балтийское море. В результате Англии удалось расколоть Северный союз — в 1717 году Дания и Ганновер прекратили военные действия против Швеции.

Учитывая сложившуюся обстановку, Петр решил пойти на сближение с Францией и Пруссией. С этой целью в 1717 году царь предпринимает поездку в Западную Европу. Во время поездки Петр встретился с прусским королем Фридрихом Вильгельмом I и закрепил старые союзнические отношения новым соглашением. Затем через Голландию он приехал во Францию. Французский маршал граф де Тессе, встречавший Петра в Кале, передал герцогу Филиппу Орлеанскому — регенту при малолетнем короле Людовике XV — слова Петра, сказанные при встрече: „Положение Европы изменилось. Франция потеряла своих союзников в Германии. Швеция почти уничтожена и не может оказать вам никакой помощи. . . Я предлагаю Франции не только свой союз, но и свое могущество.“ Французское правительство, надеясь на помощь Петра в европейской политике и на благоприятные условия торговли с Россией, пошло на переговоры и вместе с Пруссией 15 августа 1717 года подписало в Амстердаме договор оборонительного характера. Договаривающиеся стороны обязались „способствовать своими усилиями поддержанию общественного спокойствия, восстановленного Утрехтским и Баденским трактатами, а также теми трактатами, которые будут заключены при умиротворении Севера,“ — т.е. после окончания войны со Швецией. Франция также брала на себя обязательство не оказывать Швеции денежной и военной помощи. С русской стороны договор подписали граф Головкин, барон Шафиров и князь Куракин. Хотя договор в значительной степени оказался формальным, все же Петр нанес чувствительный удар Швеции — она потеряла своего последнего союзника.

В 1717 году русские войска возобновляют боевые действия и наносят Швеции одновременно удары из Северной Финляндии и с моря, высадив десант на остров Готланд. Галерный флот под командованием адмирала Апраксина активизировал свои действия на морских путях шведов в Балтийском море. Разори-

тельная война, становившаяся для Швеции все более бесперспективной, заставила Карла XII пойти, наконец, на переговоры. Весной 1718 года на одном из островов Аландского архипелага встретились представители России и Швеции, чтобы выработать условия мирного договора. Русскую сторону представляли А. И. Остерман и Я. В. Брюс. „Генеральные Кондиции к миру“, которые Петр вручил своим уполномоченным, имели следующие условия: Ингрия, Карелия, Лифляндия с городами Ревель и Выборг переходили в вечное владение России. Финляндия уступалась Швеции.

Во время переговоров шведы выдвинули условия, по которым они хотели получить территориальную компенсацию за счет Ганновера и Норвегии. Русские дипломаты приняли эти условия, имея в виду, что Ганновер был наследственным владением английского короля Георга I, проводившего все более агрессивную политику по отношению к России, а Норвегия была захвачена Данией, которая в 1716 году сорвала готовившийся десант на территорию Швеции, и это стало началом раскола Северного союза. Следовательно, такое решение Петра было вызвано желанием наказать Англию и Данию за двурушническую политику, переросшую ко времени Аландского конгресса в откровенную враждебность. По выражению П. П. Шафирова, „оба приятеля наши (Дания и Ганновер) своею студенностью и противностью заслужила то.“

Несмотря на проволочки, стремление шведов затянуть переговоры, добиться от русских различных уступок, проект мирного договора был составлен и одобрен Петром.

В Западной Европе считали, что окончание войны между Россией и Швецией дело решенное. Но непредвиденное обстоятельство прервало переговоры и помешало заключению мира: 30 ноября 1718 года во время ночного осмотра осадных траншей под норвежской крепостью Фредериксхальд был убит Карл XII. Убит случайной пулей, хотя современники не исключали и покушение на короля. Так закончился жизненный путь „шведского паладина“, полководца, который „был очень силен, если не как стратег, то безусловно как тактик, находчив в бою, быстр, необычайно решителен, когда требовалось внезапно, тут же, под бомбами и пулями менять план атаки, воевавшего с Россией в самую цветущую пору своей жизни, в полном расцвете сил . . . гордого, безмерно славолюбвого и жившего только для славы.“

Рукой презренной он сражен в бою
У замка дальнего, в чужом краю,
И в грозном имени его для нас
Урок и назидательный рассказ.

Джонсон

Сестра Карла XII Ульрика-Элеонора, вступившая на шведский престол, сторонница сближения с Англией, прервала мирные переговоры. Министр Карла XII Герц, сторонник заключения мира с Россией, возглавлявший шведскую делегацию на переговорах, был осужден и казнен как изменник. Чтобы принудить Швецию к заключению мира оставалось одно средство — нападение на ее берега совместными усилиями армии и флота.

К этому времени Балтийский флот стал грозной боевой силой. В 1718 году в его состав входили 25 линейных кораблей, 3 фрегата и 2 бомбардирных судна. Экипажи кораблей насчитывали свыше 10 тысяч матросов и офицеров. На их вооружении имелось 1434 орудия. Кроме этого флот имел множество галер, полугалер, транспортных и иных судов, готовых взять на борт десант почти в 30 тысяч солдат. Петровские эскадры бороздили воды Балтики от Петербурга до Ревеля, Риги, Данцига, Штеттина, Копенгагена, подходили к предместьям столицы Швеции — Стокгольму. При появлении русских кораблей шведские эскадры прятались в гаванях под защиту крепостных батарей, не рискуя вступить в единоборство. С каждым годом набирая силы и совершенствуя боевое мастерство, Балтийский флот играл все большую роль в ходе военных действий, способствуя окончательному поражению Швеции.

Новый посол Англии при русском дворе Д. Джеффрис, пытавшийся повлиять на русскую дипломатию и смягчить условия мира, предложенные Швеции, писал: „Я считаю необходимым предупредить ваше превосходительство, что от здешнего двора не на что надеяться. . . Русские министры только и говорят, что о силе и могуществе их государя, и они в самом деле думают, что его царское величество уже ни в ком не нуждается и может никого не бояться.“

В начале 1719 года Швеция вынуждена была пойти на продолжение переговоров. При решении условий мира она рассчитывала на помощь Англии, а также на противоречия России с западноевропейскими странами. „Петр не испугался англичан с их открытой враждой, французоз — с их тайным недоброжелательством, датчан и голландцев — с их неискренней поддержкой „союзной“ России и секретными переговорами со Швецией“, — отмечал Е. В. Тарле. Чтобы сорвать заключение мирного договора, английская дипломатия готова была пойти на авантюрный план, предложенный Д. Джеффрисом, — послать на Алены два корабля под русским флагом, чтобы выкрасть шведских и русских послов. „ . . . Если бы его величество (Георг I) признал нужным прервать эти переговоры, то я подумал о проекте, который в случае его осуществления неминуемо прервет переговоры эффективно, по крайней мере, на некоторое время. Нужно не что иное, как только послать один или два фрегата к месту конгресса и силой увезти прочь шведского уполномоченного. . . Если его величество сочтет нужным прервать эти переговоры еще более эффективно, то московские уполномоченные также могут быть увезены прочь и затем высажены на берег либо в Данциге, либо в Кенигсберге или Риге.“ Правда, Лондон, боясь последствий, отклонил предложение своего посла пиратским образом осложнить или сорвать переговоры.

Между тем на верфях Петербурга продолжалось ускоренное строительство кораблей. Это все более обостряло отношения России с англичанами и другими европейскими странами, с тревогой наблюдавшими за темпами и результатами строительства Петром первоклассного флота. Если в 1713 году, по сведениям английского посла, Балтийский флот имел 17—18 линейных кораблей, то в 1719 году их насчитывалось уже 27—28. Из них в Петербурге в течение последних шести лет были построены: 90-пушечные „Гангут“ и „Лесное“, 78-пушечные „Нептун“, „Ревель“, 64-пушечные „Ингерманландия“, „Москва“, „Шлиссельбург“, „Екатерина“, „Виктория“, 50-пушечный „Полтава“, 32-пушечный фрегат „Илья“, 20-пушечный пинк „Александр“. На Петербургских верфях в 1719 году строилось еще 10 линейных кораблей, семь из которых должны были быть готовы к весне 1720 года.

Информируя свои правительства о положении дел в России, иностранные дипломаты сообщали интересные сведения об оценке Петром флотов наиболее сильных морских государств Европы. Так, французский посланник при русском дворе Г. Де-Лави писал в 1717 году: „ . . . Когда речь зашла о морских силах европейских держав, он сказал, что морские силы Франции находятся в очень печальном состоянии, что французский король имеет множество судов, которые погибают в портах, и что теперь король не в состоянии даже снарядить и послать в море эскадру из 12 линейных судов. Относительно Голландии царь сказал, что она очень обеднела из-за войны (против Франции), что она не в состоянии снарядить четыре корабля для конвоирования своих торговых судов в Архангельск и не могла даже присоединить свои суда к английской эскадре, посланной охранять английскую и голландскую торговлю в Балтийском море. Датский флот, по мнению царя, имеет несколько годных военных судов, но так как новых датчане не строят, то вскоре их морские силы окажутся в жалком состоянии.“

Что касается английского флота, самого сильного в Западной Европе, Д. Джеффрис докладывал в Лондон в мае 1719 года: „Еще недавно царь открыто в обществе высказал, что его флот и флот Великобритании — два лучших флота в мире. Если он теперь уже ставит свой флот выше флотов Франции и Голландии, отчего не предположить, что лет через десять он не признает свой

флот равным нашему или даже лучше чем наш? Короче — корабли строятся здесь не хуже, чем где бы то ни было в Европе, и царь принимает все возможные меры к тому, чтобы приучить своих подданных к морю, чтобы создать из них моряков.“ Передавая беседу с английскими корабельными мастерами, Д. Джеффрис замечает: „Один из них недавно уверял меня, что, проживи царь еще три года, у него будет флот в сорок линейных кораблей от семидесяти до девяноста пушек каждый, да двадцать фрегатов от тридцати до сорока пушек каждый, построенных здесь и как нельзя лучше.“

В июне 1719 года английское правительство направило в Балтийское море эскадру адмирала Д. Норриса в составе 12 линейных и двух вспомогательных кораблей с целью оказывать помощь шведам в борьбе против русского флота.

Для выяснения намерений английской эскадры Петр послал командующему письмом, в котором предупреждал английского адмирала: если он пришел на Балтику не с целью обеспечения торговли, и без предупреждения приблизится „со своей эскадрой к нашему флоту или землям и местам, то мы принуждены то молчание ваше принять за знак противности и злого на нас умыслаемого намерения против нас и флота и земель наших, и принимать против того безопасность свои надлежащие меры по воинскому резону.“ Присутствие английской эскадры не изменило намерение Петра нанести удар по шведскому побережью. Русское командование еще более решительно стало готовиться к кампаниям 1719 года.

Боевые действия на море начались с захвата отрядом русских кораблей 13 торговых шведских судов у входа в гавань Стокгольма. От пленного шкипера стало известно, что в Стокгольм направляются из Пиллау и военные корабли для охраны купеческого каравана. Навстречу им из Ревеля вышел отряд под командованием капитана второго ранга Н. А. Сенявина в составе шести 52-пушечных кораблей и одной шнявы. 24 мая у острова Эзель Сенявин обнаружил шведский отряд в составе одного линейного корабля, фрегата и бригаантины. Начался морской бой. Артиллерийская дуэль продолжалась с 5 до 9 часов утра. В результате меткого огня артиллеристов шведские корабли потеряли почти весь такелаж и после безнадёжного сопротивления, не имея возможности спастись бегством, все три корабля сдались в плен. Это была первая победа русского флота над шведским в артиллерийском бою. Хорошая выучка экипажей, умелое маневрирование, слаженность действий кораблей отряда Сенявина принесли заслуженную славу русскому флоту.

В июле 1719 года русский галерный флот под прикрытием корабельного флота высадил несколько десантов южнее и севернее Стокгольма, которые стали продвигаться в сторону столицы. На своем пути десанты уничтожали металлургические и военные заводы, верфи и корабли. Шведские войска почти не оказывали сопротивления. По стране и в Стокгольме началась паника. Жители прибрежных городов и деревень бежали вглубь страны, хотя Петр и приказал „людей не токмо не брать, но не грабить и ни чем не досаждать, но внушать, что мы воюем потому, что сенат их не склонен к миру.“ Опасаясь захвата Стокгольма, королева Ульрика-Элеонора вынуждена была обратиться к Петру с просьбой о возобновлении переговоров. Принудив шведское правительство сесть за стол переговоров, Петр вернул флот на свои базы.

Англия понимала, что Швеция борется на пределах своих возможностей. Чтобы облегчить эту борьбу, английское правительство запугиванием, угрозами и подкупом заставило союзников России — Данию, Польшу и Пруссию — подписать мирные договоры со Швецией и прекратить против нее боевые действия. В конце 1719 года Англия заключила не только мир, но и союз со Швецией. 13 договоре, окончательно подписанном 21 января 1720 года, один из параграфов предусматривал посылку Великобританией сильной эскадры в помощь шведскому правительству, чтобы отразить нападение „москвитов на Швецию“. Попытка англичан создать общеевропейскую коалицию в составе Англии, Австрии, Дании, Ганновера, Пруссии, Саксонии, Турции для борьбы против России, чтобы лишить ее земель, полученных в ходе Северной войны, кончилась прова

лом. Русская дипломатия, используя противоречия между этими странами, ликвидировала угрозу борьбы на два фронта.

Петр, возмущенный политикой английской дипломатии, писал своему послу в Гааге Б. И. Куракину: „Того ради накрепко можешь обнадежить, что мы ни на какие их угрозы не посмотрим и бесполезного миру не учиним, но, что бы ни было, будем продолжать войну, возлагая надежду на правосудца бога против таких проклятых обманщиков.“

В апреле 1720 года в Балтийское море снова вошла английская эскадра адмирала Норриса в составе 21 линейного корабля и 10 фрегатов. 12 мая, соединившись со шведским флотом, она двинулась к берегам России. Главной задачей объединенных сил была борьба с петровским флотом и охрана побережья от вторжения русских десантов. Выполняя план намеченных действий, Петр решил упредить шведов и англичан. С этой целью отряд в 35 галер под командой бригадира Менгдена, с десантом более 6 тысяч солдат, высадился в районе города Умео и, углубившись на 30 километров на неприятельскую территорию, разорил и уничтожил вражеские склады боеприпасов и продовольствия, заводы, мастерские, захватил несколько торговых судов. Завершив операцию, отряд благополучно вернулся на свою базу. Шведы еще раз убедились, что английские корабли не в состоянии защитить их берега от многочисленных ударов русского флота.

В конце мая 1720 года объединенная англо-шведская эскадра подошла к Ревелю — одной из основных баз русского корабельного флота. К этому времени ревельская крепость была усилена 300 пушками, по берегам гавани выросли новые укрепления, державшие под обстрелом все подступы к городу. Вражеская эскадра, простояв три дня вне досягаемости русских батарей, не решилась напасть на Ревель, а узнав, что в это время русский десант высадился на шведском побережье, вынуждена была поспешить к Стокгольму, чтобы защитить столицу Швеции в случае нападения русских.

Поддержка английской эскадрой шведского флота не изменила намерения Петра оказывать и дальше давление на шведское правительство активными действиями на вражеской территории, чтобы принудить Швецию к заключению мира.

В боевых действиях летней кампании 1720 года Балтийский флот одержал еще одну выдающуюся победу над шведами неподалеку от острова Гренгам. Аландский архипелаг, куда входит и остров Гренгам, был удобным плацдармом, расположенным вблизи шведской территории, где можно было концентрировать силы для нападения на вражеские берега. В июле 1720 года на Аланах находилась флотилия из 61 галеры под командованием генерала Голицына с десантом в 11 тысяч человек, действия которой прикрывала корабельная эскадра адмирала Гофта. Для защиты Стокгольма и его окрестностей шведы сосредоточили в этом районе две эскадры — адмирала К. Шеблада в составе одного линейного корабля, двух фрегатов, двух галер, галиота и двух шхерботов, и адмирала К. Вахмейстера, которая имела три линейных корабля, двенадцать фрегатов, восемь галер, две бригантины, три шхербота и несколько более мелких судов.

26 июля эскадра Шеблада обнаружила русскую флотилию Голицына и, усиленная кораблями второй шведской эскадры (всего 14 выпелов) стала ее преследовать на переходе к острову Гренгам, стараясь навязать бой в открытом море. Но Голицын, учитывая неравенство в силах, уклонился от боя на открытом месте и отвел свой отряд в шхеры, на выгодную позицию в Флисесундском проливе. Шведская эскадра, преследуя русских, втянулась в шхерный район с узкими проливами и лишилась возможности маневрировать. Голицын блестяще использовал сложившуюся ситуацию: построив галеры боевым полукругом, он повел их в атаку. Завязался ожесточенный бой, длившийся около четырех часов. Сопротивление вражеских кораблей было сломлено abordажным боем и пленением четырех фрегатов. Остальные корабли были обращены в бегство.

Победа русского флота у острова Гренгам 27 июля 1720 года была резуль-

татом правильного использования преимуществ гребных кораблей перед парусными в шхерных районах мелководного побережья, умелого выбора боевой позиции и решительной атаки, в которой с особой силой проявились боевые качества русских моряков и солдат. Петр гордился этой победой еще и потому, что она была одержана несмотря на присутствие поблизости английской эскадры, пришедшей на помощь шведам, но не рискнувшей вступить в сражение. Отмечая это, он писал Меншикову: „Правда, не малая виктория может причислеться, а наипаче, что при очах английских, которые равно обороняли как их земли, так и флот.“ Пленные шведские корабли были приведены в Петербург, торжественно отметивший победу, в честь которой была выбита медаль с надписью: „Прилежание и храбрость превосходят силу.“

После сражения у Гренгама шведский флот уже не пытался вступать в сражение с русским флотом. Английская эскадра, не выполнив своих обязательств перед шведами, была отозвана из Балтийского моря, что означало полный провал всех попыток английской дипломатии помешать русскому флоту стать хозяином на Балтике. Швеция стала понимать, что, покинутая Англией, она не сможет справиться с Россией. „Король шведский и королева, — писал Г. Де-Лави, — сильно тронуты горестным положением, до которого дошли и стали, повидому, сожалеть, что в начале первых переговоров о восстановлении мира на Севере предпочли короля Великобритании царю. Они только поэтому согласились на все, сделанные ими в пользу этого государя, так и в пользу королей прусского и датского, уступки, что их уверили, будто за эти уступки им помогут возвратить все провинции, отнятые у Швеции царем; а между тем не только эти уверения не исполнились в действительности, но они увидели себя в необходимости купить мир с этим монархом путем еще новых уступок.“

После Гренгама новый король Швеции Фридрих I заявил, что страна больше не может продолжать войну. Через посредничество французского дипломата Я. Кампредона, прибывшего в феврале 1721 года в Петербург, шведы попытались навязать России свои условия мира, соглашаясь уступить только побережье Финского залива с Петербургом и Кексгольмом, а также Ингрию и Нарву. На что был получен от Меншикова твердый ответ: „Мы не хотим больше иметь столкновения со своими соседями, а для этого надо, чтобы нас разделяло море. Царь не уступит ни Ливонию, ни Эстонию, а с другой стороны, он не желает из собственного окна видеть землю соседа.“ Швеции ничего не оставалось, как пойти на мирные переговоры. И на этот раз они велись в финском городке Ништадте уполномоченными России Брюсом и Остерманом. 30 августа 1721 года мир между Россией и Швецией был, наконец, подписан. По договору шведский король уступал „за себя и своих потомков и наследников своего престола его царскому величеству и его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное, непрекословное вечное владение и собственность, в сей войне чрез его царского величества оружие от короны своей завоеванные провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, с городами и крепостями: Ригой, Динамундом, Перновым, Нарвкою, Выборгом, Кексгольмом и всеми прочими к упомянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гаванями, местами, берегами, с островами: Эзель, Даго, Меном, и всеми другими от Курляндской границы по Лифляндским, Эстляндским и Ингерманландским берегам...“ По условиям договора Финляндия, за небольшой частью, возвращалась Швеции. Россия в качестве вознаграждения за указанные земли выплачивала Швеции в двухгодичный срок 2 миллиона ефимков.

Условия предусматривали прекращение боевых действий. Между Россией и Швецией устанавливался „вечный истинный и нерушимый мир на земле и на воде“ и „вечное обязательство дружбы“. Был произведен обмен пленными.

Заключение Ништадского мира было торжественно отпраздновано по всей стране. Во время торжеств в Петербурге Петр, взойдя на помост, сооруженный на Троицкой площади, обратился к народу со словами: „Здравствуйте и благо-

дарите бога, православные, что толикую долговременную войну всеильный бог прекратил и даровал нам со Швецией счастливый вечный мир." На эти слова Петропавловская крепость ответила артиллерийским салютом, над площадью грянуло „Ура!“ А затем был пир и маскарад, город украсился иллюминацией и фейерверками. Было объявлено прощение осужденным, освобождение государственным должникам, отменены недоимки.

В ознаменование великой победы 22 октября Сенат преподнес Петру титул „императора всероссийского“, наименование „Великого“ и „Отца Отечества“. По этому случаю канцлер Головкин обратился к Петру со следующими словами: „Мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на театр славы всего света, из небытия в бытие произведены, и в общество политических народов присовокуплены.“ Генерал-адмирал, все флагманы и министры „просили государя, в знак всех понесенных его величеством в сей войне трудов, принять чин адмирала Красного флага, что государь с удовольствием и принял.“ Так был отпразднован Ништадский мир, положивший конец многолетней и тяжелой войне за выход России к Балтийскому морю.

Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданный и кровавый
Задал ей шведский паладин.
Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат
Дробя стекло, кует булат.

А. С. Пушкин

Северную войну Петр назвал „жестоккой школой“, но необходимой. Имея в виду, что война длилась 21 год, он писал: „Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно, но наша школа трехкратное время была, однакож, слава богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно.“

Северная война определила судьбу России, Швеции, Польши и других стран на многие десятилетия вперед. Она сыграла важную роль в истории Украины, Белоруссии, Прибалтики и Карелии. В результате победы Россия получила берега Балтийского моря, что в огромной степени способствовало ее экономическому, политическому и культурному развитию. Таким образом, Северная война решила основную внешнеполитическую задачу, стоявшую перед Русским государством с XV века. По словам Пушкина: „Россия вошла в Европу как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек.“ Оценивая итоги войны, К. Маркс писал: „Петр I завладел лишь тем, что было абсолютно необходимо для нормального развития его страны.“

В ходе Северной войны и преобразований внутри страны Россия создала первоклассную армию, сильнейший на Балтике флот и стала могущественной мировой империей. К концу царствования Петра „... в Европе оставались лишь три державы, с которыми приходилось считаться: Австрия, Франция, Англия... И вот, лицом к лицу с этими тремя державами, разделенными традицией, экономическими условиями их жизни, политическими и династическими интересами или завоевательными вожделениями, запутавшимися в бесконечных распрях, постоянно стараящимися перехитрить друг друга, — лицом к лицу с ними стояла единая, однородная, молодая, быстро растущая Россия, почти неуязвимая и совершенно недоступная завоеванию...“ — писал К. Маркс.

* К. Маркс. История секретной дипломатии XVIII в. Гл. VI. (Цит. по кн. В. Е. Шутова. Северная война 1700—1721 гг. М., 1970, с. 158).

** К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, сс. 12—13.

◀
Корабли Балтийского Флота.
Гравюра П. Пикарта из книги
„Куншты корабельные“. 1718 г.

Vessels of the Baltic Navy.
Engraving by P. Picart from the book
"Kunshty Korabelniye". 1718.

◀ Петр I.
Неизвестный художник
(тип Ж.-М. Натье).
2-я половина XVIII в.
Холст, масло.

Peter the Great.
Anonymous artist
(G. M. Natier type).
Second half of the
18th c. Oil on canvas.

Медаль в память
командования Петром I
объединенными флотами
— русским, английским,
датским и голландским.
1716 г. Серебро,
чеканка.

Medal commemorating Peter
the Great's command of the
allied Russian, British,
Danish and Dutch Navies.
1716. Silver, chasing.

△ „Арифметика“ Л. Ф. Магницкого и „География генеральная“ — учебные пособия, которыми пользовались учащиеся Навигацкой школы. Начало XVIII в. Бумага, печать.

“Arithmetics” by L. F. Magnitsky and “General Geography”—textbooks used by students of the Navigation School. Early 18th c. Paper, printing.

Москва. Вид на Сухареву башню,
в которой находилась Навигацкая школа.
Литография Ф. Бенуа. Середина XIX в.

Moscow. View of Sukhareva Tower,
premises of the Navigation School.
Lithograph by F. Benois. Mid-19th c.

△
„Устав морской“ Петра I.
1724 г. Бумага, печать.

“Naval Code” by Peter the Great.
1724. Paper, printing.

△ Ларец с государственными печатями Петра I.
Начало XVIII в. Серебро, резьба, дерево.

Casket holding the state seals of Peter the Great.
Early 18th c. Silver, carving, wood.

◀ Большая государственная печать Петра I.
Начало XVIII в. Серебро, резьба.

Big State Seal of Peter the Great.
Early 18th c. Silver, carving.

План-карта Финского залива.
Гравюра середины XVIII в.

Map of the Gulf of Finland.
Engraving. Mid-18th c.

Встреча Петра I с французским королем Людовиком XV в Париже 7 мая 1717 г.
Гравюра неизвестного мастера. 1718 г.

Peter the Great meets the King of France Louis XV in Paris. May 7, 1717. Engraving by anonymous master. 1718.

△ Г. И. Головкин (1660—1734).
Виднейший сподвижник Петра I. Первый в России Государственный канцлер. Возглавлял Коллегию иностранных дел.
Неизвестный художник (тип И. Никитина). XIX в. Холст, масло.

G. I. Golovkin (1660—1734).
A prominent associate of Peter the Great. First State Chancellor of Russia.
Headed the Collegium for Foreign Affairs.
Anonymous artist (I. Nikitin type). 19th c. Oil on canvas.

△ П. П. Шафиров (1669—1739).
Выдающийся дипломат петровского времени. Вице-канцлер.
Неизвестный художник. XIX в. Холст, масло.

P. P. Shafirov (1669—1739).
Outstanding diplomat of the Petrine age. Vice-Chancellor.
Anonymous artist. 19th c. Oil on canvas.

**Верительная грамота
Г. И. Головкину,
П. П. Шафирову,
Б. И. Куракину
на заключение
договоров
с Францией и Пруссией,
подписанная Петром I
и скрепленная
государственной
печатью.
1717 г. Рукопись
на бумаге.**

<

[illegible]

**Inkwell and pen-holder.
Moscow. Early 18th c.
Silver, niello, gilding, engraving.**

БАТАЛІА
ПРИ ГРЕЙНГАМЕ, ВОДА 1792

Баталія при Гренгаме
27 июля 1720 г.
Гравюра А. Зубова. 1721 г.

Battle at Grönhamn
on July 27, 1720.
Engraving by A. Zubov. 1721.

Экспозиция „Балтийский флот“ на выставке „Русское оружие“.
Exposition “Baltic Navy” at the exhibition “Russian Arms”.

Подзорная труба.
Начало XVIII в. Латунь, стекло, кожа.

Spy-glass.
Early 18th c. Brass, glass, leather.

Торжественный ввод шведских фрегатов в Санкт-Петербург.
Гравюра А. Зубова. 1729 г.

Triumphant entry of Swedish frigates into St. Petersburg.
Engraving by A. Zubov. 1729.

◁ Петр I.
Гравюра Я. Хубракена 1724 г. с портрета
К. Моора 1717 г.

Peter the Great.
Engraving by J. Hubraken, 1724, after the portrait
by K. Moor, 1717.

Фейерверк в честь победы русского флота при Гренгаме. ▷
Гравюра неизвестного мастера. 1720 г.

Fireworks to mark the victory of the Russian Navy at Grönhamn.
Engraving by anonymous master. 1720.

Якорь.
Начало XVIII в.
Кованное железо.

Anchor.
Early 18th c.
Forged iron.

△ П. А. Толстой (1645—1729).
Видный дипломат петровского времени.
Чрезвычайный и полномочный посол в Турции.
Копия неизвестного художника XVIII в. с оригинала И. Г. Таннауэра.
1719 г. Холст, масло.

P. A. Tolstoy (1645—1729).
Prominent diplomat of Petrine times.
Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary to Turkey.
Copy by anonymous 18th-century artist after the original
by I. G. Tannauer, 1719. Oil on canvas.

△ А. И. Остерман (1686—1747).
Выдающийся дипломат петровского времени.
Участник переговоров на Аландском конгрессе.
Заклучил Ништадский мир со Швецией.
Неизвестный художник. 1720—1730-е гг. Холст, масло.

A. I. Osterman (1686—1747).
Outstanding diplomat of Petrine times.
A participant in the negotiations at the Aland Congress.
Signed the Treaty of Nystad with Sweden.
Anonymous artist. 1720—1730s. Oil on canvas.

Къ той рифмѣ приложена Королевская Великая
Печать, которая изображена нѣс сего.

А въ пинок же слабъ разпѣвица, со вѣщеніемъ же всего
Трактеата отъ слова до слова, дѣла съ спорами Его
Царского Величества, за подписаніемъ Его Величества
Собственнымъ рукою, и за Государственнымъ Великою
Печатію, сего Сентября 9 дн. 1741 году накомъ во ономъ
Титулѣ, и Имѣніи Его Царского Величества, въ надле-
жащихъ мѣстныхъ писаныхъ на Черномъ Королевскомъ Савѣскѣ.

[illegible]

РАТИФІКАЦІЯ

КОРОЛЕВСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СВѢДСКАГО, НА
СОБЛАЗДЕНІЕ ДАННОЕ, ОТЪ СВѢДСКИХЪ
ПОЛНОМОЧНЫХЪ МИНИСТРОВЪ ВЪ НІ-
ШТАТЪ О ТИТУЛАХЪ.

Въ сирѣхъ, божіею Милостию, Король Шведскій, Готсконъ и Вендсконъ и прочіа, и прочіа, и прочіа; и обавляющъ, что оубъ нынѣшъ Милостиву Договору въ Невѣстѣхъ, у Полномоченныхъ Милостиву Его Царскаго Величества; ко ономуу Договору у Полномоченныхъ Милостиву софитиенъ, и въ собственноручныхъ подписаніяхъ, и Печатію утвержденныхъ, утвержденныхъ Поимъ поименныхъ Его Царскаго Величества Полномоченныхъ Милостиву дружески, которыхъ слово оубъ тако, сиръ нынѣшъ:

[illegible]

Ratification of the Treaty of Nystad. 1721. Paper, printing.

**Medal in commemoration
of the Treaty of Nystad.
1721. Bronze, chasing.**

Жалованная грамота Петра I подполковнику Д. К. Карпову на земли в Московском и Коломенском уездах за участие в Азовских походах, Северной войне и строительстве Санкт-Петербурга. 1704 г. Бумага, акварель.

Charter presented by Peter the Great to Lieutenant-Colonel D. K. Karpov granting him land in Moscow and Kolomna Districts for participation in the Azov Campaigns, the Northern War and the building of St. Petersburg. 1704. Watercolour on paper.

Настольное украшение „Памятник Петру I в Санкт-Петербурге“. Конец XVIII в. Моржовая кость, резьба.

Desk piece “Monument to Peter the Great in St. Petersburg”. Late 18th c. Walrus bone, carving.

Стопа. Конец XVII в. Серебро, позолота, гравировка.

Winebowl. Late 17th c. Silver, gilding, engraving.

Курильная трубка, украшенная резьбой в честь побед в Северной войне. 1723 г. Моржовая кость, серебро, перламутр.

Smoking pipe with ornamental carving commemorating the victories in the Northern War. 1723. Walrus bone, silver, mother-of-pearl.

Табакерка.
На крышке композиция с медали, посвященной Полтавской битве. 1-я четверть XVIII в. Моржовая кость, резьба.

Snuff-box. The lid shows a composition taken from the medal dedicated to the Battle of Poltava. First quarter of the 18th c. Walrus bone, carving.

Настольное украшение „Петр I — победитель шведов“. 2-я половина XVIII в. Мамонтова кость, резьба.

Desk piece "Peter the Great, Victor of the Swedes". Second half of the 18th c. Mammoth bone, carving.

△
Пластина „Триумф Петра I“.
1740-е гг. Мамонтова кость, резьба.

Plate "Triumph of Peter the Great".
1740s. Mammoth bone, carving.

△ Триумф Петра Великого.
Неизвестный художник начала XVIII в.
Работа по гравюре Д. Галаяковского 1709 г.

Triumph of Peter the Great.
Anonymous artist, early 18th c.,
after the engraving by D. Galyakovsky, 1709.

△ Походная печать Петра I.
Начало XVIII в. Железо, резьба.

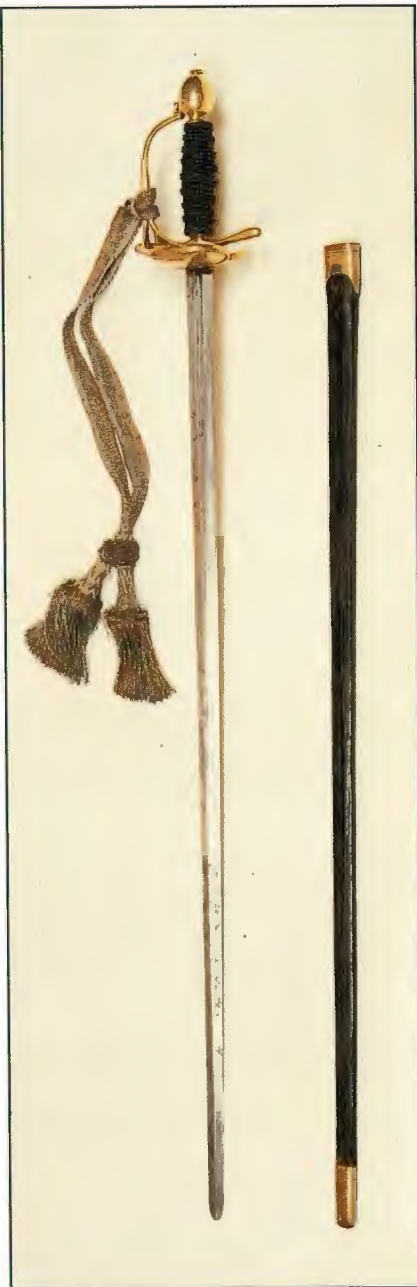
Field Seal of Peter the Great.
Early 18th c. Iron, carving.

▷ Шпага Петра I.
Начало XVIII в.
Сталь, дерево, кожа, позолота.

Sword of Peter the Great.
Early 18th c.
Steel, wood, leather, gilding.

▷ Кафтан Петра I.
Начало XVIII в.
Сукно, золотное шитье.

Kaftan of Peter the Great.
Early 18th c.
Cloth, gold embroidery.

Нагрудный офицерский
знак Петра I.
Начало XVIII в.
Латунь, позолота, эмаль.

Pectoral officer's ensignia
worn by Peter the Great.
Early 18th c.
Brass, gilding, enamel.

Офицерский шарф Петра I.
Начало XVIII в.

Officer's scarf worn
by Peter the Great.
Early 18th c.

◀ Мундир полковника
гвардейского Преображенского
полка.
Принадлежал Петру I.
Начало XVIII в.
Сукно, золотное шитье.

Full-dress uniform of Colonel
of the Preobrazhensky
Regiment of the Guards.
Belonged to Peter the Great.
Early 18th c.
Cloth, gold embroidery.

△
Звезда и крест первого русского ордена св. Андрея
Первозванного, учрежденного Петром I в 1698 г.
XIX в. Золото, драгоценные камни, эмаль.

Star and cross of the first Russian Order of St. Andrew the First-
Called, established by Peter the Great in 1698.
19th c. Gold, gems, enamel.

△ Петр I.
Гравюра П. Субейрана 1743 г. с оригинала Каравака 1723 г.

Peter the Great.
Engraving by P. Subeiran, 1743, after the original by
L. Caravaque, 1723.

△
Наградной знак с портретом Петра I
и надписью „За храбрость“.
1-я четверть XVIII в.
Золото, драгоценные камни, эмаль.

Decoration badge with portrait of Peter the Great
and the inscription "For bravery".
First quarter of the 18th c. Gold, gems, enamel.

Жалованная грамота
Петра I Г. И. Головкину
на земли и угодья в
Малороссии за услуги
перед государством
в годы Северной войны.
1711 г.

Рукопись на бумаге,
акварель, серебро,
позолота.

Charter presented by Peter
the Great to G. I. Golovkin
granting him lands
in Malorossiya for his
services to the state
during the Northern War.
1711. Manuscript on paper,
watercolour, silver,
gilding.

◁ План-карта Санкт-Петербурга.
Гравюра неизвестного мастера. Нюрнберг. 1720-е гг.

Map of St. Petersburg.
Engraving by anonymous master. Nuremberg. 1720s.

◁ Екатерина I (1684—1727).
Гравюра Я. Хубракена 1724 г. с оригинала
К. Моора 1717 г.

Catherine I (1684—1727).
Engraving by J. Hubraken, 1724, after the original
by K. Moor, 1717.

◁ Звезда и крест ордена
св. Екатерины,
учрежденного Петром I
в 1713 г.
XIX в. Золото,
драгоценные камни, эмаль.

Star and cross of the Order
of St. Catherine instituted
by Peter the Great in 1713.
19th c. Gold, gems, enamel.

△
Петр I.
Неизвестный скульптор (тип М. Колло). 1847 г. Мрамор.

Peter the Great.
Anonymous sculptor (M. Collot type). 1847. Marble.

*То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.*

А. С. Пушкин

Петр I в оценке современников и потомков

Вот уже почти триста лет личность Петра привлекает к себе большое внимание. Она вызывала огромный интерес современников, как соотечественников, так и иностранцев, стала объектом изучения и споров потомков. «К Петру нельзя было оставаться безразличным, — пишет В. М. Мавродин, — нельзя было „никак“ не относиться к нему. Его можно было либо любить, либо ненавидеть — середины не было. И такое отношение к нему современников и всех последующих поколений, вплоть до нашего, объясняется не только величием дела Петра, но и яркостью его личности, многогранной, сложной, порывистой и цельной; ярким его умом, горением его широкой русской души.»

Петр ни чем не походил на своих медлительных предков и чопорных европейских государей. Он был высок и красив, очень подвижен, обладал большой физической силой, был необыкновенно любознателен и трудолюбив. Жизнь его прошла в напряженном труде, в бесконечных войнах, поездках и походах. Петр исколесил почти всю страну от Архангельска до Дербента, побывал во многих европейских странах. Французы-современники так описывали Петра во время визита царя в Париж: «Он был высокого роста, очень хорошо сложен, худощав, смугл, глаза у него большие и живые, взгляд пронзительный и иногда дикий, особенно когда на лице показывались конвульсивные движения. Когда он хотел сделать кому-нибудь хороший прием, то физиономия его прояснялась и становилась приятною. Его неправильные и порывистые движения обнаруживали стремительность характера и силу страстей.

Никакие светские приличия не останавливали деятельность его духа, вид величия и смелости возведал государя, который чувствует себя хозяином повсюду.»

Французов, привыкших к роскоши двора Людовика XIV, поражала невиданная скромность Петра, его странные, трудно объяснимые поступки. «В Париже для царя были приготовлены два помещения: в Лувре и в доме Ледигьер. Сначала Петр приехал в Лувр, где для него были отведены великолепно убранные комнаты. . . . Тут Петр провел около трех четвертей часа, посмотрел на два стола, накрытые на 50—60 человек, спросил хлеба и редьки, попробовал шесть сортов вина, выпил два стакана пива, которое особенно любил, но никак не хотел оставаться в Лувре. Тщетно маршал Тессе упрашивал царя сесть за стол, уверяя, что король будет очень рад, если он проведет несколько дней в Лувре. Петр отказался и просил, чтобы его не стесняли; повидимому, помещение в Лувре ему показалось слишком великолепным. Сохранилось предание, будто царь сказал, что свита его в дороге вся запылилась и может запачкать эти прекрасные приборы. Приехав затем в дом Ледигьер, Петр взял из руки встретившего его там человека свечку, прошел в спальню, остался недоволен приготовленной для него постелью и ушел спать в комнату своего денщика, где лег на свою походную кровать.» Петр не любил пышных дворцовых залов и предпочитал скромные постройки с низкими потолками, уютными комнатами и спальнями. Летний и Зимний дворцы, возведенные по его желанию в столице, были так малы, что ассамблеи и приемы послов обычно устраивались в роскошном дворце Меншикова, генерал-губернатора Петербурга, или в Сенате. Однако, отказавшись от роскоши Лувра и поселившись в частном доме, Петр ревниво оберегал свое достоинство государя великого народа. Он настоял на том, чтобы семилетний французский король Людовик XV и регент первыми нанесли ему визит. Малолетний король очень понравился Петру и, прощаясь,

царь нарушил официальную церемонию, взяв ребенка на руки. По этому случаю он писал Екатерине: „Объявляю Вам, что в прошлый понедельник визитировал меня здешний король, который пальца на два более Луки (карлика) нашего, дитя зело изрядное образом, и по возрасту своему довольно разумен, которому семь лет.“ Во время ответного визита в Тюильри Петр взял маленького короля на руки и понес по лестнице. „Всю Францию несущ на себе“, — сказал он в шутку окружающим его придворным и дипломатам.

В повседневной жизни Петр был очень нетребователен и непритязателен. Его одежда состояла из простого суконного кафтана и камзола почти без кружев, обычных башмаков, чулок. Парик носил редко. Низкая треугольная шляпа была его любимым головным убором. Чрезмерная роскошь в одежде, господствовавшая среди европейской знати, не нравилась царю и нередко вызывала его насмешки. Во время пребывания во Франции, заметив, что маркиз де Нель ежедневно меняет платье, Петр сказал: „Мне кажется этот господин весьма недоволен своим портным.“ А покидая Париж, как говорят, заметил: „Жалею о короле и о Франции: она погибнет от роскоши.“ Петр довольствовался самой скромной пищей, в походах обычно той, чем кормили солдат и офицеров. Известно, например, что недалеко от Амьена Петр, торопившийся в Париж, отказался от великолепного обеда, приготовленного для него местным епископом. На замечание, что дальше по дороге долго не будет приличного стола, он сказал: „Я солдат, и когда найду хлеб и воду, я буду доволен.“

Повсюду, и в России, и за границей, Петр предпочитал разъезжать в скромной двуколке. Если же она не была готова, нетерпеливый царь садился в первый попавшийся экипаж. Так, однажды он сел в карету жены французского маршала Матиньона, которая приехала к нему с визитом, и приказал везти себя в Булонский лес, „маршал Тессе и гвардия, приставленная сопровождать его повсюду, бежали тогда за ним как могли.“ Не обладая придворными манерами, Петр в обществе — на балах и в гостях, держался непринужденно, требуя от каждого присутствующего лишь одного, чтобы „лишнего не врал и не задирали“. За столом он часто занимал место, не подходящее для государя, например, рядом с моряками и корабельными мастерами, что нередко вызывало скрытое раздражение и недовольство не только титулованной русской знати, но и иностранцев. Британский посол при русском дворе Д. Джеффрис доносил своему правительству, что английские мастера корабельного дела „пользуются таким почетом, на который нельзя было бы рассчитывать ни в какой другой стране, хотя бы они были знатными людьми, так как они окружены самым ласковым вниманием царя и, следовательно, всех высокопоставленных лиц государства. Они участвуют во всех царских развлечениях и на празднествах сидят за его столом, в то время, когда знатнейшие люди принуждены ждать стоя.“ „Должен заметить, — вторит ему французский посол Де-Лави, — так как господствующей страстью этого монарха является установление своего могущества на море, то он благоволил к этим господам, для него удовольствие проводить с ними целые часы у них в доме и доверительно с ними говорить о всякого рода делах, когда он может урвать минуту от своих дел.“

Петр был исключительно любознательным человеком. Он хотел все знать, все видеть и все делать своими руками. Малейшую возможность он использовал для пополнения своих знаний. Особенно это проявилось во время поездок за границу, где личность Петра неизменно вызывала всеобщее любопытство. Газеты и журналы того времени печатали подробные отчеты о посещениях царем различных городов, о его деятельности как государя, превратившего Москву в могущественное государство, развенчавшего славу Карла XII как непобедимого полководца, заставившего всю Европу говорить об успехах России, как на полях сражений, так и в строительстве промышленности, флота, городов, в деле внутренних преобразований. „Но особенно изумляла всех любознательность Петра. Он все осматривал весьма тщательно, заходил в лавки, к ремесленникам, выспрашивал их через князя Куракина о подробностях их работы, причем обнаруживал обширные познания. Вещи только красивые, служащие к

удовольствию, мало его занимали, но все, что имело полезную цель, что относилось к мореплаванью, торговле, к искусствам возбуждало его любопытство и тут он приводил в изумление верностью, проницательностью взгляда, обнаруживал такую же быстроту в изучении, как жадность в приобретении познаний.“ Некоторое представление о том, насколько разносторонними были интересы Петра во время таких поездок, дает неполный перечень дел, которые особенно занимали его в последнюю неделю пребывания в Париже в 1717 году: „1 июня царь был в Версале, где внимательно осматривал королевские комнаты. . . Приехав в Париж, он отправился на Монетный двор, где в его присутствии отчеканили медаль в его честь. . . 2 июня большую часть дня провел у герцога д'Антена. Там его видел Сен-Симон, отметивший, что Петр, „говоря много и оживленно, всегда сохранял свое величие, свое достоинство.“ 3 июня Петр посетил Сорбонну, где осматривал церковь и библиотеку, быстро переходя от одного предмета к другому. Наконец ему попались на глаза славянские рукописи и он стал внимательно рассматривать их. . . 4 июня Петр осматривал королевскую типографию, где в его присутствии было отпечатано множество пробных оттисков, затем посетил коллеж, основанный кардиналом Мазарини, откуда отправился к изобретателю движущегося глобуса по системе Коперника. В тот же день он опять был на гобельновой фабрике. 5 июня Петр смотрел эскерции французской гвардии и мушкетеров. Войска были расположены на Елисейских полях. Дюк де-Шон с сыном командовали конницей, д'Артаньян и Капильяк — двумя ротами мушкетеров. . . 6 июня Петр принял португальского посланника, посланника мальтийского ордена и папского нунция. Потом ездил смотреть химические опыты, был в лавке купца, затем снова в обсерватории, где провел более двух часов. 7 июня царь присутствовал на глазной операции, при удалении катаракты. Удостоверившись в успехе операции, Петр просил доктора взять для обучения русского ученика. В тот же день он встречается с герцогом Орлеанским, а затем поехал к королю прощаться. На другой день король „визитировал“ Петра и пожелал ему счастливого пути. Затем Петр отправился в судебную палату, чтобы присутствовать при заседании парламента. . . В тот же день Петр посетил Академию Наук, где по случаю его прибытия было назначено чрезвычайное заседание. . .“

Любопытство Петра нередко подвергало его жизнь опасности. Так, в Утрехте, во время посещения шелковой мануфактуры, он попробовал остановить колесо машины и при этом едва не погиб. Спас его рабочий, схватив и оттащив от колеса. Едва вступив на французскую землю, пользуясь отливом, он захотел объехать Дюнкирхенскую банку и отправился на нее в карете. Вдруг поднялся сильный ветер, прилив начался с необыкновенной быстротой и вода покрыла дорогу, на которой находился царь; он едва успел отпрячь одну из лошадей и усажать верхом от грозившей ему опасности.

Петр очень любил труд и знал четырнадцать ремесел. Для него было привычно держать в руках любой инструмент. Он был первоклассным кузнецом, плотником, токарем, мог отлить пушку и построить корабль. В ведомости Петербургского Адмиралтейства от 13 февраля 1704 года о выдаче жалованья сохранилась запись: „Корабельному мастеру Петру Михайлову триста шездесят шесть рублей. Принял и расписался.“ Петр, как и все мастера получал заработанные деньги строго по расценкам, установленным для мастеров „изучившихся во окрестных государствах корабельному художеству.“ Петр был не просто хорошим мастером, он был замечательным конструктором, опытным организатором производства. Построенный по его чертежам 64-пушечный корабль „Ингерманландия“ по своим мореходным качествам не знал себе равных и даже в XIX веке был образцом парусных кораблей.

Петр не только любил физический труд, но и гордился этим. „Видишь, братец, я и царь, — говорил он И. И. Неплюеву, руководившему строительством кораблей в Петербурге, — да у меня на руках мозоли, а все от того: показать вам пример и хоть бы под старость видеть мне достойных помощников и слуг Отечеству.“

Любовь Петра к труду высоко ценили простые русские люди, запечатлевшие эту черту его характера в своих песнях и сказаниях. „Вот царь — так царь! Даром хлеба не ел, пуще батрака работал,“ вспоминали работные люди о посещении Петром Олонецких заводов.

Петр не любил обращать на себя внимание, не любил пышных встреч и церемоний. Подъезжая к Амьену во Франции и узнав, что его собирается встречать весь город, Петр на окраине пересел в карету наместника Амьена „и промчался через город, не желая ни останавливаться, ни видеть кого-либо. Он даже до того боялся преследования, что вышел из моей кареты, не ближе четырех верст от города и потом уже пересел в свою, — вспоминал маркиз де-Нель. — Таким образом, все мои трехдневные приготовления были напрасны, кроме одного, что свита царская отдохнула и пообедала. Говорят, что царь от того так скоро проехал через Амьен, что его напугали назойливым любопытством здешние обыватели, а он терпеть не может глазеей на него толпы.“ За границы, где Петру приходилось принимать много посетителей, часто высокопоставленных и знатных, присутствовать на разнообразных приемах, „иногда наскучив толпой посетителей, он удалял их одним словом, одним движением или просто выходил, чтобы отправиться куда влекло его любопытство.“ Исключительно честный в большом и малом, Петр особенно ценил эти качества в других. Многие „птенцы гнезда Петрова“ за неблагоприятные дела хорошо были знакомы с дубинкой царя, а некоторые и с палачом. Незначительные проступки и человеческие слабости Петр понимал и легко прощал. Так, однажды Неплюев опоздал к царю. Сначала, испугавшись, он хотел скупавшись, но затем решил сказать правду: „Виноват, государь, вчера в гостях засиделся.“ И услышал в ответ: „Спасибо, малый, что говоришь правду. Бог простит. Кто богу не грешен, кто бабе не внук?!“

Петр говорил по-немецки и знал голландский, французский, польский и латинский языки. Он знал истинную цену знаниям и прежде всего любил точные науки, т.к. их можно было применить на практике в кораблестроении, фортификации, артиллерии, строительстве промышленных мануфактур, каналов, городов и т.д. Увлекался он и естественными науками, особенно анатомией, ботаникой, агрономией, зоологией. Его внимание привлекали и гуманитарные науки — юридические, философские, политические. „Он усиленно занят был также составлением истории собственного царствования и в это дело вносил немало личного труда“, — отмечал академик М. М. Богословский. По его распоряжению собирались летописи для написания отечественной истории, составлялись карты, готовились и отправлялись экспедиции, велась работа по организации Академии Наук. Г. В. Лейбниц, великий немецкий математик и философ, встречавшийся с Петром, в письмах к знакомым „восхвалял громадные способности царя, его опытность, многостороннее познания, его страсть заниматься механикой, астрономией, географией“. По достоинству оценив заслуги Петра перед Отечеством, Парижская Академия Наук избрала его своим членом. В благодарственном письме в Академию Петр писал: „что он с величайшею радостью и благодарностью принимает звание академика и постарается сделаться достойным ее членом, распространяя науки в своем государстве.“ Петр хорошо разбирался в архитектуре, знал живопись и другие виды искусства. Во время пребывания в Амстердаме в 1717 году он „занимался составлением чертежей, по которым должен был устраиваться великолепный петергофский парк. Что касалось картин, то ему более всего понравились произведения фламандского и брабантского вкуса. Он покупал картины Рубенса, Ван-Дейка, Рембранта, Ян Стена, Мириса, Ван-дер-Вефа, Вувермана, Остада, морские виды Адама Сило и пр.“ Его коллекции живописи и скульптуры положили основание Эрмитажу.

При всем этом Петр оставался сыном России и своего века. Часто развлечения царя были жестокими, грубыми, варварскими. Созданный им „Сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший Собор“ своими безобразиями и выходками наводил ужас на Москву. Нередко попойки „Собора“ и „шутки“ его участников заканчивались для некоторых смертью. Хотя, как отмечает В. М. Мавро-

дин, „горячительные напитки не были непреодолимой потребностью Петра. Но как истый русский человек, широкая натура и хлебосол, он любил угостить в том смысле этого слова, какое вкладывалось в него в позапрошлый „осмнадцатый“ век, то есть напоить до полусмерти, а иногда и до смерти. . . . Часто на пиру чьи-нибудь неосторожные слова вызывали со стороны Петра вспышку дикой ярости. Куда девался радушный хозяин или веселый гость! Лицо Петра искажалось судорогой, глаза становились бешеными, плечо подергивалось; и горе тому, кто вызывал его гнев. Одна только Екатерина способна была его успокоить. Петр охотно принимал участие в розыске, пытках и казнях. В нем причудливо сочетались веселый нрав и мрачная жестокость. Он мог совершенно неспешно соединять веселье с кровопролитием. 26 июня 1718 года в сыром мрачном козмете ушел в небитие его единственный сын, а на следующий день Петр шумно праздновал годовщину Полтавской „виктории“ и в его саду „довольно веселились“ до полуночи.“

В истории с царевичем Алексеем — противником преобразований, вокруг которого группировались реакционные силы, мечтавшие вернуть Россию к стародавним порядкам, ярко отразились понятия Петра о долге и службе Отечеству, его беспокойство и тревога за будущее России, его непреклонное стремление уничтожить любые преграды на пути развития государства. Петр предпринимал неоднократные попытки сделать сына своим сторонником и последователем, но безуспешно. Для славы Отечества „своего живота не жалею, неужели тебя недостойного пожалую?“ — заявил Петр сыну. Неприятие петровских преобразований, враждебность к деятельности отца и его сподвижников определили трагическую судьбу царевича Алексея.

Скорый на расправу, Петр понимал, что его решения будут иногда несправедливыми и говорил своим близким: „Знаю, что я также погрешаю и часто бываю вспыльчив и тороплив; но я никак за то не стану сердиться, когда находящиеся около меня будут мне напоминать о таковых часах, показывать мне мою торопливость и меня от оной удерживать.“ Правда, редко кто из приближенных Петра отваживался „удерживать“ царя в момент гнева.

Смерти Петр не боялся, во всяком случае ни делом, ни словом ни разу не обнаружил страха перед ней. Когда адмирал Крюйс в 1713 году посоветовал Петру не идти в опасный поход от Котлина в Ревель ввиду возможного наличия в Финском заливе превосходящего по силе шведского флота, заметив, что „щастие и нещастие в баталии часто состоит в одной пулке“, Петр ответил: „Бояться пульки — не идти в солдаты.“ Он много раз доказывал свою храбрость: в сражении при Лесной, в Полтавской баталии, у мыса Гангут. Во время наводнения в Петербурге 28 октября 1724 года он, рискуя жизнью, бросился в Неву спасать тонущих солдат. „За мое Отечество и люди живота своего не жалел и не жалею“, — говорил Петр.

„В гигантской, длившейся двадцать один год борьбе Петр проявил во всем блеске свои разнообразнейшие гениальные способности. Он оказался и первоклассным стратегом (полководцем и флотоводцем), и проницательным высокоталантливым дипломатом, которого не могли обмануть ни англичане, ни французы, ни шведы, ни Австрия, ни Пруссия. Он проявил себя и как замечательный законодатель и администратор.“

Петр I был широко образованным полководцем, воином по призванию. Венцом его полководческой деятельности стала битва под Полтавой. Оценивая полководческое искусство Петра, французский военный теоретик и писатель Роканкур писал: „Следует отметить в этом сражении новую тактическую и фортификационную комбинацию, которая была реальным прогрессом. Петр, отстранив рутину, которая с давних времен принуждала армии оставаться неподвижными за ретраншементами в длинных линиях, прикрыл фронт своей пехоты редутами, отделенными значительными интервалами. . . . этим способом до тех пор не употреблявшимся, хотя одинаково удобным для наступления и обороны, должна была быть уничтожена вся армия авантюриста Карла XII.“

Выдающийся полководец и военный теоретик XVIII века Мориц Саксонский,

сын польского короля Августа II, в своем классическом труде по военному искусству говорит: „царь Петр, величайший человек своего столетия, боролся против военных неудач с терпением, равным величию его гения, и не переставал давать битвы, чтобы приучить к войне свои войска.“ Новаторской тактике Петра в Полтавской баталии, ее анализу он посвящает специальную главу под характерным названием: „О редутах и об их превосходном значении при боевых построениях.“ Даже Карл XII, прославленный шведский „Александр Македонский“, которого Петр превратил в „скитающегося по турецким степям бесприютного беглеца, а Швецию во второстепенную державу“, отдавал должное своему противнику. Шведский генерал Ранк во время встречи в Гааге с русским послом Куракиным в 1716 году говорил: „Я был при шведском короле в Турции и в Штральзунде, и все это время Карл XII отзывался о царском величестве с большим уважением: он считает его первым государем в целой Европе.“

Стратегические и тактические принципы Петра как полководца были изложены в „Уставе воинском“ 1716 года, а затем дополнены статьями, составленными на основе боевого опыта всей Северной войны. Полководческое новаторство Петра, формировавшееся в ходе тяжелых „баталий“ со шведами, хорошо продуманные стратегические планы, оригинальность и самостоятельность их решения в ходе боев поставили Петра в ряд величайших полководцев мировой истории.

Видный государственный и религиозный деятель петровского времени Феофан Прокопович, приветствуя Петра после Полтавы в Киевском Софийском соборе, говорил: „Величие и славу победы не иным мерил мерим, токмо силою и храбростью побежденного от тебя супостата, свирепством и лютостью истинного льва свейского, ногою твоєю поправного...“

Яркий стратегический и тактический талант, смелость и решительность в бою отличают Петра и как выдающегося флотоводца. Многолетний опыт борьбы на море и результаты побед над шведским флотом были обобщены в „Уставе морском“, который на многие годы стал руководством для русских моряков. Идеи Петра о роли флота, обогащенные творчеством его последователей, адмиралами Г. А. Спиридовым, С. К. Грейгом, Ф. Ф. Ушаковым, Д. Н. Сенявным, одержавшими замечательные победы на Балтике, Средиземном и Черном морях, прославили русский военно-морской флот. И не случайно А. В. Суворов, узнав, что эскадра Ф. Ф. Ушакова в 1799 году взяла штурмом неприступную французскую крепость на острове Корфу в Ионическом море, воскликнул: „Великий Петр наш жив! Что он по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах (у мыса Гангут) произнес, а именно: „Природа произвела Россию только одну; она соперниц не имеет!“ — то и теперь мы видим... Я теперь говорю сам себе: „Зачем не был я при Корфу хотя бы мичманом?“ Не менее восторженно отзывался о Петре и Наполеон Бонапарт: „Он был, как и я, артиллерийским поручиком!“ — с восхищением говорил о Петре французский император своему адъютанту генералу Нарбону в 1812 году, в Кремлевском дворце. Наполеон, хорошо знавший историю военного дела, обратил особое внимание на то, что Петр гораздо раньше других полководцев оценил огромное значение артиллерии.

Важную роль во внешней политике Петра играла дипломатия. В начале XVIII века рядом со старым Посольским приказом, который уже не справлялся с резко возросшими задачами дипломатической службы, возникла „походная Посольская канцелярия“, превратившаяся со временем в Коллегию иностранных дел. Во главе ее были поставлены канцлер Г. И. Головкин и подканцлер П. П. Шафиров. При Петре дипломатическую службу успешно несли Б. И. Куракин, А. А. Матвеев, В. Л. Долгорукий, П. А. Толстой, А. И. Остерман и другие. Дипломатическая деятельность Петра проходила в сложных, часто очень тяжелых условиях, особенно в начальный период, когда с мнением представителей „Московии“ западные страны не находили нужным считаться. Во многих переговорах Петр сам принимал активное участие. Он ввел должности „чрезвычайных и полномоченных послов“, т. е. постоянных представителей России за гра-

ницей. В Москве, а затем в Петербурге появились постоянные представители многих европейских и восточных стран.

Главной задачей петровской дипломатии стала борьба по обеспечению выхода России к берегам Балтийского моря. Отправляя послов за границу, Петр подробно инструктировал их, как себя вести в различных ситуациях, быть дальновидными и расчетливыми, уметь сосредоточиться на главном и подчинять ему все остальное, как разоблачить ложь и распространить правду о своем Отечестве.

Трезвый и осторожный политик, честный и расчетливый в своих поступках, Петр умело направлял дипломатическую службу страны на защиту ее интересов. Он, первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению Швеции, Турции, Персии, Польши... так и по отношению к Германии, — писал Ф. Энгельс о Петре, считая его „действительно великим человеком“.

Петр с большой настойчивостью проводил принцип неприкосновенности личности посла, олицетворявшего честь и достоинство государства за рубежом. Характерным примером в этом отношении стал случай с русским послом в Англии А. А. Матвеевым. В 1708 году он был арестован и подвергся оскорблениям, что вызвало возмущение всего дипломатического корпуса. Пострадавшего посетили все „до единого иностранные министры, содрагаясь о таком affronte, от века не слыханном и нигде в историях... бесприкладном“. Английское правительство, пытаясь загладить инцидент, предложило Матвееву крупный денежный подарок, но посол не только не принял подарок, но демонстративно покинул Англию, заявив, что в его лице было нанесено оскорбление самому царю. На сессии английского парламента действия против Матвеева были признаны преступлением „как перед английскими законами, так и перед международным правом, на коем основывается привилегия посланников“, Петр потребовал смертной казни лицам, виновным в оскорблении посла. Королева Анна вынуждена была направить в Россию специальных послов с извинениями. При этом, в грамоте английской королевы Петр именовался „цесарем“, т. е. императором. Царь, „принимая на вид внимание нации, выраженной в парламентском акте, а так же честь, оказанную ему королевой настоящим посольством“, не стал настаивать на своем требовании сурово наказать виновных, удовлетворившись сообщением, что они уже привлечены к ответственности. Таким образом, данный инцидент, благодаря энергичному вмешательству Петра, послужил поводом для законодательного оформления посольского права.

Характеризуя Петра и положение в России после окончания Северной войны, французский посол при русском дворе Кампредон писал в Париж: „Он (Петр) выполнял обязанности барабанщика и плотника и постепенно переходя из чина в чин, дошел до звания генерала и адмирала, соблюдая во всякой должности с самой крайней точностью повиновение и субординацию по отношению к высшим начальникам и дисциплине... С непостижимым трудом и терпением ему удалось образовать хороших сухопутных и морских офицеров, превосходных солдат, более чем стотысячную регулярную армию, флот из 60 кораблей, из которых 20 линейные, при чем ежегодно он увеличивает свой флот стабильно-десятью галерами. Уже видели, как с этими судами он пересекал Балтийское море и был способен в очень короткое время перевезти значительную армию во владения своих соседей. Россия, едва известная некогда по имени, теперь сделалась предметом внимания большинства держав Европы, которые ищут ее дружбы, или боясь ее враждебного отношения к их интересам, или надеясь на выгоды от союза с ней.“

Высоко оценив результаты Северной войны, Кампредон, отмечая заслуги Петра как главы государства, полководца и дипломата, особо подчеркивал, что в нем проявился „великолепный гений, подкрепляемый зрелыми размышлениями ясного проникновенного рассудка, чудодейственной памятью и храбро-

стью" и что в то же время „он одарен необычайной осторожностью“. Все эти качества сделали Петра „величайшим обладателем земель во всей Европе и самым могущественным государем Севера.“

Невиданный размах преобразований Петра, всколыхнувший Россию, упорная многолетняя борьба за выход к Балтийскому морю по разному оценивались современниками и потомками. Если реакционные и консервативные силы, цеплявшиеся за старомосковские порядки, видели в Петре „антихриста“ и старались всячески очернить царя и его деятельность, — сторонники преобразований, сподвижники Петра и его последователи преклонялись перед ним, считая его чуть ли не божеством.

Восхищенный результатами преобразований и той ролью, которую играл в них Петр, М.В. Ломоносов писал в „Слове похвальном Петру Великому“: „Я в поле меж огнем; я в судных заседаниях между трудными рассуждениями; я в разных художествах...; я при строении городов, пристаней, каналов; я меж стенанием валов Белого, Черного, Балтийского, Каспийского моря и самого Океана духом обращаюсь; везде Петра Великого вижу, в поте, в пыли, в дыму, в пламени; и не могу сам себя уверить, что один везде Петр, но многие; и не краткая жизнь, но лет тысяча. С кем сравню великого государя!... Итак, ежели человека богу подобного по нашему понятию найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю.“ „Петр в понимании Ломоносова — это творец и одновременно символ новой России, человек, совершивший нечто неподвластное человеку, перевернувший весь жизненный уклад огромной страны, определивший ее настоящее величие и заложивший основы величия будущего, сотворивший мир новых культурных ценностей, создавший оптимальные условия для формирования нового человека и нового отношения к человеку и сам воплотивший в себе идеал нового человека: просвещенного и страстного, сильного духом и широкого душою, увлекающегося и расчетливого, — человека мощной индивидуальности, решающей чертой которого является гармоническое соединение личного и общенационального интереса,“ — отмечает Е. Н. Лебедев.

Пою премудрого Российского Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну,
Смирил злодеев внутрь и вне попрал противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и лъстивых,
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил.

Так славит „дела Петровы“ великий ученый в неоконченной героической поэме „Петр Великий“.

Кипучую и многогранную деятельность Петра, разбудившую Русь, славили многие писатели и поэты XVIII века. Г. Р. Державин свое восхищение и преклонение перед царем-преобразователем выразил такими стихами:

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе.

Н. М. Карамзин, увидев памятник Людовику XIV в Париже, писал о величии дел Петра: „... Си два героя были весьма не равны в великости духа и дел своих. Подданные прославили Людовика: Петр прославил своих поданных — первый отчасти способствовал успехам просвещения; второй, как лучезарный бог света, явился на горизонте человечества и осветил глубокую тьму вокруг себя, — в правление первого тысячи трудолюбивых французов принуждены были оставить Отечество: второй привлек в свое государство искусных и полезных чужеземцев, — первого уважаю как сильного царя: второго почитаю как великого мужа, как Героя, как благодетеля человечества, как моего собствен-

ного благодетеля.“ И далее, говоря о сооружении Петру памятника в Петербурге — „Медного всадника“, добавляет: „При сем случае скажу, что мысль поставить статую Петра Великого на диком камне, есть для меня прекрасная, несравненная мысль — ибо сей камень служит разительным образом того состояния России, в котором была она до времен своего преобразователя.“

Поэт-революционер К. Ф. Рылеев, обращаясь в „Думах“ к образу Петра с целью „возбудить доблесть сограждан подвигами предков“, писал:

Страшный в брани, мудрый в мире,
Превзошел ты всех владык,
Ты не блещущей порфиroy —
Ты душой своей велик.

Подобно Рылееву и другим поэтам-декабристам, А. М. Языков воспевал героическое прошлое русского народа. В его оценке:

Наш Петр, гигант между царей,
Один великий, несравненный,
И Карл, венчанный дуралей —
Неугомонный, неизменный,
С бродяжной славою своей.
Когда прославившись мечом,
Он шел с полуночным царем
Изведать силы боевые,
Не зная, дерзкий, как бодр
Железной волею Петра
Преображенная Россия!

В. Г. Белинский в горячих спорах с славянофилами, с присущей ему страстностью подчеркивал заслуги Петра в деле исторического прогресса страны: „Петр Великий есть величайшее явление не нашей только истории, но истории человечества; он божество, вызвавшее нас к жизни, вдунувшее душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России. Петру Великому мало конной статуи на Исаакиевской площади; алтари должны воздвигнуть ему на всех площадях и улицах великого царства Русского.“ В величии Петра Белинский видел величие русского народа, его исторического прошлого, его великого будущего. С гордостью он утверждал: „Из ничтожного духом народа и не мог бы выйти такой исполин, как Петр: только в таком народе мог явиться такой царь, и только такой царь мог преобразовать такой народ.“

Большинство представителей передовой общественной мысли XIX века, оценивая деятельность Петра, видели в нем уже не столько „земное божество“, сколько гениальную личность, выдвинутую на историческую арену ходом развития Русского государства, личность, претворившую в действительность жизненно важные преобразования для страны. Так, Н. А. Добролюбов утверждал, что Петр „разрешил вопросы, давно уже заданные правительству самой жизнью народной — вот его значение, вот его заслуги... Преобразования Петра давно сделались у нас достоянием народной жизни, и это одно уже должно заставить нас смотреть на Петра, как на великого исторического деятеля, понявшего и осуществившего действительные потребности своего времени и народа.“ Если Добролюбов видел в Петре реформатора-самодержца, который „в матросской куртке, с топором в руке, так же грозно и властно держал свое царство, как и его предшественники, облеченные в порфиру и восседавшие на золотом троне, со скипетром в руках“, то А. И. Герцен, характеризуя Петра, считал, что „к концу XVII века на престоле царей появился смелый революционер, одаренный обширным гением и непреклонной волей — это деспот по образцу Комитета общественного спасения“, „что его революционный реализм берет верх над его царским достоинством.“ Н. Г. Чернышевский отмечал, что основы грандиозных замыслов Петра опирались на „беспредельное желание благ Родине, одушев-

ляющие всю жизнь, направляющие всю деятельность этого великого человека". Отмечая беззаветное служение Отечеству, стремление видеть Россию „в блаженстве и славе“, Чернышевский подчеркивал, что „русский должен быть патриотом в том смысле, в каком им был Петр Великий.“

Многочисленные реформы и тяжелая война, потребовавшие огромных усилий государства, легли тяжким бременем на плечи народа, резко усилили феодально-крепостническую эксплуатацию. Мысль о том, что народ несет на себе основную тяжесть исторических преобразований, нашла яркое, образное выражение в одном из замечательных стихотворений А. К. Толстого:

- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Что ты изволишь в котле варить?
- Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!
-
- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А чем ты изволишь мешать ее?
- Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!
-
- Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
А кто же будет ее расхлебывать?
- Детушки, матушка, детушки,
Детушки, сударыня, детушки!

„Кашицу“, заваренную Петром из „заморских круп“, пришлось „расхлебывать“ народу, что нашло широкое отражение в песнях, сказаниях, сказках, преданиях.

„Ох, ты батюшка, государь-царь, православный.
Ты зачем, государь-царь, чернят разоряешь?
Ты зачем больших господ сподобляешь?“ —
поется в одной из народных песен.

Хотя преобразования Петра народ оплатил дорогой ценой: только убитыми и ранеными в Северной войне Россия потеряла 120 тысяч человек, но цель в основном была достигнута. Деятельность Петра была смелой попыткой выско- чить из рамок отсталости — военной, государственной, промышленной и куль- турной. Все, что мешало делу преобразований, Петр жестоко и неумолимо сметал со своего пути. По словам В. И. Ленина: „Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими сред- ствами борьбы против варварства.“*

Петр не успел завершить свои планы. Жизнь, полная непрерывной борьбы, повседневного напряжения и излишеств подорвала его здоровье. Спасая моря- ков на Неве во время наводнения 28 октября 1724 года, он простудился, вскоре слег в постель и 28 января 1725 года скончался.

Хоронили Петра в столице, поверженной в траур, в Петропавловском соборе при огромном стечении народа. Феофан Прокопович говорил в надгробном слове: „Что се есть! До чего мы дожили, о, россияне! Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем... Но дела Петра будут жить.“ Сам Петр верил и надеялся, что его дела не умрут вместе с ним, потому что они были обращены в будущее во имя процветания и славы Отечества: „Я предчувствую, — говорил он, — что россияне когда-нибудь, а может быть и при жизни еще нашей,

пристыдят самые просвещенные народы успехами своими в науках, неумолимо- стью в трудах и величием твердой и громкой славы.“

Северная война стала одной из самых ярких страниц героического прошлого нашего народа, свидетельством боевого искусства русской регулярной армии и военно-морского флота. Рассказы о героизме солдат и моряков во время войны со шведами передаются из поколения в поколение. Их дела неразрывно связаны с образом Петра I, ставшего в ряд великих деятелей русской и мировой истории. Мужество героев Полтавы и Гангута вдохновляло на подвиги солдат выдающихся последователей Петра I, развивших и обогативших его полковод- ческое искусство — П. А. Румянцева, А. В. Суворова, М. И. Кутузова; моряков Балтийского и Черноморского флотов, сражавшихся под командованием адми- ралов Г. А. Спиридова, С. К. Грейга, Ф. Ф. Ушакова. Боевому наследию героев Северной войны были верны многие военачальники русской армии и флота XIX — начала XX столетий. Среди них знаменитые генералы М. Д. Скобелев и А. А. Брусилов, адмиралы Д. Н. Сенявин и П. С. Нахимов...

Боевые традиции петровской армии и флота, овеянные славой громких „баталлий“ за честь и независимость нашей Родины, играли важную роль в деле воспитания патриотизма у воинов Красной Армии в годы Великой Отечествен- ной войны. Духовную силу русских исторических героев, помогавших потомкам выстоять в суровых испытаниях, поднимавших на подвиги советских солдат в годы борьбы против немецко-фашистских захватчиков, прекрасно выразил Л. М. Леонов, писавший в 1943 году в дни Курской битвы: „Ты не один в этой огневой буре, русский человек. С вершин истории смотрят на тебя песенный наш Ермак, и мудрый Минин, и русский лев Александр Суворов, и славный, Пушкиным воспетый мастеровой Петр Первый, и Пересвет с Ослябей, что первыми пали в Куликовском бою. В трудную минуту спроси их, этих строгих русских людей, что по крохам собирали нашу Родину, и они подскажут тебе, как поступить, даже оставшись в одиночку среди вражьего множества...“

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 301.

ПИСЬМА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
ПИСАННЫЯ
къ
ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛДМАРШАЛУ, ТАЙНОМУ
СОВѢТНИКУ,
МАЛТИЙСКОМУ, С. АПОСТОЛА АНДРЕЯ,
БЛАГОУ ОРА, И ПРУССКАГО ОРДЕНА
КАВАЛЕРУ,
**ГРАФУ БОРИСУ ПЕТРОВИЧЮ
ШЕРЕТЕВУ,**
ПО БОЛШОЙ ЧАСТИ СОВѢЩЕНІЮ ГОСУДАРСТВЕННАГО РУКОВОД, А ПИШЕ
СЪ ПОДПИСАННОЮ ХРАНИЛИСЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ
КАБИНЕТСКОЙ АРХИВѢ СИНІСЫМЫ, СКОЛѢКО
ОБЫЧЬ НАШЛОСЯ
У ЕГО СІЯТЕЛСТВА
ГОСПОДИНА СЕВЪРЪ, КАМЕРГЕРА, ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФА, СІАТОРА,
ОТДѢЛЕНІЕ С. АПОСТОЛА АНДРЕЯ, С. АЛЕКСАНДРА НОВИЦКАГО,
БЛАГОУ ОРА, И С. АРХИ
КАВАЛЕРА.
**ГРАФА ПЕТРА Б.
ШЕРЕТЕВУ**
КОТОРАЯ
ЖЕЛАНИЕМЪ И СІА
ОМА
НЪНѢ НА СВѢТѢ ИЗДАНЫ,
О ПЕРВОМЪ ПОДПИСАННОМЪ И ПЕРВОМЪ ПОДПИСАННОМЪ
ОБЪЯВЛЕНІИ О СІАТЕЛСТВѢ
ГРАФА БОРИСА ПЕТРОВИЧЮ
НАПЕЧАТАНЫ ВЪ
При Императорскомъ Уп

[194]

46 пудовъ сѣро	27 пудовъ пороку.
47 пудовъ сѣро	28 пудовъ пороку.
48 пудовъ сѣро	29 пудовъ пороку.

Желающихъ пудовъ сѣро 1 до 12 пудовъ пороку.

1 пудовъ сѣро	1 пудовъ пороку.
2 пудовъ сѣро	2 пудовъ пороку.
3 пудовъ сѣро	3 пудовъ пороку.
4 пудовъ сѣро	4 пудовъ пороку.
5 пудовъ сѣро	5 пудовъ пороку.
6 пудовъ сѣро	6 пудовъ пороку.
7 пудовъ сѣро	7 пудовъ пороку.
8 пудовъ сѣро	8 пудовъ пороку.
9 пудовъ сѣро	9 пудовъ пороку.
10 пудовъ сѣро	10 пудовъ пороку.
11 пудовъ сѣро	11 пудовъ пороку.
12 пудовъ сѣро	12 пудовъ пороку.

То гонимое описание каравельнаго строенія, 1 сообразно фланговъ съ удоволеніемъ
пудовъ, упованіемъ на чинъ окончилъ
пудовъ пороку да будущаго, 1 сообразно
пудовъ.

[195]

НОВОЕ ГАЛАНСКОЕ
КАРАБЕЛЬНОЕ
СТРОЕНІЕ
ГЛАШАЮЩЕЕ
СОВЕРШЕННО ЧИНЕНІЕ КАРАБАЯ,
СО ВСѢМЪ ЕМУ ВЪНѢШНЕЮ ЧАСТІЮ, ВЪСЛѢДІИ ОБЪЯВЛЕНІИ
КАРЪ СЛУЖАЩЕГО КАРАБАЯ, ВО ПРИБЛЪЖЕНІИ
АДМИРАЛА ВО ПРИБЛЪЖЕНІИ
ЕЩЕ ЕДИНЪ.
ПРИБЛЪЖЕНІИ КАРАБАЯ СЪ ПЕРВОГО РИСКА: ПУТНО
СЪ ИМПЕРАТОРСКОЮ ПРИБЛЪЖЕНІИ КАРАБЕЛЬНОЮ ЧАСТІЮ
[АДМИРАЛСКАЯ ЧАСТЬ]. ОУМЪ, ИЛИМЪ, 1 ИЛИМЪ
ПРИБЛЪЖЕНІИ МЕЖДУ СЕБЕЮ ГЛАВНОГО 1 ПРИБЛЪЖЕНІИ
НА.

△ „Письма Петра Великого генерал-фельдмаршалу
Б. П. Шереметеву“. М., 1774 г.
„Новое голландское корабельное строение“. М., 1709 г.

“Letters of Peter the Great to General Field-Marshal
B. P. Sheremetev”. M., 1774.
“New Dutch Shipbuilding”. M., 1709.

△ П. А. Румянцев-Задунайский (1725—1796). Великий русский полководец. Неизвестный художник. 1770-е гг. Холст, масло.

P. A. Rumyantsev-Zadunaisky (1725—1796). Great Russian military leader. Anonymous artist. 1770s. Oil on canvas.

△ А. В. Суворов (1730—1800). Великий русский полководец. Неизвестный художник. 1799 г. Холст, масло.

A. V. Suvorov (1730—1800). Great Russian military leader. Anonymous artist. 1799. Oil on canvas.

РЕЛЯЦІЯ

О

случившейся морской баталіи, между
россійскою авангардію, и
шведскою эскадрою.

Іюля въ 25 день, [то есть въ воскресенье] по полудни стала слышаться немалая стрельба въ морѣ, и потомъ съ оранвахѣмъ репортовали господина Адмирала, что та стрельба была отъ крейсеровъ непріятельскихъ, и потомъ въ 14 парусахъ шведской Вице-Адмиралъ Ливинъ пошелъ въ море, чего для много размышляли, для чего такая стрельба, и копия не вѣдали для чего, однакожъ положили за не просто, для чего господинъ Адмиралъ отправилъ на море господина Шаудсинакса [по прошенію его] къ ближнимъ островамъ отъ непріятеля, съ тридцатью пятью скампа-всами. И когда упомянутой господинъ Шаудсинаксъ прибылъ къ своему караулу и осмошрѣлъ, что шведской Адмиралъ Вагрангъ съ шестью кораблями линійными, и съ тремя фрегатами стоятъ на старомъ мѣстѣ, а упомянутой Вице-Адмиралъ идетъ на Зюйдъ Остъ, при которомъ и бомбардирскіе галіоты. Чего для болѣе

Ч 2

стали

„Книга Марсова“. Раскрыта на схеме боя и
реляции о сражении у мыса Гангут.
С.-Петербург, 1766 г.

“The Book of Mars”. Showing plan of battle
at Cape Hango and report on its procedure.
St. Petersburg. 1766.

Петр I.
Барельеф работы К.-Б. Растрелли.
1741—1743 гг. Бронза, литье, чеканка.

Peter the Great.
Bas-relief by C. B. Rastrelli. 1741—1743.
Bronze, casting, chasing.

△ С. К. Грейг (1713—1788).
Адмирал. Отличился в Чесменском сражении в 1770 г. Одержал блестящую победу над шведским флотом при Гогланде в 1788 г. Гравюра Д. Уокера 1788 г. с оригинала Д. Левицкого.

S. C. Greig (1713—1788).
Admiral. Distinguished himself in the Battle of Chesme in 1770.
Won a brilliant victory over the Swedish Navy at Sur-Sari in 1788.
Engraving by D. Woker, 1788, after the original by D. Levitsky.

Г. А. Спиридов (1713—1790). △
Адмирал. Разгромил турецкий флот в Чесменском сражении. Внес большой вклад в строительство и развитие русского военно-морского флота. Неизвестный художник. 1770-е гг. Холст, масло.

G. A. Spiridov (1713—1790).
Admiral. Vanquished the Turkish Navy in the Battle at Chesme.
Did much for the building and development of the Russian Navy.
Anonymous artist. 1770s. Oil on canvas.

△ Ф. Ф. Ушаков (1744—1817).
Адмирал. Великий русский флотоводец.
Одержал победы над турецким флотом у острова Фидониси,
в Керченском проливе, у Гаджибея и мыса Калиакрия.
Взял штурмом крепость на острове Корфу
и освободил Ионические острова от французов.
Художник С. Александровский. 1873 г. Холст, масло.

◇ F. F. Ushakov (1744—1817).
Admiral. Great Russian Naval Leader. Gained a number of victories
over the Turkish Navy at Fidonisi in the Kerch Strait,
at Gadjibel and Cape Callacria. Captured by storm the fortress at Corfu
and liberated the Ionian Islands from the French.
Painted by S. Alexandrovsky. 1873. Oil on canvas.

Модель русского линейного корабля 2-ой половины XVIII в.
Дерево, металл, ткань, раскраска.

Model of a Russian battleship of the second half of the 18th c.
Wood, metal, fabrics, painting.

▽

◄ Настольное украшение „Петр I — основатель русского военно-морского флота“. Отливка Фализа по модели М. Антокольского. Париж. 1896 г. Серебро, литье, чеканка.

Desk piece “Peter the Great, founder of the Russian Navy”. Cast by Falise after model by M. Antokolsky. Paris. 1896. Silver, casting, chasing.

◄ Кружка.

По венцу текст: „Въезд Петра Великого в Москву после Полтавской битвы 1709 г.“.

Фирма П. Овчинникова. 1877 г. Серебро, чеканка, позолота.

Mug.

Inscription along the rim runs: “Entry of Peter the Great into Moscow after the Battle of Poltava of 1709”.

Firm of P. Ovchinnikov. 1877. Silver, chasing, gilding.

Медаль на 200-летие сражения под Полтавой. 1909 г. Серебро, чеканка. Обратная сторона.

Medal commemorating the 200th anniversary of the Battle of Poltava. 1909. Silver, chasing. Reverse side.

△ Кружка в память основания Петербурга.

Фирма И. Хлебникова. 1872 г. Серебро, чеканка, позолота.

Mug in honour of the founding of St. Petersburg.

Firm of I. Khlebnikov. 1872.

Silver, chasing, gilding.

◀
Памятная медаль на 250-летие
сражения у мыса Гангут.
Художник А. Королук. 1964 г.
Томпак, чеканка.

Medal commemorating
the 250th anniversary
of the Battle at Cape Hanko.
A. Korolyuk. 1964. Tombac, chasing.

△
Полковые знаки лейб-гвардии Семеновского
полка, лейб-гвардии Преображенского полка,
лейб-гвардии Кексгольмского полка.
Начало XX в. Бронза, эмаль.

Regimental emblems of the Semyonovsky Regiment of the
Life-Guards, the Preobrazhensky Regiment of the
Life-Guards, and the Keksgolm Regiment of the Life-Guards.
Early 20th c. Bronze, enamel.

Плакетка в память 200-летия сражения у мыса
Гангут
„Мужество Петрово при Гангуте явлено 1714 г.“.
1914 г. Серебро, чеканка.

Plaque commemorating the 200th anniversary
of the Battle at Cape Hanko
“Courage of Peter at Hanko displayed in 1714”.
1914. Silver, chasing.

▽

Петр I.
Гравюра Г. Дюпона с оригинала П. Делароша.
Середина XIX в.

Peter the Great.
Engraving by G. Dupont after the original by
P. Delaroche.
Mid-19th c.

▷

Плакетка „Петр I — создатель
военно-морского флота в России“.
Миниатюры художника А. Максимова.
1970-е гг. Эмаль на меди, дерево.

Plaque “Peter the Great, founder
of the Navy in Russia”.
Miniature by artist A. Maximov. 1970s.
Enamel on copper, wood.

Художник Г. В. Ныркова
Фото В. Н. Серегина и
Е. В. Родькина

Ваза в память о победах
в Северной войне.
Роспись по гравюре Лармессена
на тему сражения при Лесной исполнена
Н. Корниловым. 1836 г.
Императорский фарфоровый завод.

Vase commemorating victories
in the Northern War.
Painting by N. Kornilov on engraving by
Larmessain on the subject of the Battle at
Lesnaya. 1836. Imperial Porcelain Factory.

На 3-ей полосе обложки:
Панорама Петербурга.
Раскрашенная гравюра. Начало XIX в. (Фрагмент)

Inside back:
View of St. Petersburg.
A colour print. Early 19th c. (Fragment)

На 4-ой полосе обложки:
Домик Петра I в подмосковной усадьбе Коломенское.
Современное фото.

Back:
House of Peter the Great in Kolomenskoye Estate
near Moscow.
Present-day photograph.

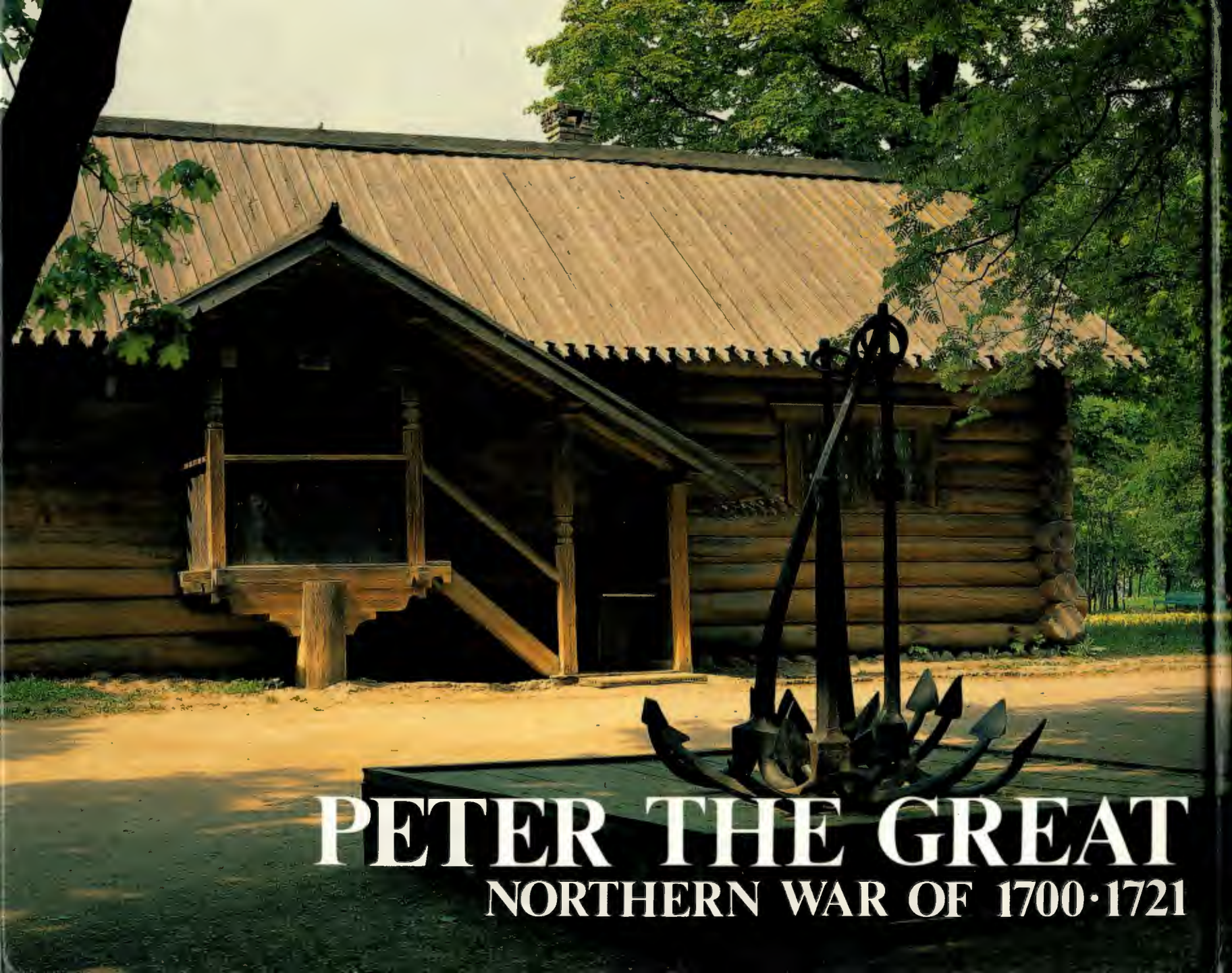

Крест и цепь ордена св. Андрея Первозванного.
XIX в. Золото, эмаль.

Cross and chain of Order of St. Andrew the First-Called.
19th c. Gold, enamel.

PETER THE GREAT

NORTHERN WAR OF 1700-1721